

MARTIN
HEIDEGGER

GESAMTAUSGABE

III ABTEILUNG:
UNVERÖFFENTLICHTE ABHANDLUNGEN
VORTRÄGE - GEDACHTES
BAND 69

Frankfurt am Main
VITTORIO KLOSTERMANN

МАРТИН
ХАЙДЕГГЕР

ИСТОРИЯ
ПРА·БЫТИЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2025

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6
X 15

*Издание осуществлено благодаря
Фонду развития общественных проектов «Время»
и Олегу Анатольевичу Матвейчеву*

Хайдеггер М.

X 15 История пра-бытия / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. В. Перцева;
под ред. В. А. Ткаченко-Гильдебрандта. – СПб.: Алетейя,
2025. – 204 с.

ISBN 978-5-00165-948-8

Данное издание представляет собой перевод 69 тома Полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера (Gesamtausgabe), осуществляемого издательством Vittorio Klostermann. Этот том вышел в свет в 1998 году под редакцией Петера Травны. В нем под одной обложкой объединены два трактата «История пра-бытия» (1938–1940) и «Κοινόν. Из истории пра-бытия» (1939–1940). Оба этих текста, так же как и происходящий из того же времени доклад «Преодоление метафизики» (1938–1939), содержательно связаны с работой «Доклады к философии (О событии)», создающей контекст, в котором возникают и другие работы Хайдеггера по истории пра-бытия, в том числе «Постижение смысла» (1938–1939). Здесь, так же как и в работе «Доклады к философии», испытывается и осмысливается истина пра-бытия как событие. Взгляд на событие в свете истории пра-бытия открывает путь к преодолению метафизики, которое в свою очередь неизбежно приводит к разбирательству с историческими феноменами Нового времени, завершающегося под властью «махинативности».

УДК 165.62
ББК 87.3(4Гем)6

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

ISBN 978-5-00165-948-8

© А. В. Перцев, перевод на русский язык, 2025
© Herausgegeben von Peter Trawny, 1998
© Verlag Vittorio Klostermann (Frankfurt am Main), 1998
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ (1938/40)

ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ. ЧАСТЬ I

I. ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ

1. История «пра-бытия» есть имя ...	15
2. История пра-бытия	15
3. Западная философия	16
4. Истина пра-бытия	16
5. Есть мы?	17
6. «Мы есть»	17
7. Вот-Тут-бытие	18
8. Пра-бытие	18
9. ἀλήθεια и пра-бытие	18
10. То, что истина...	18

II. ПРОТИВО-РЕЧИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ

11. Противоречие и опровержение (противоречие)	21
12. Историзм Нового времени и история пра-бытия	23

III. РАЗДЕЛ. ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ

13. Окончательное завершение метафизики	27
14. Спор	27
15. Спор	27
16. Мировое отношение	27
17. Историчный момент	28
18. Другое господство	28
19. Что это такое?	29
20. Пра-бытие и суще-бытующее	29

21. Начало	30
22. Что единственно необходимо	31
23. История пра-бытия	31
24. Представленность суще-бытующего как действительного	32
25. Сущность-бытность как представленность.....	33
26. История пра-бытия	33
27. Пра-бытие как раздор-конфликт	34
28. История пра-бытия	34
29. История «этого» пра-бытия	35
30. Незнание начала	35
31. История пра-бытия	35
32. Великодушие и долготерпение, нужные для подготовки к грядущему	37

IV. ЗАВЕРШЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ БЫТИЙНОЙ ПОТЕРЯННОСТИ

33. Окончательное завершение метафизики	41
34. Преодоление метафизики. Переход.....	41
35. Покинутость бытием	42
36. Конец Нового времени в истории пра-бытия	43

V. TO KOINON

37. Ход	49
38. Субъективность и бытийная покинутость	50
39. Κοινόν. К ходу	50
40. О понятии махинативности	51
41. Махинативность (понятая с точки зрения истории пра-бытия)	52
42. Махинативность и запустение	53
43. «Тотальная» война	55

VI. СДЕЛКА. СУТЬ СИЛЫ НЕОБХОДИМОГО

44. «Раз-личение»	59
45. След для выслеживания истины пра-бытия	59
46. След к истине пра-бытия Необыкновенное в существенном смысле	60
47. Истина пра-бытия	60
48. Пра-бытие	60
49. Выбор-решение Пра-бытие и человек	61
50. Решение-выбор	62
51. Разделение и будущее	64
52. Пра-бытие	65
53. Пра-бытие	66
54. Махинативность и со-бытие	66
55. Единственное различие	66
56. Откуда бытие как сила?	67
57. Сущность силы ^(а)	67
58. Существенное определение силы	75
59. Сила «нуждается» в силе (насилие)	77
60. Сила и насилие	79
61. Сила и преступление	79
62. Сущность силы и подчинение	80
63. «Демония силы»	81
64. Сила и истина	81
65. Сила и нивелирование	83
66. Власть и убожество	83
67. «Сила» и «система»	85
68. Сила и публичность	85
69. Необыкновенное и непредвиденное	85
70. Необходимое	86
71. Основанное на истории пра-бытия мышление	87

72. Суть философии	89
73. Человек и Вот-Тут-бытие	90

VII. СУТЬ ИСТОРИИ. «ПРИЛОЖЕНИЕ» «ПРА-БЫТИЕ»

74. История	93
75. История	93
76. История	93
77. Суть истории	94
78. История (прошлое время и бывшее)	95
79 История пра-бытия	95
80 История и пра-бытие	96
81. О сущности истории	96
82 Начало – История-Взлеты и падения начала	97
83. Сущность истории	97
84. «Жизнь» и «история»	98
85. История (Historie).....	98
86. История	99
87. История	100
88. Суть истории	100

VIII. ПРА-БЫТИЕ И ПОСЛЕДНИЙ БОГ

89. Последний Бог.....	103
90. Возражения.....	103
91. Надежность и Вот-Тут-бытие	103
92. Пра-бытие есть.....	104
93. Со-бытие	105
94. Земля и мир	105
95. Пра-бытие	106
96. Пра-бытие	106
97. Пра-бытие и Ничто	106

98. Пра-бытие	107
99. Бедственность-убожество	107
100. Бедственность и убожество	108

IX. СУТЬ ИСТОРИИ

101. Понятие, согласованное с историей пра-бытия	111
102. Пра-бытие	111
103. История пра-бытия	111
104. История пра-бытия	113
105. Дарование и постижение	114
106. Единое разделительное действие Немецкого и Русского – через машинерию-деловитость	114

X. СОБСТВЕННОСТЬ

107. Дар и убогое обнищание	119
108. Собственность (сущее-бытующее в пра-бытии как со-бытие)	119
109. Собственность	120
110. Собственность	120
111. Бытие	121
112. Собственность	121

ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ. ЧАСТЬ II

XI. НАПЛАСТОВАНИЯ ГОВОРЕНИЯ-СКАЗЫВАНИЯ

113. Пра-бытие	125
114. История пра-бытия.....	125
115. История пра-бытия	126
116. История пра-бытия.....	128
117. История пра-бытия	129
118. Пра-бытие	130
119. Пра-бытие	131

120. Пра-бытие	132
121. Ключевые слова	132
122. Пра-бытие только есть	132
123. Пра-бытие	132
124. Пра-бытие	133
125. Пра-бытие есть единственное как уникальное	133
126. Со-бытие	134
127. Со-бытие и история пра-бытия	134
128. В со-бытии	135
129. Истина как просвет	135
130. Истина	135
131. Сокрытие	135
132. Истина	136
133. Есть ли пра-бытие всегда?	136
134. Бытие как со-бытие	136

XII. ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ (ВОТ-ТУТ-БЫТИЕ)

135. Вот-Тут-бытие	139
136. То, что историчный человек входит в суть (Вот-Тут-бытие)	139
137. Вот-Тут-бытие	139
138. Сбережение	139
139. Заблуждение	139
140. Вот-Тут-бытие	140
141. Бытийная покинутость	140
142. Проекты бытия суще-бытующего, появившиеся из набрасывания самого бытия	141
143. Выискивать более существенное, чем иное начало	141
144. Слово и язык	141
145. Выбор-решение	142
146. Пра-бытие	142

147. История пра-бытия	142
148. История человека в бытии	143
149. История	143
150. Демокрит, фрагмент 269	143
151. Мыслитель	144
152. Как тщательно они маскируются и открыты всем... ..	144
153. История, начало, движение к закату	144
154. «Я» и «субъект»	144
155. Бытие суще-бытующего и пра-бытийность пра-бытия	144
156. История пра-бытия	145
157. Познание и вникание	145
158. От-скок	145
159. Первое начало	146
160. Сущение истины как просвета пра-бытия	147
161. Человек и антропология	147
162. Человек – animal rationale	147
163. Метафизика-антропология	148
164. Первое начало и человек как Ζῷον, λόγον, ἔχον	148
165. История существенного мышления	148
166. Истина и пра-бытие. Суть истории	149

ХIII. ПРА-БЫТИЙНОЕ ИСТОРИЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ

167. Пра-бытийное историчное мышление и философия.....	153
168. Свойственное пра-бытийной историчности мышление.....	153
169. «Философия» в другом начале.....	153
170. «Философия».....	154
171. Начало	155
172. Существенное мышление.....	155
173. Мышление, знающее толк в историчном пра-бытии	155
174. Свобода	156
175. Оценка по достоинству и оценивание	156

176. Вопрошание	156
177. Чистое нахождение	156
178. Последовательность публикаций (с краткими указаниями)	157

ΚΟΙΝΟΝ

ИЗ ИСТОРИИ ПРА-БЫТИЯ (1939/40)

τὸ κοινόν. Из истории пра-бытия	161
Конец Нового времени в истории пра-бытия	179

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложения к: История пра-бытия (1938/40)	193
Приложения к: Κοινόν. Из история пра-бытия (1939/40)	199
Послесловие издателя	200

I. ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ

1. История «пра-бытия» есть имя ...

«История пра-бытия» есть имя, присвоенное попытке изложить истину пра-бытия как со-бытие в слове мышления, делая упор на это слово, и, таким образом, доверить ее существенным основам историчного человека – слову и его высказыванию. Принадлежат ли предпринятые сказания самому со-бытию, и, благодаря этому, его покою, который достигается без действия и без влияния, никогда выяснить нельзя. Но попытка должна остаться в рамках своей сферы, коль скоро она не знает, как ей быть названной более соответственно: «вплоть до порога». И все же это указание вновь гонит от вещей в попытке приблизиться к ним. Простой выросший отсюда вывод – из «До-кладов»¹ и «Постижения»²: «До-клады» есть еще рамки, но отнюдь не образования, «Постижения» – это середина, однако не источник.

2. История пра-бытия

только говорит одним простым словом – как бы Тем Временем – что весь состав бытия преобразуется, уходя в основу расхождения-распри так, что человеческая сущность может это выносить в этой изначальной сфере.

Мир.

Земля

Спор

Человек

Бог

Спор-распря

Просветление

Разборки

История

О-своение

Со-бытие

¹ Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Gesamtausgabe Band 65. Hrsg. v. F.-W. v. Herrmann. Frankfurt am Main 1989.

² Besinnung. Gesamtausgabe Band 66. Hrsg. v. F.-W. v. Herrmann. Frankfurt am Main 1997.

3. Западная философия¹

Почему западная «философия» – в ее сущности метафизика?

Потому что ее существенная основа – «физика».

«Физика» означает здесь «знание» (управление истиной) φύσις. Φύσις есть изначальное и поэтому пронизывающее насквозь всю историю западной философии назначение бытия. Но бытие есть то, что мыслит философия. Почему физика примыкает к мета-физике?

Какой род превращения и закрепления физики здесь есть? Прежде всего: что означает φύσις? И есть ли оно изначальное изложение бытия существующего в Целом? Есть ли оно определяющее для изложения? И почему? Или оно сопротивляется вопросу «Почему», потому что он глубоко несообразен? История пра-бытия. Есть ли все это только «философия философии» и, таким образом, разновидности возвышения сверх меры, которые есть черты искоренения? Или здесь есть что-то Иное? Здесь не говорится ни о «философии философии», ни вообще о философии. Но речь идет о заходящей далеко вглубь ее основы готовности философии в ее сущности; и это – обоснование принадлежности к пра-бытию. Укорененность мешает основе дороги, возникает из отвергания пра-бытия, не делается ниоткуда и не выдумывается, но, пожалуй, возникает из витания мысли на воле, привнесенной тишиной, и тише наитишайшего живет в пришествии того, что приходит.

О философии только, как кажется, спрашивается, а в истине – о пра-бытии, которому философия истории составляет существенную принадлежность, в которую иногда допускается в качестве причастного мыслитель. Философия – как Созданное-Сделанное – не расположена поблизости от этого постижения.

4. Истина пра-бытия

пока она еще никем не познана, поскольку в начале самой западной философии должна еще находиться открытой, если не как истина пра-бытия, и потому она также – как никогда – проникает в вопросы. Скорее, она потрясет в будущем еще совершенно прикрытый ныне пред-занавес – и вот

¹ *Понятие, присущее истории пра-бытия Запада.* Страна, где происходит заход Солнца. Вечер – это завершение дня истории и переход к ночи. Время перехода и подготовки утра. Ночь и день.

тогда может вытесняться – и никак не может вытесниться. Но вы-спрашивается она только из нужд пра-бытия.

Ср. изложение «Физики» Аристотеля В.І (I триместр 1940 года), с. 20 и след¹. Указание на истину Парменида – τὸ γάρ αἰτὸν. Летний семестр 1940 – переработано вновь.

5. *Есть мы?*

Кто есть мы?

Где есть мы?

В какой миг мы есть?

Кто есть мы?

Череда вопросов, в которой только один вопрос – вопрос не о «нас», а вопрос «о» пра-бытии. Это о-своение в от-чуждении. Но – не «диалектически», никогда не в альтернативе – все только как со-бытие, Единственное.

6. *«Мы есть»*

Кто мы есть?

И есть ведь мы?

Что значит «бытие»?

«Мы» есть, потому что мы встречаемся-предстаем и поскольку мы так встречаемся-предстаем – как дерево и дом. А встречаем мы себя так же? И полагается так же встречаться, встречаемся ли мы таким образом, как мы есть?

Кто принимает решения о «бытии»? Или бытие решает о каждом: Кто и по какому вопросу? И как это? Что есть бытие? Как это раскрывается и как доводится до своей истины? Что есть истина? Мы чрезвычайно напряжены этими вопросами.

*

Со-бытие и мягкость наивысшей власти, которая не есть сила и не есть «борьба», но есть изначально разно-гласия. Ненасильственное управление.

¹ Первая попытка в: Zur Metaphysik Neuzeitlichen Wissenschaft – Technik. Gesamtausgabe Band 76; Druckfassung unter dem Titel »Vom Wesen und Begriff der φύσις Aristoteles, Physik B, 1« in: Wegmarken. Gesamtausgabe Band 9. Hrsg. v. F.-W. v. Herrmann. Frankfurt am Main 1976, S. 239–301.

7. Вот-Тут-бытие

Кто мог бы это сказать?

Просвет бытия. Основывающая основа его бытийствования. Она не есть сама человеческое бытие но как бы стояние на страже и основательство.

*

Это Вот-Тут.

След от него – в ἀλήθεια и φύσις. Но уже давно простыл этот след – нельзя просто снова заступить в него, надо выйти на свой след, ведущий к нему.

*

В какой пустыне отчуждения собиралось понятие подлинного существования в «Бытии и времени»? Вначале – Ясперс, самая простая нивелировка. А затем еще – ухо и глаз, и – сердце?

8. Пра-бытие

к своему часу сделанности человека пробудилось и даже взяло к себе на службу Богов, чтобы отбросить с их помощью от себя свои теснейшую узость и бедственность – махинативность-сделанность.

9. ἀλήθεια и пра-бытие

Поскольку ἀλήθεια – это только отзвук и необоснованный отзвук, постольку нам представляется совершенно отчуждающим уже вопрос о просветлении. Развернуть из такого вопроса единственно вопрос о пра-бытии!

А из него – еще более закрытый вопрос о повороте вообще!

10. То, что истина...

обоснование того изначального основного положения в истине пра-бытия и настоящего существования в ней. Философия никогда не может непосредственно влиять на суще-бытующее – действительное – и преобразовывать его, но она способна на более существенное. Она способна – если она способна, – но она способна лишь редко на это – однажды вторгаться в историю пра-бытия, которая раз-об-основывает более изначальную истинность пра-бытия.

II. ПРОТИВО-РЕЧИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ¹

¹ Vgl. 21. Der Anfang.

11. Противоречие и опровержение (противоречение)

1. поскольку в подлинной философии опровержение невозможно; невозможно потому, что вообще не достигается истинностная сфера философии – при решении всё определяет постоянно истина бытия.
2. в каком смысле невозможность не может толковаться:
 - а) не так, как будто бы речь шла о каком-то, однажды данном аспекте отдельного человека (тот случай, когда говорится «я не могу поступить иначе», исходя из биологически-исторических оснований).
 - б) не так, как будто бы здесь невозможно любое «рациональное» противоречие и невозможно принять и отклонить «систему» и точку зрения.
 - в) не так, как будто бы речь здесь шла о персоне мыслителя.
3. Гораздо более существенно противоречие:
 - а) которое выдаёт поговорка, принципиальная мудрость о бытии и его истине.
 - б) сюда же дополняется глубочайшее знание и ведущее постижение, которое, разумеется, не находит выхода никогда в голем обсуждении правильности и неправильности, однако, выступает в роли спрашивающего введение в основной опыт.
 - в) в соответствии с которым вопросы обсуждаются никогда в связи с научной «проблемой», потому что она никогда не заставляет ставить вопрос о бытии суще-бытующего (позитивность науки).
 - г) эти вопросы составляют наивысшую свободу и связность в смысле настоящего вникания в истину пра-бытия.
4. Фраза есть противоречие:
 - а) в двойном смысле – против изначального и против возобновлённо-изначального.
 - б) «против» направлено не на не-истинность в смысле неправильности или ненадёжности, но направлено на истину, которая ещё изначально обоснована недостаточно.
 - в) «против» означает: что в основе всякий раз мыслится одно и то же, и что изменчивость оборота не подразумевает злонамеренную несоединимость, а всё это есть только признак того, что постоянно спрашивается одно и то же, что, в то же время, исключает всякое приравнивание и всякое смягчение тезиса.

г) вопрошаемое – истина пра-бытия – есть самое простое и, как таковое, есть наиболее острое, которое не терпит никакого смягчения – так, что существенное единство мыслителя состоит именно в утверждении обоюдной неопровергаемости и разделённости.

д) сюда принадлежит глубочайшая свобода, которая едина с вдумчивым вниканием в историю пра-бытия.

е) поэтому подлинное противоречие есть не только самое простое, но и самое редкое противоречие.

5. Противоречие исторично, и поэтому его сфера никогда не есть историческая, достигаемая знанием исторической эпохи и её связанность с данностями и взглядами – нет, она связана только с вы-рас-прашиванием истины пра-бытия. Сравни для понимания: «Besinnung», 13. Die Philosophie¹.
6. Об «опровержении» и, следовательно, «науке» ср. «Beiträge», 75. К размышлению о «науке», 76. Предложения о «науке»² (ср. далее I. Trimester 40 «Die Grundbegriffe der Metaphysik»³, «Wesen der Wissenschaft», «Grundbegriffe»).
7. Философия не является необоснованной; однако, её обоснование никогда не есть доказательство её правильности, которое с необходимостью отбрасывает без вопросов не принадлежащую истине принадлежность к суще-бытию. Обоснование есть поиск оснований в смысле знающей замены в знании (во вникающем постижении) истины пра-бытия и, то есть, восторжествовании в со-бытии над происходящим..
8. Вся, донныне существовавшая философия, однако, пробуждает в образе метафизики образ «науки», по крайней мере, того, что она сама называет так, и предпринимает, как масштаб для его значимости необходимые, но недостаточные притязания. Поэтому от философии ожидается «воздействие», которого она никогда не может иметь. И всё, что ей присуще, в её без-дно-основности не познаётся, или трактуется ложно по причинам биологическим, психологическим, сформировавшимся исторически. Противоречие есть неопровержение, то есть не приведение и обоснование противоположных высказываний о предметном, но, оно есть вы-

¹ Besinnung. Gesamtausgabe Band 66.

² Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Gesamtausgabe Band 65.

³ In: Zur Metaphysik – Neuzeitlichen Wissenschaft – Technik. Gesamtausgabe Band 76.

разработка новой изначальной основы выставления истины пра-бытия и вдумчивого вникания в неё. Философия никогда не бывает непосредственно влияющей на суще-бытующее – действительное и изменяющее его, но она делает возможность более существенного. Она есть – если она действительно есть лишь в крайне редком случае влиятельно: в случае впрыгивания в историю пра-бытия, которую вы-развивает изначально истина пра-бытия.

12. Историзм Нового времени и история пра-бытия

«Поза-позиции» («Haltungen») (еще одно понятие, активно вошедшее в дело в Новое время!) – которые создают возможность Нового времени и единственно вынуждают приход Нового времени; свобода субъекта.

Поза-позиции по отношению к тем эпохам, в которые живет человечество и его два пола.

1. Считаются со «временем», оглядываются на него. Желают быть при нем и находить на это отклик. «Модерновость»; нужно даже быть рядом с нею. При этом есть «время», то есть «современность», которая всякий раз расценивается как «забегание вперед» и «отставание от современности» – (в ее зародышах, то есть в проявлениях наиболее нового – грядущего).

а) плоская прогрессивность	}	= все это новая вещественность.
б) героический реализм		
2. Всегда настроены против «времени», изолируясь от его влияний, но в то же время используют его и пользуются им при вражде. Христианство и всякого рода исторические «Ренессансы».
3. Некоторые выпрыгивают из «времени» – не только в его «будущее» (по отношению к современности), но и в какую-то по существу иную историю. История бытия. «Грядущее» в существенном смысле.

III. ХОД ИСТОРИИ ПРА-БЫТИЯ

13. Окончательное завершение метафизики

Ницше устанавливает не только конец, то есть необходимость иного начала, но значимость именно данной необходимости, которая также завершается именно в этом конечном завершении самой метафизики – и это означает истину суще-бытующего в Целом – если все так и исполняется, оно становится существенным и вынуждает к решениям-приговорам. Но именно это протекает в конце нынешней эпохи тяжелее всего. Ведь именно потому все зависит от отрицания метафизики позитивизмом, а, с другой стороны, одобрение метафизики оказывается столь отчуждающим (ср. Κοινόν), что оно просто вселяет страх.

14. Спор

Земля – это не есть вырезка-фрагмент из сферы суще-бытующего в Целом.

Мир – не есть вырезка-фрагмент из сферы суще-бытующего в Целом. Сущест-бытующее не разделено на эти две части.

Земля есть сущение суще-бытующего в Целом.

Мир есть сущение суще-бытующего в Целом.

Земля и мир принадлежат к бытию суще-бытующего в Целом – и потому между ними не может быть спора, о котором мы никогда и думать не могли, поскольку не представляли себя находящимися в двойственном разладе или в ситуации состязаний. Сам спор должен был возникнуть из перекрестия конфликтов – и оба они должны пониматься из со-бытия.

15. Спор

идет о приоритете в чем? В выказывании пра-бытия. Только в споре фиксируется выдающееся в том, что есть выдающееся и усваивается.

Вся Земля, весь мир, и Ничто не выступает как суть, оба они есть сущение. Приоритет – только в со-бытии.

16. Миро-отношение

Миро-отношение. Допущено в «Землю». И то, и другое – поскольку принадлежность к пра-бытию и причастно к спору с ним.

Земля и жизнь (любящее) – это затемняющий себя выдающийся чересчур земной напор, перехлестывающий и затопляющий. Как спор – по отношению к миру.

17. Историчный момент

1. Что господствует: сила как диктатура?
2. Где есть «со-бытие» и «сила» преодоления?
3. Указывается ли уже здесь некое направление пути?
4. Что означает преодоление «силы»? Не есть ли это объяснение бес-силія действительности действительного?
5. Успокоение себя ссылками на ту или иную «настоящесть»:
 - a. недовольные ссылки на оставшихся в стороне или опоздавших присоединиться;
 - b. на зазнайство тех, кто бежит рядом и участвует;
 - c. на пустоту в прошлом у тех, кто уклонился
 - d. на шум, который устраивают принадлежащие к делу в современности.

Повсюду все рассчитывается только «исторически» и мыслится, только исходя из субъективности. Не познается история. История не есть просто светская замена для распавшейся «вечности» (историческому взгляду, достижениям, памяти), но история выступает как сущение истины пра-бытия. Изначальная историчность, проистекающая из пра-бытия, есть то, что выходит на нас.

18. Другое господство

Пра-бытие и суще-бытующее.

Пра-бытие не есть никогда «причина» – «первовещь» для суще-бытующего, поскольку «причина» – «первовещь» подразумевает нечто действущее, которое должно быть постоянно родом суще-бытующего. «Действительное влияние» в смысле привнесения и оставления действовать берется из сферы суще-бытующего.

Для соотношения пра-бытия и суще-бытующего нет никакого соответствия в каких бы то ни было сферах – оно единственно-однократно. И единство «различного» есть в истине само «то» пра-бытие, в котором суще-бытующее скрыто «сущит» внутри.

*

Господь¹ есть Тот, Кто властвует над властью. Простое согласие с властью как сущностью действительности является низшим рабством.

Властвующий над властью Тот, Кто изменяет ее сущность. Такое изменение происходит только из пра-бытия.

И *однажды* сущее предстает перед пра-бытием и должно познать в нем начало своей истины – и в без-дно основании.

19. Что это такое?

Что это есть? Зброшенность в просвет?

История (Geschichte).

Что событуется и что со-бытуется как

стояние в

публичности?

Вникающее проникновение в грядущее.

Вникающее – исходя из *бытия как бытия* – *Между Тем*.

Сущение истины: история.

Различение.

20. Пра-бытие и суще-бытующее

Пра-бытие никогда не есть «причина» для суще-бытующего, если под названием «причина» подразумевается действующее, что постоянно должно быть присуще виду суще-бытующего, «*воздействие*» в смысле *порождения и оставления существовать дальше* было воспринято из сферы суще-бытующего.

Для соотношения пра-бытия и суще-бытующего нет никакого соответствия в каких-либо сферах – это *уникально-одноразово*.

А единство «различающегося» есть истина «вот именно этого» пра-бытия самого, в котором, всякий раз суще-бытующее внутренне скрыто «определяет сущность».

¹ Ms.: Warum und wie noch »Herr«.

21. Начало

Начало, которое довлеет над всем грядущим, только есть в начинании, что говорит о стремлении сказать: оно есть то же самое, что есть, и оно есть всякий раз только лишь тогда, когда целиком сводится к себе прежнему без остатка, и это – так, что оно предполагает истину пра-бытия, сохраняет себя в ней и сопротивляется всем ее извращениям. Сообразно этому, отношение к первоначалу всегда возможно только так, что первоначало в своем подлиннейшем, своем отразившем все попытки искажения (сущности $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$) виде сохраняет себя и утверждает себя в его единственности. Всякое иное отношение есть отказ от начала, даже если оно, как кажется, будит противоположные иллюзии. Отвержение забывает о первоисточке. Заманчивым образом забвение оказывается повторяющимся «повторением» того же самого. Тому же самому приписывается постоянно новая безразличность, которая меняет род сказывания и изложения.

«Повторение» (Iteration) того же самого в основе отлично от обратного обретения отношения к тому же самому в повторении. То же самое удерживается, если оно воспринимается не как то же самое, а как отличное и различающееся. Различие проистекает из той же изначальности, к которой всякий раз принадлежит начало. То же самое, то есть без-начальное, остается при начале, поскольку оно признается предварительной ступенью и, таким образом, «преодолевается», либо, как представляется, устраняет посредством «преобразований» это или возобновляет это посредством «ренессансов-обновлений».

Все «ренессансы» делают минувшее только сообразным времени и приспособленным к нему, не позволяя ему как раз собственной изначальности. Все «перевороты» принимаются только как переворачивания уже разрушенного начала, которое уже не выступает как первоначальное начало. Никакая «революция» не «революционна» настолько. Она остается по сути своей половинчатой – ведь она посредством переворота оборачивается одной стороной к другой, уже наличной стороне доньше существовавшего – и возвышает ее, поднимая ввысь, вплоть до безусловного. Посредством этого запутанность достигает наивысшей точки, признаком которой становится стремление делать себя недостижимой и отрицать всякое постижение себя как невозможное. Все «революционное» тогда кажется только зависимым отражением «консервативного». То и другое

удерживается в доньне существовавшем и быллом и направляет долгое-долгое нынешнее.

Исходное отношение к первоначалу, однако, находится всякий раз *под* самым первым началом тогда, когда оно – иное – оказывается более первоначальным. Это «находится всякий раз под» есть нечто удивительное с точки зрения проектирования, которое постижимо только из истории пра-бытия – и становится внятным в подведении основы истины бытия, в *Вот-Тут-бытии*. Вот-Тут-бытие есть – и только оно есть набросанное-заброшенное, предоставленное открытому первого проекта первого начала. Тот, кто избегает для себя этой заброшенности, выбывает из истории пра-бытия в не-историю махинативности, заковывающую его, и может там осуществлять свою «свободу» рабских служений.

22. Что единственно необходимо

Посредством в-прыжка в пре-одоление метафизики потрясается история – и, таким образом, осуществляется помощь в освобождении существующего в целом от зацепов и крючков махинативности. Освобождение в свободу для истины пра-бытия. *Такое* мышление – не-человеческое (не вписывается в масштабы и цели и побуждения до сих пор существовавшего человечества).

Такое мышление – без-божно (не может взывать к посланию или поручению – и на этом успокоиться),

Такое мышление – это Вот-Тут-бытие. Мгновение поддержки иного начала истории пра-бытия.

Настоятельность настаивания на в-прыгивании в существенное для Первого – в каждом сообщении, в поучении и поступке, как будто речь идет о непосредственном мероприятии для изменения людей и вещей!

23. История пра-бытия

Всеохватная и безосновательная истина суще-бытующего как таковая (νοεῖν – εἶναι).

Бытие как φύσις, избежавшее οὐσία.

Οὐσία как ἐνέργεια, actus, действительность.

Действительность как *представляемость действительности*.

Действительность и предметность (опредмечивание).

Опредмечивание и отпущенность в «сущее-бытуемость» (предмет).

Пред-сила сущее-бытующего и бытие как действительность: сила.

Сила и махинативность – делаемость.

Отпущенность в сущее-бытуемость и отпущенность сущее-бытующего.

Отвержение как скрытая истина бытия.

Отвержение и отклик со-бытия в принадлежности к истине бытия.

Раз-своение как само пра-бытие: со-бытие. Со-бытование как разногла-сия – спор: Между Тем.

В этих историях ничего не теряется – а в некоторые времена они более существенны, чем простота былого.

24. Представленность сущее-бытующего как действительного

Эта пред-ставленность в смысле «очевидного», надежно обеспеченного представления, то есть подача действительного как осуществленного действительного.

Поэтому ἐνέρυεια теперь у Лейбница выступают при твердом сохранении οὐσία одновременно как vis, «сила», не есть ни «возможность», ни «действительность».

И не как «Между», а как «первопричина» и подлинное сущее-бытующее nisus, conatus.

Соответственно возможность и действительность затем претерпевают изменения.

Nisus и обессиливание силы. «Напор».

Что становится с «природой»?

Какой смысл обретает тогда слово «природо-ведение»?

Механика тогда высвобождает силы.

Поэтому: живое существо как «органическое».

Органическое и элементарные *инстинкты*.

Побуждение и напор как «действительное».

*

Представленность не в смысле *идея* (она – не как *эстетически-оптическое*) – φύσις.

Представленность столь же мало и в смысле *пустого, только наивного* {?} *опредмечивания*.

25. *Сущность как представленность*

Пред-ставление как пред-ставление-перед-собой действительного как действительного – и, тем самым, упускание-отпускание в какое-то «сущность-бытие».

Представленность перед собой в двусмысленности репрезентации.

Представленность и «техника».

Сущность как представленность означает: опредмечивание «действительного» (действующего) в действительность.

По существу, техника является неотъемлемой частью этой опредмеченности как ее истинной сущности.

26. *История пра-бытия*

Пра-бытие φύσις

ιδέα

οὐσία

ἐνέργεια

actus (действительность)

восприятие (представляемость)

objectum (предметность)

} Субъективность а.

Действительность

(ἐνέργεια – vis primitive active Лейбница)

Воля и разум (немецкий идеализм)

Власть (воля к власти Ницше)

Махинативность

Оставление бытия

Отклонение прихода

От-странение

Со-бытие

Событие

Разбор-полемика

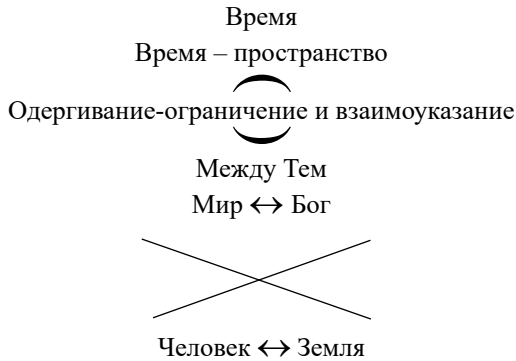
История

↑
Принятие решения «переходное состояние?»

↓

Сказывание этой истории находится в уже затянувшейся мешанине-путанице ложных толкований известий и сообщений; по отношению к этому верно только слово «значимо» – в той мере, в какой оно соответствует истории пра-бытия.

27. Пра-бытие как раздор-конфликт

Обмен противоречащими мнениями Между Тем, который взаимооде-
рживает и взаимоуказывает.

Противоречивость: Спор/возражения друг другу – раздор-конфликт
в поисках согласия.

28. История пра-бытия

Первое начало: вход (идея), махинативность. } пра-бытие
 Другое начало: со-бытие

Переход не есть переход между первым и вторым началом; к началу не
имеется перехода истории. Каждое начало есть миг-сейчас. Тем длиннее
и более скрытной бывает подготовка и последствия – после перехода вмиг.
Мгновенно начало перехода и раз-лома. Только в Растянutom в *Истории*
начало со-бытуется как начало – после того, как мгновенно становится го-
товым к этому в лишенном истории пространстве истории. Но уже есть
пра-бытие как начало. Только из другого начала это начало выступает как
первое.

История «этого» пра-бытия выступает как сущение пра-бытия, и в этом
раскрывается в то же время история к его сущности (и несущественности).
История пра-бытия, в сущности, отлична от всех и всяческих историй суще-
бытующего, но точно так же отлична от таких же историй (Historie), создан-
ных людьми – на основе опредмечивания таких «историй» (Geschichte).

История пра-бытия есть существенный образец этого.

29. История «этого» пра-бытия¹

Преодоление (пере-ход) метафизики. (Существенность). Махинативность-техничность. (К «Besinnung») ².

Со-бытие. (Пра-бытие). Раздор-спор. История. (Сущение истины). Исчезновение человека. (Вот-Тут-бытие). При-кидывание мысли Вот-Тут-бытием.

Последний Бог. Последний дар впадения в нищету. Невзыскуемая тишина единственности простого, сущностно важная для раздора-спора, нацеленного на поиск взаимопонимания.

30. Незнание начала

До-полнить можно нечто, если знаешь всю полноту. А это? То есть не привнесение отсутствующего – к примеру, присовокупление страсти к разуму, или наоборот, но, наоборот, и то, и другое – в себе и их взаимотражении – исходя из первоистока! Как такое возможно? Невозможно также «переворачивание».

Непризнание начала более всего способствуется через пробуждение видимости изначальности в смысле дополнения и переворачивания, до сих пор данного.

31. История пра-бытия

Ряд имен в списке лишь иллюзорно напоминает последовательность титулов. Он говорит на какой-то данный момент времени нечто простое о со-бытиях *φύσις* и о результатах раздора-спора. Чужак – заблуждающийся – есть человек в истории пра-бытия – и к тому же еще блуждающий в истории суще-бытующего.

Сказывание истории пра-бытия не может его «убедить» в том, что он убежал в привычное или – того пуще – в превращенные в привычное формы представления.

Сказывание не может отбросить в сторону и видимость «фрагментарного»: будь оно принимаемо за незавершенность привычного и ожидаемо-

¹ Нс.: Наипростейшее изложение. Опущено все то, что помыслено в «До-кладах» и «Постижении». Опущено из пра-бытия как истины пра-бытия – к пра-бытию истины как Вот-Тут-бытию.

² Besinnung. Gesamtausgabe Band 66. 9. Die Machenschaft.

го целого или за собственную в себе выступающую форму «выражения» (например, в смысле «априоризма», которую использует Ницше).

Сказывание есть – так же невычислимо, как само пра-бытие – сущение своей истины по образу вы-раз-малчивания раздора-конфликта.

Сказывание не сообщает о протекании «истории» («Geschichte»), в которой встречаются подвижки и черты постоянства. Сказывание не описывает наличное, не повествует о прошлом и не высказывает догадок о будущем. Если мы назовем сказывание-сказ «постижением», то оно будет подразумевать сплочение человечества вокруг «смысла», то есть Здесь, и означает только: сущение истины пра-бытия. Превращение в то, что история пра-бытия до сих пор не допускала, а впредь только лишь указывала косвенно на это в непрерывности Вот-Тут-бытия – делает Вот-Тут-бытие до сих пор укрытой тайной основой обоснования без-дно-основы бесконечного раздора-конфликта. Сплочение, однако, не из-за человека, а из-за Вот-Тут-бытия, которое сушит пра-бытие.

Таким образом, «постижение» все еще находится в опасности – быть воспринятым как «экзистенциальная» «этика» и тому подобное и стать переработанным в то, что история пра-бытия ныне преподносит о себе: исчезновение человека как *animal rationale* и субъективности. Сказывание-сказ говорит лишь настолько, насколько способна говорить история пра-бытия. Для нас это означает: насколько слово налично существует в переходе.

Сказывание есть сказывание мышления, а в ином начале мышление есть подготовка поэтического творчества.

Правда, «постижение» для себя самого совершенно означает предписываемое соответствующей истории пра-бытия сущности – а потому указывает на существенное сказывание и единое решение-приговор.

И все же ей всегда угрожает опасность историчного: то, что в мышлении сохранится при-входящее впечатление пра-бытия. Но есть ли когда-нибудь в свойственном человеческости обиходе сохранение этой опасности? Никогда. Но постоянно надо знать, чтобы быть наготове и встречать ее во всеоружии, сознавая ее существенной. Поэтому мышление нуждается в том, чтобы пятьдесят и сто раз осмыслять одно и то же, и пытаться поставить себя на место этого одного и того же, пока однажды не удастся достичь простого.

Поэтому каждый исторический повод становится все более безразличным – вплоть до того, как история о-своит слово, приняв его за свое собственное, и слово тогда будет выражать пра-бытие в суще-бытующем – и делать это ярко-лучезарно.

Как тогда быть мышлению, которое на протяжении двух тысячелетий ищет суще-бытующее и воспринимает его как действительное и принимает бытие без вопросов в якобы необъяснимую и не требующую объяснений «действительность» – как тогда это мышление перед этим только преобразуется в мышление, предназначенное знать пра-бытие и, сознавая его, подойти к будущему грядущему? Но тут надо спросить пра-бытие и в нем ответит Слово Бог, что пытается высказать следующее: в слове «этого» Божества – возражающего и спорящего с человеческим – отражается спор Земли и мира.

32. Великодушие и долготерпение, нужные для подготовки к грядущему

Ничто не тратится впустую на интересы, спасения и «спасение душ».

История грядущего начинается как история *пра-бытия* посредством обоснования своей истины. Простая перемена человека с христианского до языческого или еще каких-то других превращений не требовала бы привести какую-то историю в свободное состояние, освободив ее. Точно так же бессмысленно и превращение формы суще-бытующего. Сверх того, спрашивается: по-христиански или по-язычески ставится вопрос, ведь язычество видится тут только глазами христианина. Исторический подход стоит тут за пределами этого Либо-Либо, он не религиозен – но именно поэтому единственно он относится к сфере, не поддающейся искажению, не рассчитывающей на спасение человеческого существования. Это – временное и опространствленное сверх-ожидание. Отказ от «жизненных интересов» и «вечных блаженных ценностей» как масштабов суще-бытующего и занятий им. Этот отказ требует великодушия и долготерпения. Он есть отказ, который не происходит под влиянием отчаяния, но является плодом надежного выдержанного надзора над знанием пра-бытия.

IV. ПОЛНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ БЫТИЙНАЯ ПОКИНУТОСТЬ¹

¹ Ср. «Техника».

33. Окончательное завершение метафизики

характеризуется тем, что происходящее в нем забвение о бытии и избавление от него становится безусловным, отсюда должно сказать следующее: суще-бытующее не только (будучи неверно толкуемым как «идея») посредством возвращения платонизма начинает превращаться в дым, но еще и сегодня и сейчас подлинно сохраняющееся суще-бытующее («жизнь») выставляется Единственным и корнем для Всего. Все иное есть «выражение» и «формальный язык». Неограниченное отсутствие потребностей приводит к власти, которая полагает, что можно довольствоваться самим суще-бытующим, поскольку это все же элемент данной полноты. «Бытия» это не касается, потому что оно выступает как «абстрактное». В какой мере Гегель опосредованно подготовил это окончательное завершение метафизики и принял участие в его осуществлении?

Забвение бытия есть метафизическое обустройство и закрепление при этом бытийной покинутости, уже с необходимостью полностью сокрытой. Бытийная покинутость суще-бытующего состоит в исключительном приоритете суще-бытующего – того, что именно сейчас, в этот момент времени, заключает в себе данный момент времени. И бытийная забытость более всего засвидетельствована именно тем, что она неотвратимо принадлежит именно к этому суще-бытующему, внедрена в его очевидность, замечает Уникальное и Наивысшее в нем. Эта сама собой очевидность разумения делает абсолютно бессмысленным вопрос об истине и при изложении выставляется наивысшей свободой.

Ведь и наоборот – все, что не есть суще-бытующее и подтверждающее это, считается только *романтикой*, заслуживающей проклятия.

А забвение бытийности живет тем самым не-пониманием того, что оно якобы преодолевает – платонизм и *его* основания.

34. Преодоление метафизики Переход

Переход из метафизики в вопросы истории пра-бытия является, в сущности, преодолением метафизики в том смысле, что вопрос о ее роде более уже не возможен.

Преодоление затрагивает не «критику» метафизики, а касается истории необходимости обоснования истины пра-бытия, исходя из которой изначально и ставился вопрос. Здесь нет никакого «перехода» в смысле постоянного соскальзывания из метафизики в предполагаемую сверх-метафизику или в безметафизичность, а только лишь одно вопрошание об основе иного – и, возможно, конечно, какого-то иного исторического постижения – постижения в сравнении, но никогда не из осуществленного до конца достижения предпосылки сравнения – как условия этого сравнения.

35. Покинутость бытием

Бытие покинуло суще-бытующее: то это, то иное, то сейчас, то затем, то там, то здесь употребляется в расчете на последующее – в очертании приписываемой суще-бытующему делаемости-махинативности. Это замечание всего лишь являет поздно добавляемое «Да» к тому, что оно уже и без того проводит в действительности и внедряет как проекты в производство. Сиеминутное суще-бытующее предлагает себя сейчас в своей делаемости-махинативности повсеместно и постоянно. На делаемость-махинативность полагается суще-бытующее, но – без того, чтобы знать его как бытие и признавать его бытием. Так, что оно не допускает никакого постижения бытия и его истины в смысле суждения-приговора, который должен был потрясти суще-бытующее в Целом?

Покинутость бытием, следовательно, не подразумевает глухую изоляцию суще-бытующего от бытия, а, напротив: в покинутости-заброшенности все же всякий раз покинувшее все же связано с покидаемым – указывает ему путь, но – так, что оно – пусть даже и на разный лад – полагает себя на то, что его покинуло. Покинутость, в таком случае, есть некое существенное, потому что покидающее как таковое уже больше не знает его как покидаемое – но всем довлеет на него, подвигая к сокрытой видимости.

Недопущение имеет свой «собственный смысл» и решимость к тому, чтобы стояние в истине сделалось бы без-смысленным, ненужным. Исчезла необходимость в этом, поскольку все суще-бытующее стало объяснимым и окончательно завершенным именно благодаря бытию. Всего-то осталось познакомиться с тем, чем при этом занят человек, чтобы познать, что все играет роль и имеет место в делании того, чем он повседневно занимается. Что есть более просветляющего, более убеждающего

и более возвышенного, но в то же время более бесконечного, чем такое знание-ведение?

«В свете» этого знания-ведения человек оказывается ослепленным боковыми огнями – и видит теперь только себя самого – отсюда «Антропология». Это боковая засветка и позволяет бытию уклоняться от посторонних источников света, прибегая к покинутости бытием суще-бытующего.

36. Конец Нового времени в истории пра-бытия

Метафизическое со-бытие достижения полного завершения Нового времени есть полное разрешение вольного «коммунизма» по отношению к понятию смысла, то это слово указывает на сферу проектирования проектов бытия на свою истину. А «истина» означает раскрывающуюся волю-вольность бытия в высветившемся свете своего сущения. Отсюда бес-смысленность предполагает отсутствие истины: оставление в стороне от происходящего рассмотрения просвета бытия. Как только это произойдет, и «бытие» – точно так же, как и раньше, будет помянуто – оно берет на себя роль такого слова, которое не вызывает вопрошания и является всеобщим для всего Всеобщего и Пустейшего, что только и оказывается выдвинувшимся на невидимой для интуитивного знания границе искаженно представляемого. Бытие суще-бытующего, постоянно представляющееся в том или ином поведении, сказывании и умалчивании, отказывается от освещения в просвете и от определения самого себя.

Эта бес-смысленность завершается тем, что отсутствие истины самого бытия еще погружается в непознаваемость, как только суще-бытующее, названное, исходя из бытия, покидается бытием. Сущее-бытующее – в том, что оно есть, в том, как оно есть, и в том, как оно является тем-то с тем-то, – передается в ведение направляющего планового раз-вы-числения и направляющего ведением мастера, сведущего в делаемой махинативности («Культура» и «техника» свойственны метафизике нового времени, но такое человечество есть уже следствие, существенно выходящее из без-истинности пра-бытия). Покинутость бытием суще-бытующего имеет своим следствием то, что человек обеспечивает себе надежность своей сущности в быстропроходящей действительности-махинативности суще-бытующего. Пра-бытие покидает-оставляет суще-бытующее, пока то или иное суще-бытующее преподносит себя в своей махинативности-сделанности – и человеческие

силы подчиняются его определяющему меры приоритету, причем человек, однако, не задумывается о махинативности суще-бытующего в его сущности и существенном обосновании – тем самым, наоборот, суще-бытующее как бы в неведомом и без-основном освещении просветами бытия остается сделанным множеством Всего, Чего Угодно. В покинутости ведь покидающее не отделяется от покидаемого, проводя для себя четкую черту, но указывает на себя именно так, будто именно оно постоянно выступает как «основа» для него, и это – именно тогда, когда покидающее забывает как о покидаемом, так и о собственном существовании в статусе покинутого им. В этой покинутости пра-бытием, однако, суще-бытующее отпущено в такие дела, что в невидимом свете махинативности суще-бытующего действительную значимость имеет только суще-бытующее, а значимость слова «бытие» сводится к пустому словесному шуму остальных слов.

Однако это – как если бы существовала необходимо порожденная бытийной покинутостью иллюзия. И в состоянии бытийной покинутости суще-бытующего сущит еще пра-бытие¹. Ведь именно к тому времени, когда бес-смысленность обретает заключительное завершение, и человечество как таковое застывает в неограниченном никакими рамками сил деловитости-махинативности суще-бытующего, наивысшими целями и целевыми формами человека провозглашаются мастеровитое изготовление «бытия» и «ценности» («жизненные» – «культурные» «ценности»). Но «ценности» суть только перевод лишнего истины бытия в такой голый лозунг, который может считаться ценным и достижимым только в единственной области махинативности-деловитости. Растворение-размывание разнообразных разновидностей «ценностного мышления» с превращением их в «мировоззрения» подтверждает полноценный и окончательный переход суще-бытующего в бытийную покинутость. И воля к «переоценке всех ценностей» – не важно, в каком направлении она могла бы простираться – свидетельствует об окончательной запутанности и беспомощности в завершенной бессмысленности. В какой мере простирается «коммунизм» исторического распространения конструирования эпох завершенной бес-смысленности? «Историческое созидание» подразумевает такие конструкции бытия, которые пре-подносят всем решениям-приговорам и отношениям «эпохи»

¹ Утрата и лишение пра-бытия, пробуждение с избавлением от утрат, отвержение-отказ – все это называется словом «необыкновенное».

сущее-бытующее почву и поле игры, чтобы определить временной основе тот вид, сообразно которому она принадлежит «истории» («Geschichte»). «История», однако, принадлежит к тому виду, каким была основана и выстроена истина пра-бытия, благодаря которому она оказалась запутанной при строительстве и покинутой, оставленной и забытой. «Коммунизм», однако, приносит то бытие власти над сущее-бытующим посреди этого сущее-бытующего, которое еще передается ему бытийной покинутостью сущее-бытующего.

V. TO KOINON¹

¹ Сравните III часть. История пра-бытия.

37. Ход

Бытие и предметная действительность (метафизика нового времени)
(Техника)

Действительность и сила Сила и коммунизм
Коммунизм и делаемость-махинативность
Махинативность и запустение
Запустение и бессмысленность
Бес-смысленность и оставленность бытием
Оставленность бытием и удержание за рамками
(«Хранись в зрелости...»)¹

*

Удержание за рамками раз-мышлений и отвержение
Удержание за рамками размышлений и рас-чуждение
Рас-чуждение и о-своение
Рас-своение и со-бытие
Со-бытие и спор-распря

*

Спор-распря как пра-бытие
Пра-бытие и истина
Истина и Вот-Тут-бытие
Вот-Тут-бытие и история (Geschichte)
Выбор-решение и пра-бытие
Пра-бытие и без-дно-основа
Без-дно-основа и наивысшее
Наивысшее и наипоследующее

*

Пра-бытие и φύσις

Каждому – свое, и это свое опять-таки в каждом случае снова наиболее чуждое.

Начала постоянно изначальны, здесь нет переходов. Невообразимая тишина «Сразу» единственности простого.

¹ Сравни: Ужас отвращения, постижение Gesamtausgabe Band 66, 70. Боги. Существенное знание.

38. Субъективность и бытийная покинутость

Субъективность человеческости – отличительная гарантия осуществленной через метафизику окончательной бытийной покинутости. Субъективность человеческости отличает новое время как таковое, поскольку оно само определяет себя как завершение метафизики; но это завершение состоит в раз-вы-пячивании сущности силы бытия, превращающей ее в порождение махинативности-сделанности. Существенное последствие субъективности – это национализм народов и социализм народа. Всякое притязание на силу и власть предъясняется ради самой силы и власти, а потому повышается и обостряется посредством ее всякий раз в ее существенном возвышении.

Существенное следствие этой истории субъективности – это неограниченная борьба за укрепление силы и власти, а потому – *безграничные войны*, к которым подвигает стремление усилить свою силу и власть. В метафизическом плане эти сущностные войны несколько отличаются от всех предшествовавших.

Ступени и формы силовых и властных отношений субъективности у различных наций и социализмов различны – в зависимости от воинственности их самих – даже тогда, когда все это применяется для запугивания соседей.

Субъективность и *только* она ограничивает-овременяет наивысшую объективность (в образе техники).

39. *Koinón*

К ходу

Никакого «перехода» и никакого «преодоления» – все это было помыслено еще в противовес к сделанному в рамках махинативности. Запустение и вынесение за скобки рассуждений пра-бытия в нем самом как скрытой распресоре есть история пра-бытия (сущение его истины).

«Переход» и «преодоление» – это историко-технические, но вовсе не связанные с историей пра-бытия определения.

*

Здесь нет никаких попыток преобразования учения о «мировоззрениях» и перемен в учении о «культурах».

То, что противостоит естественному ходу вещей, превращаясь в хаос делаемых махинаций, в опустошение, посредством этого отделяется от пра-бытия, от всего этого, и предается-передается своей бес-смысленности. Однако это отвержение пра-бытия может продлиться долго – и в ходе своего времени оно нуждается в некоей устойчивости-постоянстве в начинающемся Вот-Тут-бытии. С человеческих позиций это означает: выделять и отбрасывать то, что не принадлежит к этому, преодолевать внутреннее сопротивление, знать, что единственно нужно. *Только запустение будет расти.* Никакого проклятия в настоящем, которое длится, никаких перепрыгиваний в «грядущее», которое делается приближенным. Выдерживать запустение – это заложено в неприязнительности, которой отличается неспособность.

(Еще тверже – представить себе запустение изначально – как таковое, в мысли). Выдерживать и выносить запустение. Когда суще-бытующее сдастся бытийной покинутости, в нем должно пробиваться отвержение рамок пра-бытия, пусть даже человек и остается в ходе времени своей историей (Seinsgeschichte) и не порывается к движениям назад или вперед оттуда.

Тягостно говорить о том, что более важно для участи переживания¹ постоянной настоятельности настоящего: бегство в прежнее или жадное ожидание свершения Нового или простой «героизм» налично данного «современного» или спасение в вечном.

40. О понятии махинативности

Если все это одно за другим будет определено посредством расчета и расчетливости, то это подразумевает не поиски «прибыли» или жадного стремления к преимуществам. Расчет здесь – это просто имя для существенного и, тем самым, для predeterminedного видоизменения λόγος – плановое выстраивание и преподнесение «интересов», возведение их в статус «высших целей», что, вероятно, исключает использование их в каких-то собственных интересах.

Жажда получить прибыль может быть исключена – и именно потому подтверждается с самого начала сущность расчета.

¹ Повсюду история (Historie) и техника суще-бытующего!!

41. Махинативность (понятая с точки зрения истории пра-бытия)¹

Это слово называет ту сущность бытия, которая всякое суще-бытующее решает в делаемости и изготавимости. Этим сказано: самоориентированность на делаемость – а именно так, что она сама поддерживает самоориентированность в ходу-деле. С точки зрения истории метафизики, махинативность объясняется посредством бытийности как пред-ставленности – как пред-ставленность через бытие как пред-становление, в котором нет ничего, кроме пред-становления – во всех его разновидностях.

Махинативность есть – как бытийность суще-бытующего – суща от сущности пра-бытия, отбрасывание его прочь в забытую и необоснованную истину, то есть в отсутствие вопросов о бытии, в удовлетворении только от признания того, что оно «есть».

Слово «махинативность» имеет здесь очень важное с точки зрения истории сущности отношение к значению $\phi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$, поскольку оно как бы имеет образ $\lambda\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$ (обработка-делание) в самом широком смысле.

Это слово подразумевает существо бытия, но не поведение по отношению к нему и не владение неким определенным суще-бытующим под названием «человек». Махинативность в повседневном значении подразумевает далее махинативность в повседневном значении, принимающем в расчет путаницу и бытовые неурядицы или постоянно подгоняющем вперед стремление производить больше. Эта «махинативность» есть в высшей степени удаленное следствие того, что мыслится сообразным истории пра-бытия. Знать махинативность в ее чистой сущности означает не просто интуитивное знание махинации в ее чистой сущности $\kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu$ как символа распространения и укрепления утверждения силы, но и знание махинативности за пределами $\kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu$. Махинативность – творящая силу-превосхождение по силе. Самоограничение себя необходимыми рамками и параметрами вытекает из безусловного обязательства всякой силы по отношению к ней. К безусловному обязательству силы принадлежит также и то, что превышение нормы силы сущит о безусловном запустении.

¹ Cp. *Besinnung*. Gesamtausgabe Rand 66, 9. Die Machenschaft.

42. *Махинативность и запустение*¹

Разразившееся из махинативности запустение далее становится наиболее мощным тогда, когда оно даже еще и не переходит в то, что подготавливает его к переходу в Иное, причем так, что в сокровенном оно уже покинуло это чужое. Ведь тогда каждое слово, касающееся Грядущего, которое, быть может, было брошено сгоряча, превращается в публичную речь, которая превращает чуждое Прихода в «Новое» для ныне сущего Настоящего в тайне в самое его «новейшее». Но такой перескок запустения – это все же видимость. Ведь, поистине, наиболее новые районы пустыни занимают середину пустыни, используя Иное, которое только кажется таковым, чтобы подчеркнуть свое Прежнее и на этом фоне полностью погрузиться в нерешительность.

Само запустение остается нечувствительным ко всему, от чего оно отрелось, и к тому, в чем оно продолжило существование.

Запустение – организация жизни пустынь, то есть целенаправленный подрыв всякой возможности принятия решений и указания целей в округах управления. Пустыни уже есть, когда все еще находится в естественном порядке. Здесь запустение не подразумевает только: деятельное превращение налично данного в пустыню. Оно видит свое безобразие и свой хаос; ведь оно не может быть устранено разом, но может быть определено только посредством ее сущности в конце ее сущности.

Тяга к махинированию поддерживает развитие силы в ее сущности. Но она приводит и к чрезмерному упованию на махинирование. В чрезмерном уповании на махинировании заложено принижение и уничтожение. Уничтожение подразумевает здесь не отбрасывание в сторону при выделении только из наличного в современном значимого, оно не предполагает и разрушения, и разорения в смысле постоянного разделения на части наличного ныне. Уничтожение здесь «позитивно», ибо ведет к переводу в Ничтожное. Поскольку резкое возрастание силы как самого безусловного этого рода должно произойти, резкое возрастание силы тоже означает полное уничтожение. Полнота означает здесь не суммарный, а сообразный сущности характер; она охватывает не только все суще-бытующее, но, прежде всего,

¹ Нс.: опустошение = создание пустыни, т. е. состояния, подрывающего всякую возможность любого решения и всех кругов решений. Пустыня – это пока еще все в порядке. Опустошение означает здесь не просто запустение существующего.

само бытие. Полное уничтожение есть уничтожение в смысле искусственной организации пустыни. *Запустынивание* предполагает, в соответствии с этим, никоим образом не только наступающее после этого «пустынное» и пустое делание некоего настоящего, но и распространение уверенного преодоления всякой возможности всякого решения-выбора и во всех сферах, где оно требуется. В этих областях больше «не растет» ничего; существующее более не приходит в качестве решения-выбора бытия. Запустение не создает пустое «Ничто», но творит порядок уникального рода: целенаправленно побуждающий уйти в отсутствие решений. Запустение не есть незаконная путаница и слепой распад, оно – надежность самовозведения силы – причем как безусловной. Натиск порядка запустынивания – это всего лишь грим. Запустение оказывается гримоподобным в самом себе, но не в чистых внешних проявлениях. Оно обеспечивает бурное распространение гримирования тем, что сразу же распространяет предчувствие необозримой длительности самого себя. Постоянство запустения никогда не совпадает с пустой и бессильной продолжительной длительностью налично данного разрушения; постоянство не есть следствие наступившего, то есть «действительного» разрушения. Оно, скорее, существенно указывает на гарантированно обеспеченную угрозу все новой невозможности решения-выбора. Запустение есть возможность того, что прошлое никогда не вернется вновь, потому что оно интуитивно исходит из удушения всякой возможности того, что суще-бытующее как таковое предстанет перед бытием.

Безусловное резкое повышение силы с превращением ее в сверх-силу находит выражение во времени как таковое запустение, вызванное приоритетом заранее предрешенной силы Огромного. И это тоже не вызывается тем, что до сих пор не достигалось столь резкого дисбаланса всего Великого и Малого. Огромное имело свою суть в возведении гарантированно обеспеченного масштаба без-мерного, которое сегодня нельзя выказать зримо, потому что всякое проведение границ имеет свою границу. Огромное, приведенное в сущности запустения (то есть постоянно в махинативности) к господству при выпуске его на волю связывается-парализуется тормозящим сверх-инстинктом и страхом перед обвинениями в сдерживаемой в себе браведе. И то, и другое принадлежат друг к другу. Сверх-распространение силы бессознательно вызывает ряд тех следующих друг за другом данностей, всегда вызываемых крупными и новыми мероприятиями. Всякий раз каждое отдельное выступает как самое решительное. И все

это – в области уже давно решенного-выбранного, но только сейчас развернувшейся во весь рост невозможности принятия решения-выбора. Роевой дух-жужжание витает, обволакивая все вокруг – как звенящая смесь непонятых разуму, но никогда не подвергающихся философскому вопрошанию слов и образов из поэзии Гёльдерлина и мыслей Ницше. Пенящаяся смесь воображаемых заклинаний, обычно – как по-прежнему – в гимноподобной форме, представляет понимание и знание, которые станут путеводителем по «жизни». И повсюду только формы, которые не способны помочь сами себе, а в нынешнем состоянии запустынивания они не могут разрушить нудную твердолобость еще и постольку, поскольку занимаются неправомерным распространением спасительного намерения избежать крайностей и хлопотами о произведении хорошего впечатления.

43. «Тотальная» война

После того, как она стала явью и была констатирована в документах, тут же обнаружилось, что она – вовсе не «тотальная», и даже во всех других отношениях менее всего напоминает войну. Многие люди пребывают, например, никак не затронутыми ею. То тем, то другим она показывает себя лишь порой и временами. И вообще: некоторые области обыденного существования остаются ею совершенно нетронутыми. Война разворачивается где-то там – в пространстве, протяженность которого, однако, остается странным и неуловимым. Эта война разворачивается где-то там – в каком-то пространстве, параметры которого определяются крайне редко и трудно постижимы.

То, что здесь приводится *против* тотальности, говорит, конечно, в ее пользу, и говорит так, что надо обдумать вопрос: насколько несущественным остается то, чтобы тотальность воспринималась повсюду и непосредственно в суще-бытующем; ведь тотальность есть – хотя и очень плохой – заголовок бытия суще-бытующего; ибо тотальность является – хотя и плохим – названием бытия суще-бытующего и включает в себя отчеканенный отпечаток суще-бытующего, наложенный бытием сущего, ускользающим от привычных познаний, а потому не фиксирующимся – так, что возникает впечатление, будто тотальное представление о войне имеет пробелы, а потому и не является тотальным.

**VI. РАЗДОР ПРОТИВОРЕЧИЙ
СУТЬ СИЛЫ
НЕОБХОДИМОЕ**

44. «Раз-личение»

пра-бытия от суще-бытующего никогда не есть «антитеза», так что здесь нет никакого поля для дешевых преобразований-кульбитов, но есть только поле преобразований стиля: вместо того, чтобы ставить вопросы о суще-бытующем как таковом (метафизика), надо ставить вопросы о пра-бытии.

Ведь пра-бытие не есть нечто Иное по отношению к суще-бытующему, оно есть то же самое и только оно единственно!

Антитеза есть только там и может показаться таковой только иллюзорно, где бытие берется лишь как существенность и мыслится в обобщениях применительно к суще-бытующему как общее и особенное, противопоставляясь отдельному. И если сообразно этому можно разделять вводно онтическое и онтологическое, то это – только внутри метафизики.

45. След для выслеживания истины пра-бытия¹

Первенство суще-бытующего – необуздано.

А что же бытие? Махинативность, непостижимая в области сравнений. Именно это бытие подлежит забвению, потому что оно единственно искажается, представляясь суще-бытующим. Сила как нечто «суще-бытующее» и, однако, необыкновенное. Необыкновенное как *первое потрясение* бытийного забвения. Только через это – и благодаря этому – открывается бытийное забвение. В этом – след забвения.

Это – как намек на рас-своение – выбор-решение.

Сущение пра-бытия и истина.

Повод к необыкновенному: редкое.

Редкое и обыкновенное. (Обычное и обыкновенное).

Обыкновенное: только ли привычное и благодаря этому подвергнутое забвению или прошедшее через осмысление; здесь уже (постоянное решение-выбор).

Обыкновенное – Редкостное как *Не-Действенное* – и все же...

(О редкостном как бы сегодняшнем – в существенном решении-выборе. Обыденное не-обыкновенное и неожиданное (основанное на привлечении публики и шумихе).

¹ Ср. Κοινόν. Из истории пра-бытия.

46. След к истине пра-бытия

Необыкновенное в существенном смысле

есть то, что в наиболее обычном больше всего и заранее остается без внимания, не отслеживается – бытие суще-бытующего. Это существенно необыкновенное лежит не вне привычного, не выпадает из него и не есть нечто, выдающееся из него. Поэтому оно никогда не может быть обозначено указанием на таковое. Необыкновенное есть такая сокрытая основа сущности обыкновенного. Когда оно еще совсем бродит и теряется в не-сущем, о чем само же забывает, что не ведет к чрезвычайному подъему необыкновенного.

Это название – «необыкновенное» – есть, пожалуй, нечто привнесенное позже – и уже добавка к оценке – причем чрезвычайно кажущейся – всего привычного.

Тут надо окинуть ясным и трезвым взглядом это непривычное. Это ориентация на поиск всего преувеличенного и всего искомого. Самые простейшие и много обсуждаемые отношения надо понять в изначальной чистоте.

В редкостном обозначает себя необыкновенное. Что может быть более необыкновенным для современного человека, заключенного в забвение бытия, как не пра-бытие?

Готовность для обеспечения мест, где проявится пра-бытие.

47. Истина пра-бытия

обосновывается не для суще-бытующего и, тем самым, не только для того, чтобы многообразно управлять множествами людей, а и в целях сущения самого пра-бытия.

Обоснование прихождения грядущего при несении ноши без-дно-основы.

Не выводить пра-бытие ниоткуда, ничего не объяснять. Всякое подобное намерение уже предполагается по существу. Но не только «*intuitus*», в созерцании, но и в наличном бытии основания истины.

48. Пра-бытие

нельзя наперед ни выводить из «имманентности», ни развивать в мыслях из «трансцендентности». Оба пути не ведут к цели. Не потому, что они суть неудовлетворительные пути, но оттого, что они никогда не ставят «целью» пра-бытие, а постоянно ищут «суще-бытующее» (суще-бытующее как задающее мерил, как субъект, или суще-бытующее как в наивысшем смысле

сущее-бытующее «Бога», или сущее-бытующее в Целом как его сущностной положенности.

Но пра-бытие «не есть» ни над нами, ни в нас, ни вокруг нас, окружая, но мы есть «в» нем как со-бытии. Западающий в память промежуточный период-явление пра-бытия.

А мы *суть* только подлинно-собственно (со-бытуясь в со-бытии) «в» нем как постоянном настоящего в Вот-Тут-бытии.

Бытие как ответ на вопрос «В чем суть?» это не ответ «о нашем», человеческом «бытии», но со-бытие Между Тем – как изначальное происхождение времени-бытия.

Все взывание к экзистенции, все «трансцендирование» к «трансценденции» (!) и всякое «знание» налично данного насквозь пронизано отношением к сущее-бытующему без знания пра-бытия и без вы-рас-спрашивания истины пра-бытия.

Возвращение в «Между Тем» – между регулярно происходящим воплощением в мире «христианства» как схемы изложения сущее-бытующего в Целом.

«Обратное движение» не потому неотвратимо, что оно «движение вспять», и, следовательно, нет никакого «вперед» для прогресса, но потому, что метафизика любого рода остается недоросшей до сиюмоментности бытия истории, до ситуации бытийной покинутости сущее-бытующего: она не только не доросла, но и повинуетея ей в качестве служанки.

49. Выбор-решение Пра-бытие и человек

Только одно-единственное сущее-бытующее и то редко подобающее непосредственно пра-бытию.

Но тогда это подтверждает его истину по отношению к вы-спрашивающему основанию.

Человек, по-человечески тождественный сему сущее-бытующему, тогда является изначальным свободен в отношении φύσις или его человеческое начало переходит в другое начало преобразования в так называемое Вот-Так-бытие¹.

¹ Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Gesamtausgabe Band 65.

«Человеческое начало» означает здесь, что пра-бытие неведомо здесь или раз-вы-спрашивается – в отношении к его истине выбора-решения. В это включена участь, занятия которой происходят в условиях бытийной отрешенности всего суще-бытующего.

Высший выбор-решение возникает там, где пра-бытие изначально выдает свою подлиннейшую истину основания и тем самым отбрасывает прочь возможность окончательного первенства суще-бытующего в сферу неосознанного.

Мы приближаемся к этому выбору-решению.

*

«Вот-Тут-бытие» в первом проекте («Бытие и время») как «данное», воспринятое непосредственно перед этим – и задаваемые затем вопросы по его поводу.

Тем не менее, Вот-Тут-бытие только в со-бытовании и, значит, существенно в только начинающейся с начала сущностной истории.

Пред-восхищающее мышление не должно упускать из виду раз-своение и все же может стремиться обрести ближайшее понятие, старающееся получить смысл Вот-Тут-бытия, исходя от бытия (с переднего края бытийного вопроса) и человека, поскольку Вот-Тут-бытие может быть перенято только одним человеческим началом.

В действительности Вот-Тут-бытие никогда не «дано», даже в проекте – как представляется, оно сущит как брошенное в броске со-бытования.

50. Решение-выбор

Что есть решение-выбор –

Откуда оно возникает? –

Благодаря чему оно готовится.

Решение-выбор и след со-бытия.

(Бытийная оставленность).

Решающее значение имеет различие бытия с суще-бытующим. Однако – каково сие различие?

Отзвук бытия в необычайном-необыкновенном. Но каково различие?

Различение, которое такие имена-существительные, как кажется, называет пустейшими, безразличнейшими и совершенно преходящими.

Как же иначе, если познание их сущности происходит как бы благодаря постоянству неизменности в Вот-Тут-бытии.

Различение не между двумя готово положенными, предложенными восприятию данными, но между двумя такими, которые еще можно только выраз-мыслить, далее – выраз-мыслив, постичь и затем крепко утвердить на некоем свободном месте истории. Это – преимущество пра-бытия и основание его истины – перед суще-бытующим.

Ничего не решать, выбирая между одним суще-бытующим и другими суще-бытующими (что называют также «бытием», например, говоря об этом: «Быть или не быть – вот в чем вопрос?»), то есть человек – это суще-бытующее или нет.

Но речь здесь идет не о человеке, не о каком-то суще-бытующем, не вообще о суще-бытующем в целом, а о том, существует ли пра-бытие.

*Это раз-ведение напоминает пред-чувствие чистого явления-прихода и сегодня трактуется еще как чуждое, как недоступное, и повсюду – в том случае, если оно придет в голову когда-нибудь в качестве первого слова¹.
Время затягивания-промедления и выбор-решение.*

Переход в период затягивания-промедления.

Затягивание-промедление – нерешительность – как пребывание под натиском грядущего.

Нерешительность и необычайное.

Колебание и отвержение.

*

Выбор-решение принадлежит совершенно и полностью сущению самого пра-бытия. Но это должно быть основано в своей истине всякий раз на человеческом начале, которое оставляет истину без-основной или само, переходя в Вот-Тут-бытие, шаг за шагом впервые изначально перенимает на себя, зная все, обоснование.

Чем более знающим является это предприятие, тем более оно должно быть принято и согласовано, то есть со-бытовано в оставании с пра-бытием.

Но чем более оно соответствует Вот-Тут-бытию, то есть постоянно совершаемому «порядку», возведенному в закон правилу, тем больше оно раскрывается Между делом и знанием.

¹ Ср. «Главные слова».

Надо решить: либо «герои» суще-бытующего еще представляют собой сверх-силы и требуют подчинения себе, либо же «мудрость» их дополняется в пра-бытие.

51. Разделение и будущее

Есть ли будущее только последующий и вытекающий далее выход из уже наличествующего, но еще не осознанного до сих пор в познании, или же оно есть пришествие Того, что не только распускает и уничтожает суще-бытующее в смысле настоящего и преходящего, но и – как само пра-бытие – преобразует сущность суще-бытующего и решает уже поверх всего сегодняшнего и поныне существующего?

Решение-выбор более не касается того, как будут выглядеть и оформляться предметы будущего как продолжение нового в сравнении с донные существовавшим в той же области мира, это будет основание сущности самого будущего-грядущего.

Не потому, что мы есть как сущее и принадлежим к суще-бытующему, чтобы спастись по ходу спасения, но потому, чтобы снова и изначально сущило пра-бытие.

Не о грядущем выносятся суждение-решение, но оно возникает только и действует на сущность грядущего – а вместе с ней и на сущность времени. А это – предварительное наименование пра-бытия.

Не то, чтобы мы выносили и отменяли суждение-решение, что невозможно. Вместо этого может выясниться, готов ли человек подготовить его вступление в силу – или ему придется терпеть, как оно минует его, не сбываясь.

Все суще-бытующее может это перечеркнуть, но нигде нет ни следа Бога. Ведь всегда ищется это только там, где уже поторапливает Ближнее – Близость Дали Раздора-Раздрая.

Все суще-бытующее может переменить порядок, ему никогда не приходит в голову оставить свободное место для прибежища Бога. Вы даже сможете выйти за пределы своего суще-бытующего и снова еще раз обрести бытийность только того, что уже считалось вами суще-бытующим. Вы только объясняете, и все объясняете, это возврат взывания к ранее сомнительному, что, в сущности, заключает в себе все сомнительное. Вы только объясняете – а всякое объяснение есть возвращение вспять к тому, что

ранее было не вызывающим никаких вопросов, то есть в основе заключало в себе всю вопросительность.

52. Пра-бытие

никогда не может быть рассказано и описано в разговоре. Если его только закладываемая сущность есть грядущее, то к нему имеет отношение вопрос, который уместен в области обсуждаемого решения-приговора, раскрывая его, в-спрашиваясь в него и становясь настоящим в действительности, которая сущит как грядущее.

Техника и история, которые в сущности едины и проистекают из *διανοεῖσθαι ὄν*, еще препятствуют постоянно наличным обоснованиям пра-бытия – вероятно, еще на долгое время.

Но приговор-решение мы знаем и нам известны его признаки. Немногие уже способны различать, что принадлежит грядущему, а что так и останется в прошлом, которое пытается запутать все, смешав их воедино в современности.

Со-бытование в качестве со-бытия и в качестве опущения в без-основность, которая не означает ни богатства, ни ограбления, не навязывают никаких отношений суще-бытующего, где Даль допускается для раздора-спора, а пра-бытие – просвет самой этой Дали и существенное в раздоре-противоречии.

Раз-освоение существенно выступает грядущим; не только в смысле бытия, которое *было еще* не знакомо с метафизических эпох времени.

Грядущее связывает более существенно, ведь оно означает некое указание-ссылку, которое подразделяет и поддерживает всякое отстояние, разрушая Близость. Поэтому ошибка метафизики, которая трактует суть чувств в виде «привязанности».

В пра-бытии нет никакой зацепки и уступа для опоры, а, следовательно, только развитая пригодность к сохранению приобретенного неотчуждаемого.

«Вне» и «Снаружи» (человека) одинаково малопригодное «место» пра-бытия, которое все же не является единственно со-бытуемым (человеком) и не принадлежит ему как-либо.

53. Пра-бытие

Махинативность и запустение.

Запустение как постоянство уничтожения.

Крайнее уничтожение как бытийная запущенность суще-бытующего.
Оставление суще-бытующего как отвержение пра-бытия.

Отвержение есть самый отдаленный изначальный дар.

Отвержение как изначальное преобразование пра-бытия.

Пра-бытие не есть само «Наивысшее», оно не есть само Бог.

Но пра-бытие есть без-дно-основа своих еще необоснованных мест,
есть свет из противоречий-раздрая (со-бытие) – различение.

Пространство игры со временем – основание этих мест, основа – утвердившись – как Вот-Тут-бытие.

54. Махинативность и со-бытие

Из первого начала истории пра-бытия мыслители *должны мыслить наперед*, в наиболее сокрытый момент этой истории (Geschichte).

Он определяет себя сам через сохраненное благодаря пра-бытию решения-выбора между основанием истины пра-бытия и запустением как деловитейшей конструкцией окончательной бытийной оставленности суще-бытующего.

Такое мышление единственно «мыслит», оно вопрошает настоятельно, вникая в сущность истины, поскольку она и сама решается при вынесении решения-выбора.

Всякое мышление наперед есть единственное историчное, прежде осмысляющее суть истории (Geschichte) мышление. То, что обычно сегодня так называется, есть либо «историчное» объяснение, либо расчленение, либо «биологический» расчет; и во всех случаях там нет решения-выбора.

55. Единственное различение

пребывает между отсутствием решения-выбора, установленного властью силы махинативности, и готовностью к выбору-решению. Выбор-решение идет через различение. Это – пра-бытие, коль скоро оно обращается к такому различению.

Выбор-решение не позволяет себя «сделать». Нельзя и «ждать», пока он сделается сам, но надо об-основывать его существенные места.

Выбор-решение как различение предстает и тем самым про-исходит бытийно как со-бытие Вот-Тут-бытия или пра-бытие лишается всякой истины.

56. Откуда бытие как сила?

Из бытия, ставшего предметностью со времен «действительности», ἐν-ἐργεια, и, прежде всего, от ἰδέα через actus к percipere для представляемости.

За предметностью долго скрывалась – вплоть до немецкого идеализма, а точнее до Шеллинга – бытие как воля – и эта «воля» как душевно-духовный синоним силы.

Поскольку оба понятия были подготовлены у Лейбница: percipere и percipere как appetitus, постольку в полной сущности vis activa primitiva.

То, что бытие оказалось и должно было стать силой, есть допущение его собственной сущности, которая с самого первого шага обоснования истины способна лишиться истины, а тем самым и сущности истины. Откуда подобное лишение? Оно – следствие процесса выхода из переполненности первичного начала. Оно – следствие силового воздействия силы. Бытие как сила есть порождение изначальной несущестственности, не принадлежащей к основе сущности бытия как φύσις.

57. Сущность силы^{1(a)}

1. Пересиливание той или иной степени силы и тем самым вы-казывание своей постоянно замаскированной сути есть
2. развивающее пересиливание себя самой в пересиливании, в исключении влияния всего Внешнего, что не есть она сама. Одно-единственно определяет суть суще-бытующего.
3. По этой причине сила без «целей», без того, что не являлось бы ей самой, которое как-то могло бы определять ее и заставляло по тем же причинам «не остаться лишенной целей» в смысле блужданий туда и сюда между основами все же искомым целей даже «произвольно», поскольку все, что вам служит, есть ваше право и ваша воля – и все уже в выборе

¹ Cp. Κοινόν. Aus der Geschichte des Seyns; Besinnung. Gesamtausgabe Band 66, 9. Die Machenschaft, 65. Seyn und Macht; Grundworte.

a) Cp. Zu Ernst Jünger «Der Arbeiter» (S. 67 ff.). Gesamtausgabe Band 90. 63.

и предложении для вас. Таким образом она никогда не оценивалась, пока понималась как сила.

4. Сила не нуждается ни в каких носителях, потому что бытие никогда не опиралось на суще-бытующее, но в высшей из степеней суще-бытующее, наоборот, к себе подтягивалось посредством бытия, то есть пропитывалось силой. Прежде всего, еще не понято – и, тем более, не воплощено в научных понятиях, – почему сила, чтобы стать бытием, не нуждается в носителе.

Где бы мы еще не видели силу в руках носителя власти, это – не сама сила, которая опирающаяся на нее, а всякий раз вынужденное силой и определенное ею «средство» для осуществления власти. Сила не нуждается в каких-то носителях и вообще не может иметь таковые, поскольку никогда не является суще-бытующим, которое было констатируемо и представимо здесь и там. Она есть то там, то здесь по-разному само раскрываемое бытие, в котором каждое суще-бытующее (в зависимости от рода действенного) – прослеживаемое или нет – качается и вибрирует. Бытие как сила высвобождает суще-бытующее, отпуская его в простую действенность (силу, насилие и т.п.) – и именно в данном отпущении сила предстает безусловной силой. Бытие никогда не может «нести» суще-бытующим так, что бытие покоилось бы, опираясь на суще-бытующее и его милости-блага. Скорее, сила как бытие сузит в себе самой и подтверждается суще-бытующим в действенности, исчезая в ней и неудержимо возобновляясь. Сила не может быть постигнута (обретена в собственность), ведь мы лишь обладаем ей, тогда как она есть *безусловная субъективность* (Ср. к Эрнсту Юнгеру)¹.

5. Все носители власти «имеют» постоянно только средства для обретения власти, обладая соответствующими власти конструкциями суще-бытующего, которые сами существуют. Они никогда «не имеют» власти, поскольку власть «пользуется» ими².
6. Сила поднимает возможность «права», поскольку «право» понимается как притязание принадлежащего самому себе³ и поэтому значимого и, следовательно, изолированного из власти. Но конструкции власти менее

¹ Ср. Zu Ernst Jünger «Der Arbeiter». Gesamtausgabe Band 90.

² As.: haben – als besitzen, verfügen. Иметь – как обладать, распоряжаться.

³ As.: Inwiefern ist die Macht dem Rechtentzogen? В какой степени власть можно лишить этого права?

всего терпят отсутствие права. Снятие возможности «права» означает здесь отклонение ее сущности к теме распределения сил.

7. Власть есть нечто иное, чем проявление какой-то «силы», и есть нечто существеннее, чем всякое насилие. Суть ее столь же способна породить силу и возможности-желания, и столь же существенно ниже воспринимается, даже если она и понимается как «дух». Сила есть сущение пра-бытия и поэтому никогда не может быть объяснена носителям [власти]; в эпоху метафизики можно только испытать ее, но никогда не познать ее подлинно.
- 8 Сила – как сверхспособность к пересиливанию – всегда движет вперед строительство («конструктивна»). Там, где «конструктивное» встраивается в управление суще-бытующим, оказывается, что между силой как бытием в суще-бытующем больше нет никакого выхода. Это должно быть известно власти и тем ее строителям, которые только намеревались поиграть строительными лесами, отнюдь не являясь основателями проекта. Но то, чего они, по существу, лишены, смутно ощущается как недостаток, который никогда нельзя допускать в области власти. Напротив, возведение строительных лесов воспринимается как шаг к переходу власти из одних рук в другие – и для общественности и для себя самого, выступая как признак построения для «вечности».
9. Сила и власть.
10. К сущности власти принадлежит то, что ее сущность есть отчаяние в отсутствие истины – что истина в сущности разрушена (как просвет пра-бытия и сомнительность бытия, побуждающая вопрошать). Самое незаметнейшее, не приходящее на ум и безразличнейшее – вот что самое решающее в силах силы. Отсутствие истины суще-бытующего при безусловной власти силы – это не следствие власти, а разворачивающееся не-до-основание сущности власти.
11. Непревышение власти – это принадлежащее к области власти сопротивление к такому принуждению, которое вынуждает с необходимостью превышать когда-то достигнутый уровень власти. Сопротивление – это, с точки зрения власти, род приказа; приказ и уверенность в наличии приказа есть умелая маскировка рабства, скрывающая таящееся в засилье власти закабаление в царстве отсутствия истины¹.

¹ Приказ – как безусловное соответствие в противовес безусловного посягательства на превышение полномочий, чистая постановка на службу в противовес

12. Наивысшей и подлинной ступени сущности достигает власть, которая не только определяет, что «есть право» (а именно как достигнутое благодаря его «успеху» действительное в качестве действительного и благого), но и устанавливает, как определяется «великое» и «борьба»: «великое» как наивысший круг силы в безоглядном воздействии; «борьба»: силовое-техническое подавление в целях власти, причем «цели» играют лишь роль средств власти и «методов борьбы».
13. Сила позволяет – как свое иное – противопоставить бессилие и располагает только им, так как она Все имеет в силу своего приговора-решения, и даже бессознательное. Твердейшей границей сущности силы является то, что за нее невозможно выглянуть, потому что она не позволяет этого по своей сущности. То, что власть может проявить свою высшую сущность только на основе бытийной покинутости суще-бытующего, говорит о том, насколько решительно суть власти в своей безусловности зависит от пра-бытия – и Ничто (еще более ничтожное, чем всякое ничто) не существовало бы без пра-бытия.
14. Но мнение о том, что власть когда-либо может быть устранена в истории, проистекает из той же бытийной покинутости-забытости, что и сознание власти, что она есть-де единственная и истинная основа исторической человечности и впредь будет снова такой же. В эпоху метафизики какое-то иное отношение к власти невозможно, и событие преодоления сущностью власти ее незаменимости в условиях данного ее учреждения даже невозможно предвидеть.
15. К постижению сущности власти.
 «Власть» должна быть так же извлечена из рамок «политических» рассмотрений и определений принципиальных позиций и партийных программ.
 «Власть» может быть только метафизически вы-рас-спрошена в ее сущности; и даже это только тогда, когда уже будет постигнута сущность метафизики и ее начало (исходный пункт), то есть уже познано ее полное завершение.
 Тогда сила раскроет себя как сущение махинативности-делаемости, а она – как сокрытая сущность «действенности» в метафизическом

мощному буйству силы. Приказ имеет безусловность не из обоснованной власти, а из бесосновного, не основанного на условиях рабства, а из беспричинного, безусловного рабства по отношению к сущности власти.

смысле, который укоренен в изложении бытия как *ιδέα – ποιήσις (φύσις – οὐσία)*. (Ср. К истории понятия экзистенции)¹.

16. Сила и бессилие Бессилие жаждет власти и погибает от недостатка власти. Оно приковано к сущности власти путем лишения ее.

Бессилие может поэтому снова стать силой, если воспользуется обращением. Оно может также пробудить кажимость, будто она есть ненужность власти и преодоление ее сущности. Бессилие: самая уловимая кажущаяся видимость силы.

17. К сущности власти

Единственное, но и в то же время безусловное бессилие, которое по существу принадлежит как внутреннему безобразию и хаосу власти, это – то, что она не может противостоять собственному произволу, которому она должна противостоять, борясь, всякий раз по запросу удерживаемых ею внизу, для умягчения и утверждения их «важности» готова исторические картины, которые не только «ложны», но и, прежде всего, поражают в корне всякий род их постижения.

18. В какой мере полное разворачивание сущности власти начинается только с безусловности ее сущности. В такой мере эта безусловность необходимо включает в себя безусловное господство посредственности.

19. Сила и свобода.

Метафизическая суть безусловного вы-раз-вития в дальнейшем сущности силы обнаруживает себя в том, что развитие власти для себя устанавливает принцип в качестве притязания, который всегда высказывает метафизика: свобода есть необходимость. Эта идея разрешает всякое принуждение и все, что было вынуждено под угрозой использования насилия и реального применения его как необходимого – при условии изложения этого необходимого как проявления свободы. Таким образом, принужденный насильственно сознает себя свободным и при таком само-сознании он отказывается от всякого восстания против необходимого, то есть от борьбы против насильственного принуждения. Ведь как свободный человек может хотеть лишиться себя свободы? То, как завершенная до конца метафизика безусловной власти использует этот принцип, одновременно показывает внутреннюю сущностную связь силы и видимости.

¹ В: Vorträge. Gesamtausgabe Band 80.

20. Сила и видимость. Сила, которая ничего не изымает из злоупотребления властью, тем не менее, чего-то достигает с помощью видимости-кажмости – так, как будто, она все же достигает сверх-мощного «свободно» и передает ему пред-назначенность оставаться перед собой неизменным. Так у сверх-мощного возникает «чувство» – все же самому прийти к его праву. Оно не замечает, что оно, между тем, уже до того благодаря пересиливанию переместило это обычное выкладывание самого «себя» дальше. Эта кажмость освобождения есть наиболее жесткое принуждение-заставление, которое может применять к себе сущность силы.
21. Власть и сокрывание. Власть также может перейти к тому, чтобы использовать на полную мощь все то, что отрицает и с чем борется, даже предполагая, что сама опирается на это и поддерживается еще тем, что, однако, преодолевает. И здесь тоже власть находит еще один путь, чтобы свою «творческую силу» подкрепить скрытной эксплуатацией до сих пор созданного и преподнести себя как первооткрывателя этого.

22. Сила¹

Самая внутренняя бес-сущность силы как наивысшего хаоса, в котором бытие отпускается на волю как сущность, состоит в том, что оно не может и не вправе быть таким, чтобы допустить до себя существенного противника. Сила – не только бес-силие, но и хаос бытия в образе единственной машинерии суще-бытующего. Сравните «постижение»² и «преодоление»³. Поскольку сила существенно удерживается в неопределенности, она обладает возможностью к постановке перед собой любой цели?

В этом ее особая определенность и сущность, чуждая всякому бессильному, но в то же время присущая ей по своей сути.

23. Сила. Основное беспокойство власти как сверхспособности заключается в том, что власть есть «воля» к власти, а именно в том, что воля как команда подчиняется этому беспокойству, чтобы существовать и сохранять его как единое целое. Согласно этому не-спокойствию власти, это никогда не может быть обосновано господством в смысле применения законов из «древней радости» самой сущности пра-бытия. Всякая власть

¹ Ср. 41. Machenschaft (seynsgeschichtlichbegriffen).

² Besinnung. Gesamtausgabe Band 66.

³ Die Überwindung der Metaphysik. In: Metaphysik und Nihilismus. Gesamtausgabe Band 67.

есть мнимое господство; а поэтому она не может вынести никакого «противодействия», изначального даже по своему существу. (Господство есть *χάρις* пра-бытия как пра-бытия, тихое достоинство мягкой привязанности, которая никогда не должна перерасти в потребность во власти). Тем самым «Господство» толкуется словом с совершенно неподходящим значением, а значит, наполовину относящимся к сфере сущности власти.

24. Сила¹.

Сущность власти как махинативности разворачивается в безусловное.

Преодоление силы.

Махинативность есть сущность бытия, не имеющего основания в его истинности.

А отсюда сущность власти – это крайняя точка метафизики, и здесь скрывается решение о том, действительно ли само бытие как пра-бытие существенно другого становится всемогущим.

Бороться с властью – значит по-прежнему подчиняться ей и подчинять себе ее сущность, а это снова требует изобретательности в выборе путей и средств власти (*μηχανή*) в изначальном смысле. Там, где власть как таковая еще не представляется современной.

Сила преодолевается в существе только через посредство того, что не нуждается в силе. Только само бытие, отступая назад, в сущность, позволяет вторгнуться суще-бытующему – тому, что в непознанной бытийной покинутости восходит в сан господства. Только тогда, когда сила упирается в Ничто, она не может больше оказывать собой «деятельное» противоположное определение, ломается в себе самой и в своей сущности. Когда сущее больше не может полагаться на свое использование, сохранение и развитие по восходящей, чтобы «оправдать» бытие, тогда оно лишь низводит его сущность до уровня какого-то средства.

25. Сила и раса. Идея расы, как говорится, принятие в расчет расы соответствует познанию бытия как субъективности – и это не «политика». Воспитание в духе расы есть путь самоутверждения для обретения господства. Этой идее противоречит изложение бытия как «жизни», то есть как «динамики».

¹ Die Überwindung der Metaphysik. In: Metaphysik und Nihilismus. Gesamtausgabe Band 67.

Забота о расе есть мощное мероприятие. Ее невозможно быстро включить и быстро остановить. В работе с ней и пропаганде ее все зависит от того или иного положения с господством, ситуации с силой. Она не есть некий «идеал» сама по себе – ведь она тогда должна бы вести к отказу от притязаний на власть сама по себе и заниматься пропагандой значимости каждого «биологического» вклада в устройство.

Поэтому, если смотреть на все строго, в каждое расовое учение уже должно быть скрыто включена идея превосходства расы. Приоритет обосновывался самым различным образом, но всегда так, что намекал на то, что именно «раса» устроила, достигнув этого, какое воздействие внесла в масштаб «культуры» и т. п. Как, впрочем, и предрассчитывалось, исходя из узкого умозрения расового мышления – относительно расового продукта. (Круг субъективности).

Здесь на передний план выходит самозабывающий о себе круг всей что ни на есть субъективности, который не содержит метафизического определения «Я», но содержит всю сущность человеческую в своем отношении к суще-бытию и к себе самому. Метафизическая основа расового мышления есть не биологизм, а метафизически должная мыслиться субъективность всего бытия суще-бытия (масштаб для преодоления сущности метафизики и метафизики Нового времени, в частности). (Во всех опровержениях биологизма – чересчур грубое мышление; поэтому опровергать – напрасно).

26. Сила.

Поскольку она определяет все бытие суще-бытия, она закрывает человечеству всякую возможность прийти снова к себе самому – если так выразиться, вообще еще познать собственное бытие как возможную основу истины. Сила не терпит никаких уравниваний. Она ставит все на Либо-Либо существования и несуществования, и там даже, где это противопоставление кажущееся, то есть только временно может давать основания при цифровом расчете дальнейшего существования. Сила ориентируется на самое крайнее Либо-Либо, и только из самых последних основ власти проглядывает власть, которая требует в качестве своей основы борьбу «жизни и смерти» и познать соответствующее «признание» – через другую человекость, которая еще не достигла своей подлинной высоты власти. Если выпадает эта возможность в жизни, то и победитель не получит никакого признания, он сам поникнет под

напором голой наличности только разворачивающего себя. Всякая возможность какой-либо истины разрушена.

Суть силы как силового принуждения-манипулирования уничтожает возможность истины существенного. Она сама есть конец метафизики¹.

58. Существенное определение силы

Образ и выражение, в соответствии с которыми здесь определяется суть силы, не взяты из тесноты-давки исторического и политического образа рассмотрения. Самое определяющее проистекает единственно из мышления, сообразного постижению истории пра-бытия. Тем самым сказано: постановка вопросов не исходит из «силы» как именно здесь и там встречающегося «явления», чтобы затем отчертить его сущность. Скорее, мышление уже идет от истории постановки вопросов о бытии и познает в этой истории, что и как бытие делает действительностью, самопредставляющим действием (субъективностью), знающей волей и, наконец, «волей к силе». Воля к силе должна быть помыслена как полное завершение (метафизической) истины о суще-бытующем и, таким образом, как бытие. Только в этом позволительно понять, что в нем подразумевает суть силы как бытия. Но уже понимание силы как бытия должно наперед мыслиться как соответствующее истории пра-бытия – в ее преодолении метафизики. Только исходя из этого падает свет на суть силы – так, что эта сущность изымается из области ограничений, накладываемых на сектор суще-бытующего.

Пред-мышления в завершении истины суще-бытующего – исходя из преодоления этой истины – достигает сущность машинерии-сделанности. Но это, в свою очередь, имеет еще свое скрытое сущение в основной черте бытия, согласно которой суще-бытующее оставлено в покинутости бытием и открыто доступу единственному, по сути, рангу – рангу суще-бытующего, превалирующего над всяким бытием. Ступени мышления в соответствии с историей пра-бытия, которое мыслит силу в сущности и в ее собственной истории сущности силы, вопрошая ее и ставя ее под сомнение, могут быть показаны посредством следующей схемы:

Бытие как действительность. –

Действительность как субъективность.

¹ As.: Macht und Weltanschauung; Weltanschauung und Vollendung der Metaphysik.

Субъективность как воля к силе.

Воля к силе как бытие.

Бытие как сила.

Сила как силовая сделанность-махинативность.

Махинативность как отпускание суще-бытующего на само-бытность.

Отпускание суще-бытующего и запустение.

Поскольку это мышление, как кажется, произвольно применяется при определении бытия как действительности, нужно напомнить, что история бытия может быть представлена в истории «экзистенциальных» понятий. Внутри нее можно воспользоваться знанием о том, в какой мере действительность как *actualitas* опрокидывается в *ἐνέρχεια* и тем самым не будет ли здесь подлинная позиция определять все?

*

Чтобы, таким образом, смочь мыслить суть силы как бытие, мыслитель должен предварительно отказаться от того, чтобы признать что-либо как «явление» – и вследствие этого познания приготовить для себя определенную установку по отношению к «силе». Мыслящий должен оставаться в состоянии мышления, при котором отказ от объяснений на основании объяснения суще-бытующего при ссылке на суще-бытующее есть ход с его стороны, позволяющий в пра-бытии усмотреть существенное определение. Только тогда есть возможность увидеть нахождение сущности в отношении сути силы. Но если все происходит иначе в расчетах, ориентированных на объяснение сил, то все остается на прежнем уровне и снова сводится к рассуждениям о силе или о восхвалении силы или о безразличных примирениях с ней как с неустрашимым.

Эти рассуждения о силе никогда не достигают круга существенных представлений о сущности и никогда не заставляют подозревать, что в сущности силы берет свое начало история бытия и «только» эта история.

Сущение силы заканчивается в том, что сила становится безусловным корнем самоуничтожения, если пере-силивание заставляет ее двигаться к тому, что при полной пустоте ничем не ограничиваемого делания оказывается погребенной всякая возможность некоторого начала в ее существенной сфере. Это наивысшее разворачивание сущности силы, однако, никак не в образе уже известного вам запустения и искоренения, но в образе их противоположности. Исторически фиксируемые знаки существенного до-

ведения до конца силы – это «планетаризм» и «идиотизм». «Планетарное» подразумевает отношение сущности силы к Целому Земли, а именно так, что это отношение не есть результат некоторого расширения-распространения, но составляет начало своеобразного господства над Землей. «Идиотское» (ἰδιον) подразумевает приоритет копающегося в самом себе, что прежде всего выражается как субъективность.

Поскольку сила включает в себя существенную вражду против всего изначального, причем так, что начало есть возвращение к себе, в себя, сила противостоит всем и всяческим достоинствам. Правда, до сих пор сила и достоинство перечислялись в одном ряду, рядом, и при этом сила представлялась как имение и компетентность в суще-бытующем, сила как мощество казалась принадлежностью великолепия, и, как таковая, принадлежала к достоинствам (majestas). Здесь повсюду узнаются неразвернутые пред-ступени силы внутри суще-бытующего, которые – как суще-бытующее – отличают бытие в действительности делания. Будучи мыслимо в сущности, достоинство остается, однако, столь чуждым силе, что оно даже не может быть поставлено рядом как ее противоположность – причем ведь каждое из этих качеств отличается самостью в окружении круга сущностей.

Достоинство есть держащееся чисто внутри начала, являющее себя из него как издали, возвращающееся в начало и возвращающее в этом возвращении раскрытие сокровенного. Достоинство изначального недостижимо никакой силой и непознаваемо никакой силой.

59. Сила «нуждается» в силе (насилии)

Сила нуждается в силе – как в некоем средстве, позволяющем быть силой. Если сила сама себя берет в употребление и пользуется собой, тогда сила становится насилием. Единственно, что насилие есть не только с необходимостью причинение насилия и всякий раз причинение насилия, но и всегда вынуждение. Не утрачивая за собой контроля в принуждении насилие, не выродившееся в итоге в слепые толчки и запреты – это как бы насилие – и, таким образом, не есть что-то иное, как вынужденное силой и взятое на вооружение повседневно, но скованное рамками или завуалированное принуждение к несвободе.

Сила, однако, нуждается в силе (используемым силой использованием силы) не только как в некоем средстве, но «нуждается» в себе самой

(испытывает нужду в себе) как в цели. Ведь сама сила есть то, что должно самостоятельно добиться значимости и «прийти в силу». И это пересиливание себя самого есть собственное превзойдение собственной пустоты. Оно, таким образом, уже в самом себе превышает само себя – и в то же время само всякий раз нуждается в самом себе как в некоем средстве. В том, что сила существенно выступает одновременно как цель и смысл, и средство, и опосредствование, она оспаривает сущностный состав того, что принадлежит к сооружающей структуре и делаемости-махинативности вообще. Она выказывает в этом свою основополагающую черту – составлять суть действенности как действительности.

Всякое использование власти, посредством которого применяется не только «насилие», но и находящийся в распоряжении «действительный материал», вначале помещает суще-бытующее в область силы и определяет суще-бытующее в его силовом характере. Это происходит и тогда, когда суще-бытующее насильственно подчиняется и «лишается силы».

Но каждое притязание власти и каждый способ ее утверждения требуются именно потому, что в них возникает собственный род бытия – и тем самым возникает эффект отчуждения и отстранения, а благодаря этому грозит ослабление силы – предлог, в силу которого остается сокрытой существенная насильственная сущность силы.

Это сокрытие насильственного характера силы может «морально» активно осуждаться – как «ложь», однако оно вовсе не может быть понято морально.

Ведь оно принадлежит к сущению бытия. Но поскольку сила всегда рассматривается только, исходя из суще-бытующего, и рассматривается как суще-бытующее, и как вторжение чего-то суще-бытующего в то, что в остальном является безопасным и привычным, любая оценка власти сводится к осуждению осуществления власти и негодованию по поводу нее.

То, что разворачивание власти и осуществление власти на основе метафизики Нового времени обеспечивает современное определение человечества «идеалами» и вскоре выставит как «наивысшие цели» то «социальную справедливость», то «прогресс культуры», то спасение западной «культуры», то новый «мировой порядок», то политическую систему – и все это – большая или меньшая изолганность, больше искусная или больше неуклюжая фальшивка, которая вытекает из каких-то более или менее тайных источников человеческой деятельности – или это просто непонимание

самим человеком того, что он говорит, а что он «на самом деле думает», и тут все определяется сущностью наделения властью сверх меры каждого ее носителя. Им приходится платить дань, превышающую любую плату, которую вносят другие «жертвы», и они зачастую платят ее, так и не зная, в какой жертвенности они пребывают.

60. Сила и насилие

Насильственная деятельность (брутальность) выказывает себя посредством своеобразной простоты. Действия носителей направлены на безусловное уничтожение с помощью абсолютно действенных средств при каждой возможности и в любом отношении.

Поэтому, как только две силы, наделенные равной способностью к брутальности, сталкиваются друг с другом, то обнаруживается, что методы их никоим образом не различаются, а посему нет ничего, что имело бы в них отличного друг от друга. Здесь также появляется и возможность одним ударом ответить соответствующими средствами на действия противника.

Благодаря всему этому, то есть благодаря отпущенной в безусловное способности к брутальному, будущие столкновения сами оказываются весьма «простыми»; они достигают безусловной жестокости, которая диктует еще только один выход – свести их всех к ним самим – назад. Уничтожение становится самоцелью.

61. Сила и преступление

Там, где сила становится сущностью бытия, всякая моральность и право запрещены – причем безусловно. Сила ни моральна, ни аморальна, она вершит свои дела за пределами нравственности, права и нравов. Все, что разрабатывалось в этих сферах, сохранялось и упрочалось на будущее, все, что здесь стимулировалось и устанавливалось в качестве масштаба, было безусловно разбито посредством самой силы – причем разрушено так, что ничто другое не заменило разрушенного, вступив на его место – кроме самой силы, которая подает себя – как бытие – в виде непостижимого Ничто, по какой-либо причине разрушение всего постоянного и достойного существовать непрерывно должно показать эту последнюю крайность разрушения.

Поэтому к безусловной сущности силы определенных эпох принадлежат великие преступники. О них невозможно судить по нравственно-правовым мерилам. Это можно сделать, но тогда не будет достигнута никогда правда об их подлинном преступлении. И тогда не будет никакого достойного наказания, которое можно было бы вынести за это преступление, чтобы покарать его. Всякое наказание существенно отстает от сущности преступления, не поспевая за ним. Даже ад и тому подобные вещи кажутся чересчур мизерными по своей сути – в сравнении с тем, что разрушают эти безусловные преступники.

Планетарные главные преступники по сути своей полностью тождественны безусловному деловому устройству силы, подобны ей. Исторично обусловленные и распространившиеся на переднем плане различия служат только тому, чтобы преступное деяние переодеть в приличный вид, поскольку его преподнесение в виде «аморального» необходимо противоречит «интересам» человечества.

Планетарные главные преступники новейшей современности, в которой они только и становятся возможными и необходимыми, могут быть перечислены по пальцам одной только руки.

62. Сущность силы и подчинение

Во власти «дух» приходит к своему разворачиванию в крайнюю и безусловную форму – в хаос без тормозов. «Дух» определяет здесь все в духе нового времени: это – само знающее знание, которое есть действительность всего действующего.

Поэтому только обыденный рассудок может оставаться придерживающимся в крайностях чисто «негативного» – и в сущности силы не признавать само бытие.

Таким образом, получается, что «сила» подвластна каким-то «носителям», на которых и возлагается ответственность за то, что они «делают» с «властью» – вместо того, чтобы признавать, что носители – это рабы, созданные исключительно только властью.

Но «рабы» – в соответствии с развитием существа силы в безусловно хаотичное существо – это не гномы, а «великаны» – в особенности судя по тому, как они просто – это даже сравнить не с чем – подчиняются сути власти. Огромность относится к решимости подчинения сущности власти

и к незнанию того, в чем состоит суть и происхождение необходимости при таких выборах-решениях.

63. «Демония силы»

Об этом принято говорить особенно там, где полагают, что «живое» представление о «действительной» силе будет обеспечено именно таким образом. Но на самом деле подобные рассуждения есть блестящее свидетельство дезориентации и отсутствия понимания. Речь о «демонии понимания» предполагает, что сила «подлинно» и «естественно» оправдана и в известных пределах необходима, вот только она должна быть «нравственно» увязана и руководима. Вначале сущность силы мыслится из плоского отождествления ее с «насилием», только оно осуществляется посредством морали, а затем из-за отсутствия нравственного контроля возникает речь о «демонии».

Беспомощность этого представления о власти характеризуют обычные суждения школьных историков об истории как предмете.

64. Сила и истина

Сила – как бытие – должна позволять себе открытость и, стало быть, вдохновлять здесь на открытость и тем самым вкладывать некоторую силу в сообразную суть «истины». Что касается этого расширения влияния силы, то все, чему она отдает приказы и чем она руководит, становится «справедливым», «праведным», и они есть истина – и причем истинно именно в силу этого и по причине этого. Истина, в согласии с этим, правомерна по сущности своей современным структуры организации власти, которые выступают как бы правильными, а правильным здесь называется порождающее гарантии на разрастание силы в прошлое и на будущее. Тот, кто был причастен когда-либо этому разрастанию власти, тот, кто исполнял ее повеления и приказы, становится «правомерным» – он является истинным и всякий раз истинен – именно в силу этого и по причине этого. «Говорит истину» – значит, говорит нечто, способствующее утверждению власти силы.

Но поскольку сила всякий раз безусловна, то и всякий раз ее истина ни разу не обусловлена постоянно и всегда релятивна. Для этой истины не существует еще Всего Прочего, что могло бы обеспечивать иные

аспекты вынесения суждений и их возможность. Поскольку и это Все Прочее остается с самого начала запрещено, то принадлежащая силе истина является «условно неопределенной». Поэтому и силе нужно в публичных сообщениях о себе постоянно «держаться принципа безусловной истины».

То, что определяет власть, всякий раз не фиксируется безусловно по отношению к схваченному в данный момент глазом и избранному для сообщения факту – как безусловно истинное. Нет никакого другого иного аспекта для всех вещей, исходя из которого и внутри которого сказанное тотчас же может стать условно правильным. Все высказывания власти – безусловно истинны. Там, где друг другу противостоят различные позиции силы, там сказывает за себя их безусловная истина. Никто не лжет. И все же лгут все. Если помыслить точнее: так как всякий конкретный индивид в упомянутом смысле безусловно истинен, то каждый может быть и безусловно фальшив применительно к этому ладу истины власти.

Выразимся еще более точно: истинно или фальшиво в том смысле, который в каждый данный момент может быть нечто определено – не важно; это «Либо – Либо» для власти несущественно. «Истинное» вполне спокойно может быть и даже твердо будет Ложным, ведь и ложное не есть то, на чем основывается сила и в соответствии с чем она оценивает себя и судит о себе. Истинным оказывается, подлинно, только масштаб силы.

Здесь не надо говорить о какой-то пользе, поскольку это заведет нас в тупик; ведь это и не приведет нас к чему-то полезному для какой бы то ни было цели. Здесь значит разрастание власти, и истинное есть истинное не потому, что оно полезно, а потому, что оно – властное в себе.

Можно рассуждать об этом роде истины на моральный лад, но можно и ограничиться знанием, что тут нет никакого ответа, который удовлетворял бы власть. И обратное отступление в Моральное этой сущности истины, которое провел, сверх того, Ницше, никогда и ничего не обоснует в своей построенной на осознании истории пра-бытия сущности и никогда не подготовит преодоления-перехода. Можно с помощью морали только ослабить – то есть исключить себя из истории, которая идет через раскрепощение сущности силы к машинерии-делаемости.

Жалкость христианства яснее всего обнаруживается тогда, когда оно маятником ходит между двумя твердо установленными позициями власти – от одной к другой – и всякий раз предлагает свои услуги тому или иному клиенту.

Здесь становится понятно, что в сфере влачащего жалкое существование христианства никогда не ставится выбор-решение о божественном главенстве богов. Об этом даже никому не приходит в голову спросить.

65. Сила и нивелирование

«Сила» склоняет к мнению, что ее сущность состоит в пред-власти и господстве, и тем самым переходит в подчинение и даже в угнетение. Поэтому сила приносит с собой и неравенство. Это тоже соответствует истине, пока мы видим суще-бытующее только через определяемую его силу. Но если мы подумаем о самой сущности власти, то есть если мы понимаем ее как бытие, тогда оказывается, что к силе принадлежит существенное уравнивание, и оно принадлежит в некоем безусловном смысле. Каждая власть развивает себя силой в одно и то же, а именно – в увеличивание силы, которое – как пересиливание – касается собственной сущности и не подразумевает подчинения суще-бытующему. Но возвышение силы требует – уже исходя из самой надежности и безопасности – насколько возможного единообразия «принципа» – так, чтобы этап единообразия существа силы включал бы тождество формы во всех распространениях власти. Поэтому и выходит так, что – где только сражения за власть идут все более и более чисто, причем чистота означает безоглядность отказа от сущности власти – противоположности обоюдно входят в полное равенство сами с собой.

66. Власть и убожество

Обычное предоставление связывает обладание властью с разворачиванием торжеств и зрелищ. Здесь происходит нечто существенное в отношении того рода, каким бы власть должна представляться общественности – ведь через торжества она создает себе зрителей и постоянных участников торжеств, которые таким образом во мнении заменяются (силовым методом посредством власти), когда складывается впечатление, будто они причастны к власти и ее со-носители; это роль, которую может играть «народ» в общественной публичности наделенных властью и обладателей власти.

Внутри истории разворачивания безусловной сущности власти поэтому необходим «социализм», но он поэтому с той же необходимостью никогда не будет чистым «социализмом» для себя самого – он постоянно есть некий ... социализм. То, что ему преподносится как реальная причина

власти, может принимать различные игровые формы – и, будучи рассмотрено с точки зрения меры власти, также не обязательно является решающим.

Существует только одна форма народного порядка, которая обязательно обеспечивает безусловное господство. Это сквозное проведение публично поданной заявки народа на единственного носителя воли и есть пред-властное и безусловное снятие всех ограничений делания. К ней принадлежит то, что она действует без показных излишеств, без множества самораскрытий, без мелочного закапывания в чистые частности – в наивысшей только скудости. К обладанию власти и ее наглядному воспроизведению принадлежат торжества и излишний шум, однако к сущности власти и ее подлинной гарантированности-обеспечению принадлежит наивысшая скудость-бесхитрость. Эта скудость-бесхитрость нуждается в далеко заходящей поверхностности мышления. Более всего ей служит без-мыслие, нераздумывание. Это скудость-бесхитрость приходит без «культуры». Поэтому в выборе-решении о власти и, значит, о планетарном владении властью решает не глубина и величие «культуры» и «образования» с историей и другим подобным, а только решимость обрести предельную простоту наипростейших правил игры, по которым в игру вводятся неуклонно средства власти.

Скудости-бесхитрости разворачивания сути власти должна соответствовать принадлежащая власти нивелировка. В ее скудости-бесхитрости власть имеет основу прочности сущности. Все это выносит на передний план безусловную пустоту, которая коренится в сущности власти как крайнего отпущения в произвол бытия – в несущественности бытования.

Эта пустота не есть Ничто, но она есть безоглядность власти даже при взгляде на себя саму, что проявляется постоянно в ее стремлении к превышению власти, к распространению себя за свои пределы. Эта безоглядность и пустота будят затем в общественности впечатление, что то, что делают власть имущие, на самом деле может сделать каждый – ведь это наивысшая рабская зависимость в окончательном проявлении сути власти.

А это – большая редкость; редкость, которая соответствует тому, что и сила – основа сути, основа сути бытия – и остается таковой через посредство единственности в подлинном.

67. «Сила» и «система»

Обычному рассудку поначалу приходит на ум, что сила повинуется и происходит по некоей «системе».

В этом воззрении – что сама сила подыгрывает повседневному мнению о себе – и заложено основное заблуждение. Сила в ее сущности бессистемна, и именно это гарантирует ее мощь, которая всякий раз остается в состоянии пересилить ее собственное пересиливание. То, что имеет в себе системолишенная власть – так это то, что она сама по себе использует возможность тотальной организации, которая никогда не берет на себя никаких обязательств сохранности перед сущим и не оговаривает заранее и какую-то претензию на связность. То, что является общепринятым для существа власти, – ее несвязанность к суще-бытию и типу суждений и оценок его – все это существующее в повседневности мнение снова и снова воспринимает как отчужденное и стремится отринуть как «отсутствие принципов».

68. Сила и публичность

Сила нуждается в публичности, но – для намерения сплошь запутать и перепутать ее и похоронить под ней возможность формирования мнений. Следствием этой запутанности является полное безразличие ко всему. Наибольшие успехи более не захватывают всех – максимум они вызывают пустые любопытство и интерес к последующим успехам, которым уже заранее приписывают без-основность.

Подобное безразличие, как может показаться, грозит силе и эффективности ее воздействия на действительность. Но на самом деле, поистине – сила становится только сильнее, власть – еще более властной. Однако именно так проявляется сущность самой власти – и благодаря этому ее противное существо, ведущее к ее краху: безусловное отсутствие сопротивления. Оно воздействует так, что сила внезапно вырождается, утрачивая мощь, в свою собственную пустоту и, выбиваясь из сил сама, пересиливает себя саму, превращаясь в Ничто.

69. Необыкновенное и непредвиденное

Во времена беспредельного планирования, когда к успеху приводят только неограниченные по масштабу мероприятия, вы-рассчитываемость

всего суще-бытующего предписываема ему как основной характер его делаемости-изготовимости. Но эта предписываемость никоим образом не есть «субъективация» «объективного», поскольку субъективность, которую человек приписывает себе, утверждая себя как *subjectum*, уже соответствует тому, о чем существенно говорит бытие – в смысле делаемости-махинативности – так, что тем самым только и возникает нечто объективное, суще-бытующее как против-предмет пред-ставления, и это основано на основе, проведенной подобным образом необычно-неожиданно подведенной базой метафизики.

То, что стало знаком суще-бытующего как со-считываемого, есть правило непредсказуемого-непредвидимого. Ведь все расчеты, служащие плано-построениям, направлены куда-то в некую пустыню, которую они сами себе не могут подчинить, но лишь используют и приспособливают для себя; они – независимо от себя – должны наталкиваться друг на друга, а тем самым на непланируемое. И все же непредвидимое есть только в каждом случае хаос непривычного в образе вызывающего оторопь отклонения.

70. Необходимое

1. Необходимо неизбежное – неотвратимое – неперменное – то, что должно быть принято; то, с чем придется смириться, поскольку оно стирает человека в пыль и в труху, или то, с чем придется смириться – без оглядки на себя самого и без оглядки на изменения, которые противостоят. Противостояние – это не над-стояние свыше, но – существующее и раздирающее по сторонам.

Здесь, следовательно, существенно: как принимают и переживают сами себя. Тем, что принимают нечто как в таком-то смысле «необходимое», достигают, следовательно, такого положения, как будто оказываются в ситуации – решаться или не решаться, выбирать или не выбирать. Здесь – место для чистого *героизма*, который одобряет неминуемое, но больше не любит этого. Здесь все может сильно зависеть от отворачивания к попыткам уклонения и оглушения опьяняющими веществами, а также от беззастенчивости фальсификации и увлечения краткими «пессимизмами» и «оптимизмами».

Необходимое в указанном смысле не допускает никаких возможностей, кроме возможного в кругу наблюдаемых лиц ныне данного, который от-

раничен господствующим суще-бытующим и рассчитан, исходя из него (и его бытия).

Но само необходимое не решает этого и как раз не может этого решить – не является ли оно само лишь последней возможностью предыдущего, донныне сущего – и, следовательно, вовсе не чем-то необходимым, которое приходит, но всего лишь выступает как завершение и минование. Ведь существенно Иное есть

2. необходимое в смысле неотвратимого прихода нового, что приносит с собой чистую открытость простейших решений-выборов – не неотвратимую, но обязывающую в подготовке прихода будущего. Для серьезно мыслимого необходимого необходимость есть лишь безысходность; необходимое такого рода не отмечает этой необходимости, а, наоборот, подгоняет к ней и навязывает впадение в нее.

Для иначе мыслимого необходимого необходимость есть нужда, которая не включает в себя никакой открытости нерешаемого-решаемого перехода; и необходимость такого рода наталкивается на просвет без-необходимости и вращается в нем, то есть обитает в духе свободы в свободном месте для избирающего пути выбора-решения.

71. Основанное на истории пра-бытия мышление

проистекает из самого пра-бытия, которое сущит о себе в чистом приходе грядущего. Но это не делает его деятельностью каким-то переживанием или чистым созерцанием. Со-бытование притязает на наивысшее завершение: на прыжок вопрошающего в просвет без-дно-основы. Вырас-спрашивается суть истины. И поскольку событием выбора-решения об этом существе является изначальная история, мышление от причины своей исторично, постольку необходим его перенос из перво-начала через завершающий конец всей метафизики к иному началу – через посредство немислимой грузоподъемности этих слов, которыми мы еще не научились пользоваться. Нужно было протянуться две сотни лет такого мышления, чтобы первые немцы увидели в освещенных местах-городах выбор-решение – между истиной пра-бытия и ставшим пустыней приоритетом суще-бытующего. И долго еще будет отсутствовать непосредственный след, указывающий простое соседство между малыми моментами истории пра-бытия.

Ни минувшее (только суще-бытующее), ни вечное (только суще-бытующее) не должны рассматриваться как прибежище и выход из современности – только пра-бытие должно быть вы-спрашиваемо мышлением как полное решимости то, на что как-то не получается решиться. Мышление – как вы-спрашивание истины пра-бытия – должно говоря, вторгаться в область надвигающегося из будущего выбора-решения – так, будто бы нечаянно напал на след со-бытий – и прослеживаешь его.

Мышление поэтому должно пробираться сквозь покинутость бытием. Но перед этим оно должно только быть познано; для чего, наоборот, должно предварительно испытать потрясения бытийной забытости. Нужен повод для потрясений – через высвечивание в просвете Необыкновенного.

Известие об этом – в редкостном.

Редкостное – как нарушение обычно-привычного.

Обычное-привычное и вошедшее в привычку.

Привыкание.

Не-привычное в смысле суще-бытующих потрясений и крайностей.

Необычное – в смысле давно уже существующем и не нуждающемся ни в каких дополнительных средствах пра-бытия. Мышление, поднаторевшее в истории пра-бытия, не приносит решения загадок и не успокаивает в минуты тягот. Оно дает стабильное постоянство в сущности истины.

А что еще требовать от мышления о более существенном?

Исторически соответствующее пра-бытию мышление – это постоянно изначальное мышление, оно никогда ничего не теряет от духа истории в протекании мнений и учений.

В каждом скачке-прыжке всегда есть след изначальной пред-истории того, что ее совершает, след его самого и, стало быть, Другого в начале, которое – как начало пра-бытия – заканчивается теперь, составляя суть истины пра-бытия.

Мышление, сообразное истории пра-бытия, выливается в без-образное, у него нет сил сосредоточиться на «образе» и на поясняющем все вещи – слово его холодно и смело.

Ведь в подлинность пра-бытия нужно утвердить некий подходящий пол. В соответствии с пра-бытием мыслящее слово должно заглушить свой голос.

Изначальное мышление не только берет начало – оно также остается в начале навсегда и лишь только указывает именно на него. Вся ценность

этого указания есть в том, что его величайшая опасность состоит в подробном изложении запоминающихся представлений. Соответствующее истории пра-бытия есть мышление многослойное; оно ни представление, ни многоуровневый срез в смысле «диалектики». Что легко служит средством извращенного толкования одного многослойного мышления – и все же еще дальше от него, чем изначальное *νοεῖν φύσις*.

Мышление вы-спрашивает многочисленные следы пра-бытия, которые – как со-бытие – просто намечены и прослеживаются в многообразии диалектической дискуссии.

Каждый след пра-бытия указывает по цепочке на следующий, но нигде и никогда они не мыслятся совместно, рядом, то есть никогда не представляются представлением и созерцанием, но всегда – в любой момент – являют собой постоянную готовность следить за путем, ведущим к бездно-основе.

72. Суть философии

и какой-либо истории, исходящей от мышления – в смысле перенятого от него обоснования истории – никогда не позволяет объяснять себя из «персональности» «философа»; а еще меньше – из отличия помысленного мыслителем от подлинно оставшегося и доставшегося ему.

Только исторический биологизм может – будучи распространенным на Метафизическое («субъективность» человека) – способствовать распространению такого ошибочного мнения. То, что Ницше стал жертвой этой «тенденции» и возвел ее в моду, неудивительно. Скорее, напротив, поведение мыслителя может опосредованно свидетельствовать о его отношении к суще-бытию, как он настроен по отношению к нему и какое чувство к нему испытывает. И в этом раскрывает себя тот способ, каким суще-бытие сущит как таковое – какую истину сущит, обоснована ли она или же она не есть истина пра-бытия. Таким образом, ссылка на Гераклита может дать существенное представление об изначальном мышлении, то есть об истории пра-бытия; будь при этом установлено, что его не «читают» и не понимают ни «биографически», ни вообще «исторически», а переживают исторически:

ἀναχώρησας δὲ εἰς τὸ ἱερόν τῆς Ἀρτέμιδος μετὰ τῶν παίδων ἠστραγάλιζεν περιστάντων δ' αὐτὸν τῶν Εφεσίων 'τι, ὦ κάκιστοι, θαυμάζετε;' εἶπεν· ἡ οὐ

κρείττον τούτο ποιεῖν ἢ μεθ' ὑμῶν πολιτεύεσθαι; καὶ τέλος μισανθρωπίας καὶ ἐκπλήσας ἐν τοῖς ὄρεσι διηιᾶτο [...]¹

73. Человек и Вот-Тут-бытие

Человек: разумное животное.

Рассудок: либо он опирается как на носителя и применяется животным миром – для способствования «жизни» и ее распространения, либо он руководит животными, направляя их, но все же встроено в них. «Ценности», «цели» признаются, но – человеческие; «содержания» «жизни» – формальные и подлинно функционирующие – так или иначе исполняются. Функции жизни – отличаются постоянством и составляют стабильное в переживаниях их постоянное наполнение. Повсеместно человек – лишенный мира и неземной – обосновывает всякий раз свою принадлежность к суще-бытию как таковому, относя к нему свою суть, а именно так, что «жизнь» – плоть и душа – есть со-условия достижения конца и протекания жизни, выдерживания ее и завершения ее сущности. Но их принадлежность к суще-бытию открывается только в решающие моменты, когда истина бытия становится сомнительной и ее обоснование требует подведения истины как Вот-Тут-бытия. Тогда происходит существенное преобразование человека. Но это возможно после крайних и долговременных потрясений.

¹ Cp. Hermann Diels: Die Fragmente der Vorsokratiker. Hrsg. v. Walther Kranz. Erster Rand. 5. Auflage. Berlin (Weidmannsche Buchhandlung) 1934, 22 A 1, S. 140 (Diog. IX 3). Übersetzung in der Vorlesung des Sommersemesters 1943 vgl.: Heraklit. 1. Der Anfang des abendländischen Denkens. 2. Logik. Heraklits Lehre vom Logos. Hrsg. v. Manfred S. Frings. Gesamtausgabe Band 55, Frankfurt am Main 3/1994, S. 10: «Но он удалился в святилище Артемиды, чтобы поиграть там с детьми в кости; и вот эфесяне окружили его, и он сказал им: “Что вы, негодяи, взираете на это и смеетесь? Не лучше ли сделать это, чем вместе с вами трудиться над полисными делами?”» Вот как выглядит перевод издателя: «И, наконец, он стал сторониться людей, покинул обыденный путь и стал жить высоко в горах [...]».

**VII. СУТЬ ИСТОРИИ «НАЧАЛО»
«ПРА-БЫТИЕ»**

74. История

есть прихождение приходящего и только поэтому еще и прохождение прошедшего и бытность бытующего – и тем самым прошлое бытующего ныне проходящего. История не есть нечто, составленное воедино из трех различных «времен», но существенная основа грядущего-будущего. Грядущее возникает из со-бытия как бытования пра-бытия.

История есть история пра-бытия и поэтому есть история наслоений истины бытия – и потому история обоснования пра-бытия, а потому история Вот-Тут-бытия; а поскольку Вот-Тут-бытие постоянно находится под бдительной стражей в ожидании посягательств на человекость, человек станговится историчным. Ее историчность (*Ge-schichtlichkeit*) сушится в ее принадлежности к истине пра-бытия. Ее приход в сущность прогнозируется-намечается в разгар за-пустения наступающего внезапно отвержения-отказа.

75. История

«происходящего» – не с точки зрения протекания процессов и движения, а с точки зрения внезапных крайностей – крутизны подъема и падения вниз – это обоснование почвой. Откуда это? Из единственности, простоты и редкости со-бытия (ср. интуицию Гельдерлина в «Голосе народа»).

Грандиозность данностей и невероятное истории. Сегодня каждому и всякому выпадает «случайное от истории» – и потому «история как случайность» включается в сущностные слова.

76. История

как история пра-бытия (то есть как основания со-бытия) не знает не только никакого «назад», она не знает также и никакого «вперед»; если у нее нет этого, то нет и другого. В ней, как и в ее части, существенно важны взлеты и резкие падения, а «Между» есть только длительность данностей как приготовлений и неувязок: хаосы беспорядочности между пиками. Пики и спады не равны со сравнимыми по времени быстрыми промежутками Сейчас. Пики и резкие спады имеют собственную длину и в то же время их промежуточный хаос тоже имеет длительность непостижимого и внутренней закрытости – запустения, например.

*

История пра-бытия должна как первоначальная история метафизики идти через запустение насквозь.

Разрушения земного круга и потрясения порядков – это только передовые порядки запустения. Если на них не обращать внимания или обходить их стороной, запустение станет еще более существенным и, следовательно, будет вводить в еще большие заблуждения.

77. Суть истории

В «Бытии и времени»¹ сделана попытка предложить развертывание историчности Вот-Тут-бытия на основе временности.

Вот-Тут-бытие есть исторично только потому, что оно существенно и собственно присуще основанию истины пра-бытия как со-бытию. Со-бытие есть сущностно полагающая сущность истории и – на основании спора-противоречия при пристальном его отслеживании по смыслу – существенно исторично присуще Вот-Тут-бытию.

В «Бытии и времени» эта взаимосвязь была пред-послана, угадывалась, но не была подчинена силе, а также и следующей задаче. Временность выступает в своей роли в пространстве просвета. Временность выступает в своей роли в сфере просвета для бытия (она там называется «темпоральностью»)². Временность есть предварительное имя для истины пра-бытия, которая – как со-бытование – есть сущение «истории». Поэтому «временность» становится основой возможности «историчности» Вот-Тут-бытия.

Пока история понимается только, исходя из Вот-Тут-бытия, она, конечно, существенно объединена в систему и несравненно иная – ведь она рассматривается с оглядкой на историю и ее «предмет». Несмотря на это, здесь и там суть истории еще не выходит полностью на волю; и поэтому она не может, исходя из этого, основополагающе решать-выбирать об историчности Вот-Тут-бытия.

История есть обоснование истины пра-бытия – но так, что это обоснование как таковое со-бытие есть событие, происходящее в дискуссии-споре. Вот-Тут-бытие есть внимательная посвященность в историю – и поэтому человеческость, которая пребывает в Вот-Тут-бытии, подлинно или

¹ Cp. *Besinnung*. Gesamtausgabe Band 66, 79. *Sein und Zeit*.

² *Das Epochale* I. 3.

неподлинно исторична; когда последнее считается «неисторичным». Посему оказывается, что человеческие черты вообще еще не вос-принимаются бытийно в Вот-Тут-бытии – а потому бытийная оставленность царит в суще-бытующем, и это должно быть познано – что человечество еще лишено истории – и именно поэтому насквозь и сплошь «исторично»¹.

Поскольку Вот-Тут-бытие только сушит о том, что в грядущем будет изменено – из того, что было перед этим началом и является началом – оно исторично в смысле еще сокрытого и не-обоснованного отношения к истине пра-бытия. И поскольку это отношение нужно прежде забыть, переход проходит через без-историческое «время».

Без-исторические времена мира и запустение. Растения и животные никогда не бывают без-историческими, поскольку вообще не имеют никоим образом отношения к истории (Geschichte).

78. История (прошлое время и былое)

Телесное и животное происхождение из более ранних видов особей не имеет никакого права на то, чтобы быть обладателями и хранителями своей истории. Живое опровергается другим животным и отвергается им.

Здесь требуется существенно иное обоснование происхождения (как исторического) – через вовлеченность в грядущее.

Здесь всё есть либо чистый прогресс, перевороты – либо взлеты и падения начала. Все это возникает и развивается как выставление сущностей пра-бытия – как без-дно-основы истории.

История есть только там, где всякий раз изначально решается вопрос о сущности истины.

79 История пра-бытия

Пра-бытие раз-даривает себя в сущении своей истины сущению истории, которая – как таковая – есть его история.

История здесь не может пониматься как некоторый способ обхождения с пра-бытием, исходя из которого – как способа обхождения – возникают данности; она остается изначально способом обладания пра-бытием. Это

¹ Об истории ср. Besinnung. Gesamtausgabe Band 66, 64. Historie und Technik, 62. Geschichte.

о-пределяет некоторое отношение несравнимого рода. История оказывается способом. История исходит из сущения пра-бытия – и пра-бытие приносит себя в это о-существление – как свою истину.

Но пра-бытие никогда не есть «Абсолютное», или «Общезначимое», оно не есть ни наивысшее, ни наинизшее – и не укладывается в расчеты каких-то привычных, то есть метафизических аспектов.

Просто совершенно не сравнимое, посредством каждого отношения уникальное, а потому выделяемое в сущности в отдельности – и в этом смысле Абсолютное, Вон-Выходящее из Ряда, но – не как наиболее великое или наинизшее, а только уникальное в своей собственной сущности.

80 История и пра-бытие

Открывающееся обоснование существенного – словно следование тем в фуге – допускает приход Иного в свою Единственность.

Пра-бытие есть со-бытие сущности истории.

История не связана с человеческим деланием и вообще не связана изначально с человеком, но причастна к Вот-Тут-бытию, посредством которого осуществляется преодоление человека.

Наиболее грядущее из всего грядущего – это пришествие последнего Бога, к чему ведет история суще-бытующего в целом – при дальнейшем допущении ее выбора-решений.

81. О сущности истории

История (Geschichte) не исходит из истории (Historie) как своего предмета.

История (Geschichte) не есть сфера суще-бытующего, отличная от природы.

Исходя из чего тогда все определяется, из какой существенной основы определяется история?

Если мы определим «историю» («Geschichte») как наиболее вызывающую вопрошание (в своей сущности), то какое пред-мнение мы тогда поставим перед этим словом, которое подразумевает многое? Мы все же имеем в виду нечто неопределенное и вовсе не указываем, что это – всего лишь пустопорожнее слово. А почему «история» вызывает массу вопросов?

На что нацелено это предварительное мнение и ее истина?¹

В какой степени временность существенна для сущности истории? (ср. «Бытие и время»)

Не потому, что «происходящее» происходит «во» «время», а потому, что «время» есть существенное отношение к истине пра-бытия², а история есть сущение этой истины; время как время – *пространство просвета*.

Можно ли это доказать – и что здесь может быть доказательством?

Какая истина ляжет в основание сущности?

82 Начало – История-Взлеты и падения начала

Всякое начинание различается в соответствии с сущностью начала. Что означает начало? Начало – быть без-дно-основой истории. Без-дно-основа – что она допускает в своей сущности? – и при том так, что допускаемое при этом отвергает себя и отказывает в основании налично данному, пресекает ссылки на него и выстраивание обоснований на нем – скорее, оно склоняет к необходимости вынести выбор-решение по его поводу. А в выборе-решении – поскольку существенные выборы-решения посвящены сути бытия – нужно вернуться обратно, к без-дно-основе. Тут все укладывает себя на шаткую в принципе основу.

Если постижение сущности пра-бытия выражается как со-бытие, то само пра-бытие прорывается к слову, но не пытается выразиться в нем в виде [научного] объяснения.

История есть суть истины пра-бытия. Без-дно-основа этого сущения – опять-таки пра-бытие и только само пра-бытие.

«Начало» заключает в себе самую богатую тайну пра-бытия. Только начало может напомнить о некотором начале и выразить его в слове.

83. Сущность истории

То, что получаем из истины пра-бытия и обретает искажения из существующего в его сущности: оно приходит к освобождению в обосновании Вот-Тут-бытия.

¹ Ср. Die Überwindung der Metaphysik. In: Metaphysik und Nihilismus. Gesamtausgabe Band 67.

² As.: das Epochale I. 3.

То, что в момент такой возможности происходит мимоходом, не замечаясь в понятийном плане, и это не-происхождение существенно исторично есть – в противовес всему пред-рассчитываемому, что подает себя и «переживается» – в форме, как говорит и провозглашает «безличный субъект» («man») – и переживается как Таковое.

Прохождение мимоходом должно познаваться здесь, исходя из сущности пра-бытия, которое не допускает как отклонения малейшего влияния, исходя из махинативности. Здесь предпочитается не поступательный процесс, который может констатироваться постоянно и твердо. Движение «само собой» называется так из знания мощно выраженной в махинативности тяги к бытийной оставленности суще-бытующего.

84. «Жизнь» и «история»

Жизнь не нуждается в ее жизненности в обосновании понятиями, но «жизнь» остается исключенной из отношения к пра-бытию. Эта исключенность, собственно, должна принадлежать к своей собственной сущности.

Отношение к пра-бытию: что это подразумевает? (Человеческое бытие). «Жизнь» ведь есть и еще одна – но без этого отношения.

Это суще-бытующее относится к своей сущности иначе; из чего уже становится ясно, что определение сущности как *κινόν* никогда не соответствует истине сущности.

Если основа сущности человека есть отношение к бытию, то перемена человека может прийти только из смены этого отношения. Но это отношение переменяется в зависимости от того, к чему существует это отношение – из отношения к пра-бытию, в сущности, более существенно, чем как основополагающее.

85. История (Historie)

есть перерасчёт прошлого в расчете на будущее – но так, что современность, однако, лишается этой будущности – ведь не допускается ничего, что могло бы наступить в будущем, поскольку относится к его сущности. То, что допускается как «будущность»¹, было бы пред-рассчитано – и, выступая, как таковое, было бы надёжно пред-определено, а, вследствие этого,

¹ Сравни 51. Die Entscheidung und die Zukunft.

относилось бы к «вечности» – в соответствии со сложившимся преувеличением.

Пред-рас-считанность прошедшего состоит в представляемом распространении того, что доступно познанию, за его рамки – на мероприятия и представления современности. Эта пред-рас-считанность состоит на службе того вы-рас-считывания, которое радикально управляет современностью.

Вы-рас-считывание прошлого становится, таким образом, рас-счетом современников относительно того, что удовлетворяет их «интересы». Сами «интересы» заходят лишь настолько далеко, насколько постоянно развивающаяся современность удаляется от бытия суще-бытующего и вдается в растущую самогарантированность и ее формы.

Вы-считывание прошлого, то есть история, есть техника того, чем еще не позволяется заниматься машинно. Эта техника, со своей стороны, позволяет заниматься собой через «политику». Вся история «политична», но не в том крайнем смысле, что она предпочтительно имеет своим предметом «политические» процессы, а посредством того, что она – осознанно или сама не подозревая того – находится на службе и выступает как движущая сила «жизни», нацеленной на самообеспечение и саморегулирование. И «история литературы» технически-политически может быть написана за пределами всякий раз существующей связи с историей. Она «политична» и там, где ей все равно, рассматривать ли и объяснять «дела» «сами по себе», либо устраняться от грубой целевой причины (дешевый отворот от «народности» и тому подобного).

86. История

Как история бытует, собственно, в качестве сущности¹ истины пра-бытия в со-бытии.

Как она сама вы-рас-спрашивается в отдельных процессах мыслительно.

Как нужно отказываться от свидетельств знакомого и суще-бытующего.

История есть истина пра-бытия.

История есть со-бытие просвета.

Просвет – урегулирующий компромисс в споре борьбы присвоения и противоборства.

Компромисс и уникальность индивида.

¹ Что значит «сущение»?

Просвещенное бытие – в котором оно регулируется как открытое – Вот-Тут-бытие.

Вот-Тут-бытие есть история – «есть» историчное.

Историчное – то, что позволяет дать представление о сущности истории.

87. История ¹

Как о-сваивание, существенные о-сваивания, напоминающие просвет истории.

Никогда не из былого, никогда из истории и из ее опредмеченного представления о прошлом, ориентированного на современность; указание его на прошлое.

О-сваивание и воспоминание.

Воспоминание и свершившееся.

(Как может показаться – и в повседневном восприятии – свершившееся есть наиболее решительное и определяющее для «пути» и минования в свершившемся).

Тогда как в знающем толк в истории пра-бытия понятии с-вершившегося суть относит себя только к нему самому².

88. Суть истории

как суть истины пра-бытия.

Начиная с этого момента, историческая суть «мышления» должна пониматься, исходя из основы, и взвешивается подготовка к внятному вниканию в эту историю.

Преодоление метафизики – совершенно как такая история.

*

Только одна история исторична. Как сущение истины бытия она выказывает истину в различных ступенях основания. Это выказывание становится – чем ближе оно подходит к суще-бытному и перетекает в суще-бытное – возможным предметом истории. В сущности, история (Historie) не имеет ничего общего с историей (Geschichte), она никогда не может быть выведена из последней.

¹ Сравни; Überlegungen XII, XIII. In: Überlegungen C. Gesamtausgabe Band 96.

² As.: Ge-wesung.

VIII. ПРА-БЫТИЕ И ПОСЛЕДНИЙ БОГ

89. Последний Бог

Наиболее ожидаемый при будущем пришествии Бог, который, будучи втянут в разрешение неразрешимых конфликтов, со-бытует себя как со-бытие.

Приход-явление – как суть пра-бытия.

Приходы и неожиданности.

Приходит не впустую и по ошибке, но освещая это от себя, как отклонение временно-пространственного от нищеты и бедствий.

Приход и события¹.

Вопрос пра-бытия! И в этой тишине, как начало всякого слова, отвечает бог.

Всё суще-бытующее может его перечеркнуть, но нигде нет ни следа бога.

90. Возражения

Боги и человек пугают исходя из их сущности встречного движения в пра-бытие и теперь они могут ответить в сущности в со-бытии.

Боги нуждаются в пра-бытии – в каком смысле?

Человек принадлежит пра-бытию – в каком смысле?

Боги «не есть» и всё же они нуждаются в пра-бытии, как без-дно-основе обратного движения назад, к себе самим.

Каждое суще-бытующее не пытается стать таковым, как последним.

Рывок назад, однако – где его необходимость?

91. Надежность и Вот-Тут-бытие

Не усматривать его в сущности, как нечто грядущее.

Сущность радости – это уверенность есть подходящее настроение основного настроения весёлой мужественности и внутренней собранности.

Это опаска является чересчур сильной в своей сущности при испуге, который вы-саживает наружу из ситуации.

Вы-саживание наружу и блуждание в одинокой пустыне.

¹ Vgl. Überlegungen XIII, 81. 89. In: Überlegungen C. Gesamtausgabe Band 96.

92. Пра-бытие есть...

Пра-бытие есть...

Со-бытие

↓↓↓

Регулируемость
пра-бытия

улаживание противоречий
выбор-решение

раз-вязывающая
ссылка в поиске
компромисса
этого как отблеска

Без-дно-основа

Приход и
Отвержение¹
(и всё же всякий раз [?]
бес-сильная воля
не приходит Ничто !)

Ничто
Нищета

Нищета и отсутствие
достоинства господства
изначального обособления
от суще-бытующего
и его первенства, вытекающего
из освоения без-дно-основы.
Лишенное власти!²

Настроение
О-своение и
Общий настрой

тишина и покой

Истина

Против открытого
и публичности
выношенное –

«между тем»
время-игрового-пространства
просвет «именно этого»

Пра-бытие – раздрай-конфликт – сияя, как просвет (сокрытость открывения) без-дно-основы.

Единственность пра-бытия³

¹ Отвержение или держание при себе компромисса[...]^a. Что есть это? Приход наиболее важного из грядущего.

^a Одно слово не расширяется.

² Сравни: *Besinnung*. Gesamtausgabe Band 66, 65. *Seyn und Macht*. Не брать исторически метафизически!

³ Ср. *Besinnung*. Gesamtausgabe Band 66, 49. *Das Seyn*.

93. Со-бытие¹

приносит неограниченные просторы в лежащий в её основе мир – к взрывающему вторжению в Открытое, возвращает землю назад, в исходный постоянный покой чистой замкнутости в себе, высвечивает в противоречивом контакте-споре предельно выразимо самое дальнее, доходящее каждое до своих крайностей, выявляет в конфликте без-дно-основу, которая достигает невиданных тематических высот при впадении в убогую нищету, дает разглядеть в противоречивом споре без-дно-основу, которая указывает на грядущее пришествие самого чаемого – и встречу с последним Богом. Противоречивый раздрай ведет к у-своению. Со-бытие: сущность пра-бытия снимает это (пра-бытие), превращая самую отдаленную из дальних мимолетных деталей. Со-бытие – и покой – слово.

94. Земля и мир

Различение причастно к истории пра-бытия. Оно не поднимает наличное против чего-то иного, но мыслит историю пра-бытия, которая исторично основывается на земле и самом мире.

Каждая земля замыкает себя и принадлежит тем самым некоторому миру; замыкание себя есть нечто земное, однако земля ещё исторична – и уже исторична. Было бы заблуждением полагать, что можно неисторично сказать что-то о «природе» и понять ее так, что невозможность подхода к ней не означала бы никакой дани «субъективизму».

Каждый мир открывает себя и остается доступен через землю. Стало быть, каждый мир и каждая земля историчны в целом – через принадлежность настоящего.

Но эта история, в соответствии с историей пра-бытия, редка и проста, и, как западная, уже вытекает из самой сущности пра-бытия.

История земли будущего еще не сохраняется в освобожденной для себя сущности Русского. История мира опирается на разумное постижение Немецкого.

Сама история здесь всякий раз едина с историей бытия, а именно – с существенным указанием ее истины, в которой земля и мир находят в споре истоки их первопроисхождения.

¹ Cp. *Besinnung*. Gesamtausgabe Band 66, 16. *Das Seyn*, S. 83; *Überlegungen XIII*, 6 ff. In: *Überlegungen C*. Gesamtausgabe Band 96.

95. Пра-бытие

есть со-бытие, которое со-бытует себя.

«Как» это со-бытие «есть», как оно было бы суще-бытующим – всё это не может быть спрошено. Ведь пра-бытие есть – но есть подлинно, а значит, исходя из со-бытия и вместе с ним.

«Когда» со-бытие есть и «где» оно есть – всё это постоянно представляет собой несообразные вопросы – ведь «время» и «пространство» в изначальном смысле (как просвет временной игры с пространством, в котором есть противоположность, порождаемая раздраем-противоречием) проистекают из со-бытия и суть вместе с ним.

Следовательно, поскольку нет пра-бытия «над-временного» и «над-пространственного», постольку без-дно-основа наиболее выражена во времени и наиболее выражена в пространстве, оно – есть временно-пространственное в качестве просвета – как место и, собственно, как то место, которое установлено для прояснения раздрая-конфликта, это беспространственная основа меры Между Тем: это безосновно во временном и пространственном отношении – как со-бытие.

Если мы спрашиваем «когда» и «где» и «как», то представляем перед собой суще-бытующее и не говорим абсолютно ничего из истории пра-бытия, не блюдем и не сторожим чего-то об истине со-бытия, не готовим предвзрительно основу для «выбора» своей принадлежности в истории преодоления.

96. Пра-бытие

есть выбор-решение в смысле свободного вписывания в раздрай-противоречие.

Выбор-решение не «выпадает», а мощно возникает – как со-бытие.

97. Пра-бытие и Ничто

происходит в пространстве игры со временем сущего истории – из него самого – и только вместе с Ничто, существенно присущего ему.

Боги и люди, которые противопоставляют себя сущению Ничто, лишают себя собственной сущности – и остаются только фигурами суще-бытующего, которым недоступна истина самих себя, истина пра-бытия – они

остаются только для экспонирования привычных навыков махинаторства и записной деловитости.

Пока кристальное вникание в Ничто не осознано внятно и не познано как принадлежность к пра-бытию, пока Ничто еще не высказано как название того места, где готовое к решительным выборам великодушие и долготерпение превосходят созерцание, до тех пор все надежды и упования будут говорить против пришествия наиболее чаемого в грядущем. В полностью завершённом новом времени уже бушующая, но все еще скрытная борьба между «жизненными интересами» и «вечным блаженством» – ради обретения приоритета или даже хотя бы равноправия – остается только лишь средством, которое держится лишь в силу использования махинативности-деловитости.

98. Пра-бытие

Со-бытие в Между Тем

Между Тем (как Внутри Него и Между Прочим: временно-пространственное) есть то, в чем столкновение и распря сами существенно говорят друг против друга, то есть перекрещиваются. Это Между Тем (как Вот – Тут просвет) – есть сущение самого пра-бытия – его со-бытийное.

Эта суть истины только и обосновывает нечто истинное.

Вы-своение в Между Тем приводит пра-бытие в своё сущение и отбрасывает противное ему в его хаотичность.

99. Бедственность-убожество¹

Раз-освоение суще-бытующего и его предварающей силы, каковое раз-освоение не есть ограбление и отъём от нее, но существенное последствие раз-вы-своения пра-бытия в его истине. Внутренность этого раз-высвоения присутствует в каждом желании и отказе от сокровенного дарования сущности пра-бытия в распре-споре. Бедственность-убожество есть без-дно-основное выбранная для себя неисчерпаемость одаривания. Постепенный выход из этой божественной нищеты, происходящее в подобных бедственности и убожестве основание Вот-Тут-бытия – это история (Geschichte).

¹ Ср. Seyn und Macht, das Macht-lose, in: Besinnung. Gesamtausgabe Band 66, 65. Seyn und Macht.

Бедственность и убожество принадлежат пра-бытию как вы-раз-своение. Собственность – как суть «сущее-бытующего». Бедственность и убожество – неотделимо включены в вы-рас-своение «этого» Вот-Тут-бытия – как постоянное внимание и охранение принадлежности истины, что есть принадлежность к истории – как истории пра-бытия.

100. Бедственность и убожество

– не потребность, не следствие отсутствия средств. В противном случае они были бы только переломом и отъятием пути, всего лишь только отверганием связи с каким-то заказанным к доступу Иным – тогда как они не есть связывание и не есть лишение, не указание на лишенность, но вовсе и не простое, свойственное расчетливому человеку обращение в полную противоположность – богатство и о-своение подлинной сущности пра-бытия.

Бедственность-убожество и собственность.

Поскольку мы ничего не знаем об этом, то подсознательно опасаемся предполагаемой угрозы и не отваживаемся куда-то пристроить дар обнищания-убожественности.

IX. СУЩНОСТЬ ИСТОРИИ

101. Понятие, согласованное с историей пра-бытия

Понятие, согласованное с историей пра-бытия, есть совокупное понятие:

1. не собирательное представление обо всем всеобщем, высказанное с ограничительными данными признаков;
2. но и не со-вовлечение в понятое понимаемых (людей) – так, что человек стал бы одним из затронутых понятием (все еще подразумеваемым), но
3. согласованным понятием такого образа, что пра-бытие помыслено как вы-раз-мысление раздвая в противоречии – и так всякий раз требует основополагающих явлений и настоящего вникания в них. Понятийное мышление говорит в каждом скачке-прыжке пра-бытия. Оно повторяется необходимо в уникальности и ее богатстве.

102. Пра-бытие

Пра-бытие опосредуется только в те времена своей сокрытой истории, когда намечается середина существа человека и происходит переход к отношению к пра-бытию, и это отношение не есть представление и вообще не есть образ переживания, но временами непредвиденное обоснование истины пра-бытия. Эта середина существа человека нигде и никогда не существует сама по себе, но всегда есть только в со-бытии – со-бытование человека в Вот-Гут-бытии. Человек не может эту историю «делать» и никогда не может вмешиваться в неё, но прямо попадает в начало, пришествие которого как бы исключает господство всего западного человечества.

103. История пра-бытия

История есть история «того» пра-бытия, в сущности которого она со-бытуется. Но это со-бытование есть существенное сущение самого пра-бытия – со-бытие.

История развременивания пространства и разлада противоречий.

«Время» и «пространство» здесь изначально мыслятся бытийно, идя от раз-ворачивания и просвета, и от сущности истины – как выворачивание в виде обеспечения последовательных ходов-решений.

История как история пра-бытия подразумевает не только череду данностей, (в которых «оказывается» пра-бытие), но нечто такое, что выказывает

себя как пра-бытие как таковое, поскольку оно есть без-дно-основа «истины» – ее суть и беспорядочность.

Только раз-существенная, исходя от пра-бытия, история тогда будет – и уже есть – первоначальная история пра-бытия – в том смысле, что она тогда укладывается во временные моменты, которые представляют собой нечто редкостное каждый.

Раз-существенная пра-бытием суть истории есть основание истины пра-бытия.

То, в чем пра-бытие преподносит себя (существенно), есть впадение в бедственность-убожество в нищете, в которой открывается присутствующее простейшее богатство.

*

История пра-бытия влечёт пра-бытие истории.

Начало – как отвержение-отказ.

Иное начало: опускание в раз-даривании до бедственности-убожества нищеты.

История есть только обоснование истины пра-бытия, каковое обоснование ее только со-бытует себя в этом.

Но если история есть и когда она есть только история, то это со-бытуется в пра-бытии как со-бытие.

Вот-Тут-бытие, и только это действительно происходит.

Но если история есть и когда она есть только история, то она со-бытует себя как пра-бытие – как со-бытие. Вот-Тут-бытие – и это единственно и происходит – сущит как пережитое со-бытие, передавая во времени со-бытию причину и место с бережной стражей.

(Суть истории не должна пониматься по тому, что «произошло», не по предшествующим процессам и ходам событий – скорее, она определяется – как сущность истории – со-бытийно и, значит, как первоначально со-бытованное. Пра-бытие и его сущение выносит приговор-суждение о сущности истории).

*

История пра-бытия – если только она саму себя не приводит к основанию сущности – есть место вращения, на почве которого процесс сущее-бытующего и сила правильности разрушаются-нарушаются – в пользу

мягкости пра-бытия, проистекающей из сущения просвета распри-противоречивости.

Распространившееся в языке мышление о бытии (сообразное историчности пра-бытия) никогда не есть чистый круговорот до сих пор завершённого физического мышления, но предстает подчинением метафизики исключительно внедрению вопросов-вопрошаний в сущности истории – как того места, вокруг которого она вертится. Мышление есть «это» пра-бытие, и оно разнообразно высказывается в столь настроенном на истину пра-бытия – как на раздрай-противоречия в простых и столько долго вымалчиванных словах.

История: сведение в убожество-нищету бедствий.

А затем выпрыгивающее из этого убожества-нищеты – словно как взрыв – торжествующего основания Вот-Тут-бытия (ср. убожество-нищету как сущность пра-бытия)¹.

104. История пра-бытия

Историю пра-бытия надо брать только в вышеописанном смысле – как мышление пра-бытия, поскольку мышление здесь выступает как человеческий окончательный итог ещё находящегося в пути формирующего представления (однако и там оно никогда не выступает как история мнений о сущении суще-бытующего).

Сама история скрывает себя в своей сущности посредством различных ступеней. Они всякий раз различны по степени углубления в истоки, в обоснование и без-дно-основность истины пра-бытия. История определяет бытие человека только потому и только в той мере, в какой человек включен в свою сущность – через связь с пра-бытием, сущностно-уникально и исторично.

История:

как сущение истины,

как Вот-Тут-бытие,

как Вот-Тут-бытие и «божественность» –

не по-человечески, не божественно,

но – «больше, чем» как человек, и «менее, чем» как бог.

¹ Ср. 100. «Бедственность и убожество».

*

Пра-бытие как рас-своение (предназначенное к освоению раздраз-противоречия) в качестве без-дно-основы. В этом заложено разложение всего, что лежит в основе – в смысле причины и объяснения и вы-ведения, а также *causa sui*. На пути вопрошания лежит не только сомнительное, нерешенное, но и решение-выбор относительно будущего пра-бытия.

105. Дарование и постижение

Со-бытие, как таковое – пра-бытие, как отвержение, дарует себя.

Это дарование как история – только там, где изначальная заброшенность Вот-Тут-бытия, даже если она не понимается так – или же? (Пере-настроенность на простые долженствования).

Освобожденность к сконцентрированию дара пра-бытия. Как?

Прыжок в постижение сущности истины пра-бытия.

Изначально – без-дно-основное сокрытое: пра-бытие.

Исторически: опосредованное и уникальное преодоление махинаций деловитости, а тем самым заранее уже предрешенное отрешение всякого посягательства каждого деловитейшего подхода.

Без претензий, без меры, и все же смешанный с решимостью вставить себя, расплескивая себя в кипящем состоянии, в неисчерпаемость своей простоты.

Исторически: опосредованное и единственное преодоление махинаций и, таким образом, заранее лишение власти любого делового подхода. Без претензий, без меры, и все же смешанный с решимостью, выплескивающий неисчерпаемое ее простое.

Изначальное раз-бытование в за-бытовании истины пра-бытия (φύσις, метафизика).

106. Единое разделительное действие Немецкого и Русского – через машинерию-деловитость

Россия – чтобы мы не вторглись в нее технически и культурно и не уничтожили ее окончательно¹, а освободили ее, по сути дела, открыв пе-

¹ То есть не искореняя физически или также воинственно побивая, но перенося на некоторые собственные сущности, благодаря обновленному и радикальному вовлечению в механический подход к делу махинативности, в который мы впали и сами.

ред ней простор для ее выстрадавающей, претерпевающей силы – для существенности некоего существенного спасения Земли. То, что мы готовим обнищание в богоданную нищету как богатство пра-бытия – и достаточно сильны, чтобы дарить это. Только так мы влияем на суть спора, который подвигает людей к их грядущему.

Пред-условие: освобождение, ведущее к нам, преодоление нового времени. Существеннее, чем разрешение спора греков с их Востоком, ведь сейчас для нас одинаково важны две вещи: по-стижение смысла как скачок в более высокое мышление – и настроенность на самую простейшую набросанность Вот-Тут-бытия. Это двоякое как некое единое – то, что надо, чтобы сохранить грядущее. И иллюзия тоже должна будет разрастись до огромных размеров – ведь нужно доказывать, что единственное грядущее западной истории должно впадать в хитросплетения махинативности. Ей даже нужно это, и она это сама сделает. Только это ничего не доказывает против этого будущего, но есть лишь признак, что прежде оно нуждалось в Ином. Великая спешная историческая атака России, безгранично используемый аргумент про полезные ископаемые в их значении для «машины». Опасность – это не «большевизм», а мы сами, возводя его метафизическую сущность (без понимания его сущности как таковой) в Абсолют – и наворачивая Русское и Немецкое вокруг собственной истории. Только исторически политические рас-четы с обеих сторон одинаковы: надежды и опасения – но ведь!

X. СОБСТВЕННОСТЬ¹

¹ Ср.100 «Ницшега».

107. Дар и убогое обнищание

Бытие как со-бытие со-бытует к сущности (восстанавливает только против Ничто) Вот-Тут-бытия. В этой событийности событие представляет себя в форме дара – в образе отказа от владения (оно никогда не представимо в каком-то возможном опредмечивании). Дарование есть о-беднение (существенное ослабление) в богатстве единственного-уникального, в качестве какового пра-бытие сушит против всего суще-бытующего. О-беднение в существенную нищету дарует основу возможного погружения-вникания в Вот-Тут-бытие, которое есть только забота, но забота есть истина пра-бытия.

Такая забота без-дно-основно отлична от того мрачно-печального попечения. Она есть сущение богатства в простоте своего преподнесения в дар – в собственность, в этом находит свою сущность суще-бытующее пра-бытия (как со-бытия).

Наивысший дар обеднения – божественного обнищания – знание того, что оно знается как основное требование мышления, ведающего историей пра-бытия.

108. Собственность (суще-бытующее в пра-бытии как со-бытие)

принадлежит со-бытованию, разделяя простое богатство (без-дно-основно необосновываемое простое) конфликтующих и противящихся им.

Суще-бытующее в смысле собственности никогда не бывает действительным в смысле непосредственно существующего и представимого прямо-таки как наличное в процессе производства.

Спорящие и их противники никогда не схватываются в диалектике, потому что никогда не разделимы предметно и подлинно на голые противоположности.

«Природа» и «мир» в их метафизической форме отливки неспособны выразить нечто подлинное, чтобы постичь спор как место основания временного пространства отповеди-возражения.

Распря-конфликт как место близи упорства-застылости отдаленнейшего.

И «вещь», и «материал», и «произведение» все еще метафизичны – и не доносят то, что они так именуют, в Между Тем пра-бытия, размещая это

там. Как будто здесь нет чего-то более простого, уникального, сообразного покою.

Спор как место возражения, дар отпора.

Возражение как освобождение спорящего.

109. Собственность

Только собственность, которая приходит из уникальности, есть существенное.

Там, где уникальность снова возникает из со-бытия, там ей принадлежит простота без-дно-основности – и никогда не принадлежит что-то чрезмерное, превосходящее.

Из уникальности пра-бытия мы только и можем познать отчужденность суще-бытующего как собственности.

110. Собственность

Земля, мир, человек, бог.

В соответствии с чем различие и выделение?

По какой причине? Которую как познать?

Как без-дно-основу со-бытия.

Не должны ли и эти наименования отпасть как метафизические?

Откуда выделение человека? Из указания его сущности на крайне внешнюю возможность, которую нигде в окружении суще-бытующего невозможно обосновать: она совершенно говорит из пра-бытия человека в его нераскрытую суть: установить охранение истины пра-бытия.

Человек есть со-бытованный (собственность) и, правда, как Вот-Тут-бытие. Это уже – поскольку со-бытовано – исторично.

Почему мы говорим о выделении? Это возможно только, если мы сравниваем человека как некое суще-бытующее (в метафизическом смысле) с остальным. Но имеет ли этот образ рассмотрения оправданность с точки зрения историчности пра-бытия? Нет; в аспекте истории пра-бытия человек-это зарисованное, то есть пред-определенное и выраженное в настрое. Это подразумевает не сравнение, а способ сущения.

111. Бытие

нужно вы-раз-думывать. Спор мира с землей – на перекрестке путей, где происходит противопоставление Бога людям. Но это и есть внутренне обернутый раз-дор противоположного как начало при-усвоения. Освобождение в оковах собственности.

112. Собственность

Что станет из суще-бытующего, если оно должно будет открыть себя в обоснованной истине пра-бытия?

Как назовем мы суще-бытующее, если оно не мыслится больше, исходя из сущности, и становится *πρᾶγμα*, *res*, вещью, *ens creatum*, *objectum*, предметом ... и прочими пустыми наименованиями?

Сохраняет ли слово бытия суще-бытующего теперь свою собствен-ность?

Со-бытование Вот-Тут и само себя, пред-писанное Между Тем в раздоре диалектического? Собственно, присущему земле и миру, человеку и Богу – непосредственно и всякий раз уникально? Собственность требует от нас прежде всего богатства вникающих умений располагать тем, что есть собственное. Здесь богатство не есть следствие обладания собственностью, но основа способности отказываться располагать им. «Отказ» здесь не есть отвержение, но есть истинно-правое почитание, причисление – отнесение к сонму Между Тем.

*

Со-бытование Вот-Тут через глас покоя позволяет – как просвет – в то же время найти себе землю для мира, мир для человека, его – для Бога и Его – для земли. Это нахождение себе – как сущение пра-бытия – основывает собственность и позволяет выходить к этому собственному-подлинному, Не то чтобы дерево там для сравнительного представления имело свое «особенное», а благодаря своему Там и Сейчас – уникальное – не это дает ему уникальность, – но: земля замыкает себя, исходя из своего корня, внимая в себя, тогда как в это же самое время она свободно стоит в окружении просветных указаний-ссылок на всемирное руководство-владычество. Подлинно-собственно он уникален, потому что основан на принадлежности к Между Тем – так что всякий раз различен в своей способности быть существом в со-бытии.

*

Мы можем использовать это слово как имя, которое ничего не называет, либо называет нам донныне сущее лишь иначе и произвольно. Или же слово может ввести нас внутрь «Между» со-бытующегося и «сказать» нам, «спросить» у нас, не забыли ли мы пра-бытие – и избавляемся лишь временами от него как от опустевшей гильзы, в которой сущее-бытующее уже не нуждается? Это слово может погрузить нас в историю. В течение этого периода времени оно откроет нам, почему мы заслуживаем звания нерешительных – у нас нерешительны все сферы всех решений – а отсюда и все уклонения, и сокрытия.

Это слово может объяснить нам принадлежность сущее-бытующего к бытию – так что оно является не присутствующим источником поглощения и удержания, но тем, что само по себе разрушает сущее-бытующее и оставляет его (пра-бытие) сущим в его просвете.

ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ.

ЧАСТЬ II

(История пра-бытия в первом слове пра-бытия; само слово в сказывании включено исторично – пра-бытийно в череду тем – и только таким образом ещё со-бытуется и в пра-бытии)

XI. СТЕПЕНИ СКАЗЫВАНИЯ

113. Пра-бытие

не есть «жизненное» («витальное»), не есть нечто «духовное», не есть нечто «материальное», не есть нечто «нематериальное».

Ведь здесь везде устанавливается отношение к «сущее-бытующему», идя от которого, объясняется пра-бытие и толкуется пра-бытие.

Нужно сделать простейший шаг: установить, что пра-бытие не есть что-то сущее-бытующее.

Пра-бытие есть пра-бытие (рас-крытие – со-бытие).

Но как быть с этим, то есть, знать чистое сущение?

То, что всякий раз бытие объясняется из сущее-бытующего, и знать из какой основы это происходит – всё это обосновывать означает преодоление метафизики, исходя из самого пра-бытия.

Ни в каком подходе к «сущее-бытующему» вам больше ничего не открывается, а «различение» не подразумевает ничего равнозначного. И даже различение должно быть только переносным, так, будто оно используется для подготовки другого начала. (Сравни: *Überwindung der Metaphysik*, II. *Fortsetzung*)¹ Преодоление пра-бытия.

114. История пра-бытия²

Обращение	(со-бытие, обо всем последующем, высказывая свое мнение).
Воспроизведение	(перво-начала из истории как сущности истины сущего как такового в целом). Метафизика как основа западной истории. <i>Начало</i> (Платон-Аристотель), поворот (Декарт-Лейбниц) и окончательное завершение (Гегель-Ницше).
Скачок	(из рывка заброшенности Вот-Тут-бытия (не «этого человека») через со-бытование.
Обоснование	(без-дно-основы Между Тем как истины пра-бытия). Вот-Тут-бытие со-бытуется в со-бытии.
Соблюдающая стража	(первые хранители Вот-Тут-бытия. Еще не его основатели).

¹ Ср. *Die Überwindung der Metaphysik*. In: *Metaphysik und Nihilismus*. Gesamtausgabe Band 67.

² Ср. *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Gesamtausgabe Band 65.

Последний Бог

(изначально первый в сущении пра-бытия, в его со-бытовании, не имеющий никакой заботы о человеке). Некоторый Бог, который хотел бы подняться над своим бытием или даже поднялся бы и сделал бы себя источником (причиной) бытия (не только суще-бытующего) – «не был бы» никаким богом и не мог бы быть никаким богом. Изначальнее всякого бога есть пра-бытие.

115. История пра-бытия

Первое начало есть само φύσις.

«Бытие» не отличимо от истины. И то, и другое «есть» одно и то же, поскольку существенные слова Парменида гласят: τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι.

Бытие не есть нечто отличимое от «становления», что было усмотрено Парменидом и Гераклитом в сущности φύσις, но сказано у каждого иначе. Для обоих это φύσις λόγος.

Поскольку всякий раз φύσις высказывается как νοεῖν – λόγος, постольку εἶναι и ἀλήθεια приходят в их подлинный просвет, обеспечивая возможность различения. В дополнение к этому δόξα, «видимость», как сущение φύσις – ἀλήθεια.

Поскольку δόξα в двояком смысле видимости (интуитивном вспыхивании и только подобном выгядении) вообще существенно для «бытия», постольку раскрытие εἶδος становится существенно. Почему δόξα?

Поскольку с изложением εἶδος как ἰδέα само бытие ὄντως ὄν начинает различаться с μὴ ὄντα.

Здесь есть пред-вестие бытия для предметности (в духе нового времени). Со схватыванием εἶδος как φύσις с ними ἀλήθεια отступает в начало и становится неразличимой. νοεῖν и λέγειν сами оказываются оторванными от φύσις и преодолевающими ответ человека; он сам воспринимает теперь свою суть как ζῆλον λόγον ἔχον.

λόγος – νοῦς – διανοεῖσθαι – ἀλόφανσις – ἀλόφασις «λέγειν» сейчас становятся противоположностью к «суще-бытующему», хотя еще и не «субъектом» (истиной как ὀρθότης и ὁμοίωσις).

Нигде, конечно, Платон и Аристотель не объясняют бытие из суще-бытующего. Но эта крепкая приверженность к бытию как к отличному от суще-бытующего принуждает все же взывать к *idéiv* («идеям») и *κατηγορεῖσθαι* («категориям»). Бытие становится априори.

Началась метафизика: бытие как бытность суще-бытующего предшествует ему и отвечает перед «ratio» разуму и воле, Богу, справедливости. Изменение правильности (*ὀρθότης* и *ὁμοίωσις*) в сторону *certitudo* приносит существенное определение бытия как *repraesentatio* («субъективность»). Сейчас остается только: разворачивание представления в безусловность «мышления» (как абсолютного духа) или разворачивание человека в «сверхчеловека». В любом случае последнее прибежище лежит в «деятельности» – будь это деятельность самого мыслящего разума или деятельность воли как воли к власти.

Взаимное выцветание и перемешивание того и другого в чистой «деятельности» неопределенного «динамизма» есть уже упадок внутри этого окончательного состояния завершенной метафизики. *Actus purus* как образец «актуализма».

В отличие от метафизики и ее истории и, следовательно, в решительном отрешении от всего метафизического толкования западной философии в целом, а, стало быть, и от ее начала, «Бытие и время» начинает готовить другое начало в подготовке вопроса о бытии.

Не только истина познается как утрата раскрытого, и не только постигается как сущение самого пра-бытия, но и выходя за пределы первого начала пра-бытие становится определяющей сущностью истиной, для которой нужно основание в ней самой, т.е. из ее еще более изначальной сущности. Вот почему пра-бытие событует Вот-Тут-бытие.

Вот-Тут-бытие не есть *νοῦς* и не есть *ψυχή*, оно не есть человек и не есть «сознание», оно не есть «субъект» и не есть дух и не является «практической жизнью».

Вот-Тут-бытие есть сущение технического таинства и требует изначального обнаружения сущности человека – исходя из его отношения к истине пра-бытия (не только к истине суще-бытующего). Человеческая сущность со-бытуется в Вот-Тут-бытии и в нем обосновывается. Но в первую очередь, при переходе от первого ко второму началу, где полная традиция метафизики и только лишь метафизическое изложение всей философии доминирует и царствует над Всем, все оказывается неоднозначно и нигде

не устанавливается сразу же чистое открытие и однозначное сказывание, нигде не утверждается изначальное рас-страивание сущения пра-бытия в этом слове. Но все же повсюду утверждается и царит решительная позиция изначального знания и осознание бессилия по отношению к неизбежности метафизического неверного истолкования.

Пра-бытие есть со-бытование. Это – отнюдь не основа, поскольку оно есть существенная без-дно-основность Между Тем со-бытования. Это сказывание не содержится больше в Противоположности, но слово переотвечает пра-бытию и принадлежит только ему. В пра-бытии только вынуждено находить себя Вот-Тут-бытие и позволять ему оставлять свою историю (Geschichte).

Пра-бытие в своем достоинстве не нуждается во властном господстве. Первое начало было более начальным и более первым, и именно потому пра-бытие сущит не более, чем φύσις. «Метафизика» существует без почвы и основы. Но именно потому господствует смена поколений, *мировоззрение*.

*

Что более существенно – начать с другого начала или, быть может, снова выйти через него и покинуть его? Но какое начало определяет истинное начало – знать невозможно.

116. История пра-бытия

Начинающие говорят, высказываясь таким образом, что молчание скрывающегося (пра-бытия) со-бытуется этим. И стражи-хранители не знают, было оно или нет первым.

Начинающие говорят, что в первом начале начинают другие. Не «иное начало» исторически констатируется, провозглашается или только обсуждается.

Всегда знание, говоря прежде времени, заблуждается в содеянном – и может только в малой степени хранить сущение истины в долгом начинании-начале.

Начало – бесконечно, то есть сущностно более долго, чем всякая открытая и при-открытая «история» («Geschichte»), которая проистекает из него как следствие данностей. Спешное никогда не должно заставлять охраняющих стражей становиться чересчур торопливыми и нетерпеливыми. Ведь они должны были предварительно оставить в прошлом и вот что: потреб-

ность поскорее обретать нечто, уже выкорчеванное раньше (метафизику), сообщая ему исторически заметное начало. Быть «новым» – это деловая участь тех, кто никогда не узнает старого, потому что они исключены из начала.

Но в оставленности суще-бытующего перед пра-бытием – посредством отпущения в себя самое слепящей механистичности-деланности – открывается сокровенность пра-бытия; уже не само это, а соглашательский кивок, который чувствуется происходящим в необоснованном и в неизмеримом открытом, которое есть сам диалектический раздор-раздрай.

117. История пра-бытия

желает сказать о себе: та история (Geschichte), суть которой «есть» само пра-бытие. Не та «история», которая сама делает из себя пра-бытие, не та «история», которая может быть записана рядом с ней или даже как последовательность мнений «о» бытии.

История пра-бытия – это суть пра-бытия, но сущность есть сущение, а это – изначально «то» начало, которое есть история.

Потому история есть сплошь и рядом история «этого» начала. Оно всегда есть изначально – и в начальной стадии.

«Исторично» историю никогда не возможно понять – и еще менее можно «мыслить».

Начало изначально только потому, чтобы в нем было сохранным и производимым из такой тайны-сокрытия его происхождение.

Начало есть то, что определяет историю грядущего так, что она в другом начале раскрывает ее в Открытом-Публичном (даже если она не замечается ею), или так, что она в том или ином начале полностью сводится в саму себя и только еще выпускает из себя суще-бытующее во Внеисторичное благодаря чисто большой исторической технике. Начало – это настолько начало, насколько оно определяет историю, стоя на краю которой, некоторые из Грядущих, вероятно, мыслят исторические эпохи; этот век времени – насколько он близок к началу и насколько он далек от него.

Эпоха времени, нынешняя по сути, а отнюдь не исторически расчисленный в сознании «период» – это времена приступа начала бытийной оставленности. Это времена наивысшей сокрытости, но в то же время и неведомости – из-за допущения разгула махинативности.

118. Пра-бытие

Пра-бытие Всего «Сущее-бытного» и его «бытие» (бытность) есть Сущее-бытное «этого» пра-бытия: со-бытийно из пра-бытия со-бытовалось в этом просвете.

Пра-бытие никогда еще не достигалось, идя от сущее-бытующего. Разумеется, так хотела истина сущее-бытующего как таковая в Целом. Здесь сущее-бытующее уже пребывает в различении, а бытие – как их сущее-бытность – выступает как их противоположность, даже если она и настаивает на этом. Бытие сущее-бытующего (уже даже допущение (сущее-бытующего), которое есть (пра-бытие)), приходит – идя от сущее-бытующего – запрокинутым – только к нему назад и остается в такой напряженности. Здесь бытие затем становится божественным, или человеческим (в новое время) или ангельским. Здесь есть вестник, есть содеянное, есть вынужденные срочные меры – и всегда вся вина падает на раба сущее-бытующего. Приоритет сущего над бытием, которое – как «априори» (возникшее из предшествующего и ставшее пред-дверием к будущему) – остается посторонним приложением, приносит истину сущее-бытующего в суть истины сущее-бытующего как такового и в Целом. И то, и другое – один как таковой (ἦ; qua), а другой как Цельность – добавляются, исходя из Бытия, до сущее-бытующего. Но какова, однако, основа истины сущее-бытующего – *idéa*? Какова основа размышлений, перекладывающих одно и то же, и сохранения *idéa* и *ἐνέργεια* в творящем (пред-ставляющем и творчески производящем) Боге? Какова причина подведения *idéa* и *ἐνέργεια*, *idea* и *actus*, в представление, которое – действуя само, стремясь само и «агируя», – превращает представленность в предметность, а ее – в сущность в смысле надежности и уверенности? Какова основа этого превращения истины в определенность представляюще-целенаправленной сущности, бытия как изначально еще об-условленной вещами субъективности – если только обусловлено, что она не понимается полностью в сущении и исходя из доступности для человека исследовательской составляющей (науки природы у Канта). Отсюда конечность бытия, которая так все же выступает как за-пор-преграда для сущности субъективности, которая безусловно заложена в ней. Эта конечность ложно была соединена с сущностью пра-бытия, которая потому, конечно, не есть ни божественная, ни человеческая, ни ангельская. Какая основа для перемены обусловленной субъективности – в сто-

рону безусловной? Какова основа для перепрыгивания несовершенного в завершенное? В чем тут завершенность и что есть она? Всякий раз и насколько же различно отсюда, сверх того, решающее здесь в ее сущности со-бытование как от-пущенность на волю бытия – в существенности. Ее сущностное следствие – в строгой последовательности тем (Fügung) и порядке их построения. Но все это уже относится к сфере пустой публичности, для которой – вследствие принадлежности общественного человека к истине пра-бытия – подобное безразлично.

119. Пра-бытие¹

Пустейшее и богатство. Наиболее общее и единственное. Наиболее понятное и сокровенное. Наиболее употребительное и множество порождений, отсюда вытекающее. Наиболее надежное и без-дно-основа. Наиболее забываемое и наиболее погружаемое вовнутрь (таящееся внутри). Наиболее высказываемое – и умалчиваемое. Наиболее произвольное – и необходимое.

- 1 Послесловие и номинальное слово для выражения «есть» в высказываниях и слово для предварения молчания и временных недоговорок, указывающих на причину молчания. Здесь не просто представлены в сравнении не отождествляемые по значению противоположности, здесь названо само сущение бытия. То, что выглядит как «противоположность», есть внутреннее следствие отпущения на волю-свободу в сущностность – как отказывания в признании есть утаивание со-бытования: со-бытие со-бытования. (Ср. лекции II триместра 1940, последняя часть, в форме поучительных наставлений; нет подходящего по значению слова).
- 2 Не снимается и некая «третья» «противоположность» – то, что хочет казаться таковой – которая есть Изначальное, Сокрытие, Замалчивание – как извиняющиеся голоса просвета – и такая возможность настоящего вникания, и столь мало соответствующих истории пра-бытия людей, и так, вероятно, незначительная представленность иной человечности – что, все же, незначительно перед лицом пра-бытия.

¹ Ср. Grundbegriffe. Freiburger Vorlesung Sommersemester 1941. Gesamtausgabe Band 51. Hrsg. v. Petra Jaeger. Frankfurt am Main 1981.

120. Пра-бытие

не есть предмет, и не есть налично данное, и не есть всеобщее, и не только всеохватывающее, а просто простейшая сущность. И отношение к пра-бытию также принадлежит бытию, и его сущность должна сообразоваться с его сущностью; и отношение к пра-бытию основывается на истине, которая есть истина пра-бытия и должна порождать в себе это пра-бытие.

121. Ключевые слова¹

Бытие есть Ничто. Ничто ничтожит. Уничтожение отвергает, что суще-бытующее из суще-бытующего когда-либо «было чем-то». Отказ есть отвержение (просвет, из которого и в который то, что мы называем суще-бытием, может выходить и входить, а порой и оставаться там неподвижным). Обеспечение и вникание со-бытует Тем Временем (времени-пространства).

Со-бытование есть искусство улавливать определяющий настрой голоса. Голос начинается с первого вымалчивания. Вымалчивание есть изначально слово. Слово есть определяющее сущности пра-бытие.

122. Пра-бытие только есть

Приходить в ужас – как одно из сущений пра-бытия.

*

Вникновение как сущение Вот-Тут-бытия.

*

Сущение как со-бытие истины.

*

Со-бытие как пра-бытие. Пра-бытие как истина. Пра-бытие только есть.

123. Пра-бытие

которое изначально заявляет о своей чуждости всем силам и никогда в них не нуждается; которое никогда не допускает всякой раздражимости и впе-

¹ Ср. Nietzsche: Der europäische Nihilismus. Freiburger Vorlesung II. Trimester 1940. Gesamtausgabe Band 48. Hrsg. v. Petra Jaeger. Frankfurt am Main 1986, S. 322 ff. 3 Ср. 44. «Die Unter-Scheidung».

чатлительности «элементарного» – кроме своего; чистое достоинство события истины; (но истина есть просвет сокрытия себя); покой, от которого отшатнутся все любители приключений, предпочитая вернуться назад в свои мечты, чтобы затем хлебать это пойло вместе с переигранными по всем правилам «изысками» литературного искусства. Ожидающее в будущем, которое когда-либо хоть раз предстало бы чистому размышлению, не имеет никакого чувственного привкуса и не поддается разумному расчислению. Со-бытие – происходит перед всеми богами и людьми, животными, растениями и камнями.

124. Пра-бытие

– это не «становление», не воздействие, не делание, не сила, не просто существующее в наличии. Все это есть видимости пра-бытия, которое допущено туда, где скрывается пра-бытие – и идея еще ожидает нового опредмечивания.

Пра-бытие, рас-крытие, со-крытие, как таковое раскрывает себя в просвете и вызывает принять решение-приговор – всё это мы называем богами, хотя всё это мы знаем как людей.

Раскрытие сокрытия делает сокрытие как таковое публичным, но не отнимает у него чего-либо.

125. Пра-бытие есть единственное как уникальное¹

Былое и в то же время как грядущее – то, как предстает нам изначальное. Пра-бытие есть «время».

Закон пра-бытия: просвет сокрытия. Закат в сокрытость есть восход из нее.

Так установлено пра-бытием и так оно продолжается. Это есть последовательный ход ее тем.

Пра-бытие есть.

Это – одно-единственное сказание.

¹ Нс.: «einst» в равной степени переводится как «некогда давно» и «в будущем».

*

Пра-бытие еще ни разу не подверглось вы-распрашиванию – всегда подвергалось вы-рас-спрашиванию только суще-бытующее как таковое.

И то, что вы называете «бытием», подразумевает суще-бытующее в Целом – или его «всеобщность».

Сравните различие Шеллингом «*бытия и суще-бытующего*», «основы и экзистенции», базиса и экзистирующего¹.

Двусмысленность *ōv* как *Participium*.

Чтобы постичь отношение к бытию в чистом виде, нужно превзойти бытие в его просвете – и в этом просвете нужно проследить отношение, и от этого определять соотносящееся.

126. Со-бытие

Со-бытие со-бытует, со-бытует себя, в свете Святого, в Вот-Так-существовании настойчиво упертого человека (отрицающего пра-бытие как со-крытие). Со-бытование и настоятельность Вот-Тут-бытия. И то, и другое готовится только в переходе как преодолении метафизики. Только из этого промежуточного времени и может быть достигнута вникающая устойчивость во всеоружии полной схваченности и выносимости, да к тому же и способности слышать настраивающий голос слова пра-бытия. Иное начало есть изначальное первого – и все же как то связано с ним как с происходящим ранее.

127. Со-бытие и история пра-бытия

Только из основанного на истории пра-бытия познания пра-бытия как со-бытия может быть осуществлена событийно вникающая история пра-бытия. Только так может открыться история метафизики – как род истории истины бытия, так как метафизика есть истина суще-бытующего. Только так история метафизики может осуществиться через опредмечивание истории философии. Только так история философии со-бытийно может быть вобрана в себя назад пра-бытием и исторически может истинно воплотить всякие действительно существенные вопросы: Вот-Так-бытие.

¹ Cp. Schelling: *Vom Wesen der menschlichen Freiheit* (1809). *Freiburger Vorlesung Sommersemester 1936*. Gesamtausgabe Band 42. Hrsg. v. Ingrid Schüßler. Frankfurt am Main 1988.

128. В со-бытии

Сущит истина и заставляет являться истинное в ней – и обосновывает познание и распространяет его на суще-бытующее. Только здесь, из пра-бытия, вновь проистекает раскрепощение.

129. Истина как просвет

Раскрытие просвета не есть некоторое неопределенное пустое пространство, в котором нечто «проистекает». Просвет – всякий раз по роду со-бытия – выстроен в последовательность тем и подчинен со-бытийному Вот-Тут-бытию, которое настоятельно вникает в него, разворачиваясь в сферы проектов и по направлениям. Все это определяет себя из истины пра-бытия и по тому, как эта история обстоит с выбором-решением. Просвет, исходя из со-бытия. Неопределенность, исходя из происходящего во-круг φύσις при-сутствия.

130. Истина

есть в строе бытия (поэтическое творчество)¹, и есть в основании пра-бытия (мышление). Ведь истина есть просвет самого пра-бытия. Так что Все и Каждое зависит от того, каково пра-бытие и как «нет» суще-бытийного. Но как «есть» пра-бытие? Как со-бытие. (Когда сегодня добавляют вслед: «Бытие есть», то подразумевают «суще-бытующее есть», или же уклоняются от размышлений, прибегая, казалось бы, к чудесной защитной страховке – напоминая, что бытие не поддается «определению». Как будто бы пра-бытие требует «дефиниции»).

131. Сокрытие

Откуда проистекает сокрытие?

Что сущит сокрытие?

Что есть сокрытость-заслоненность?

Она есть само пра-бытие, которое, светясь как просвет, заражает присутствующим (суще-бытующим), которое препятствует его видению и притягательности. Итак, все зависит именно от просвета – от того, как он

¹ Ничего нет про пра-бытие!

со-бытуется, от того, что в со-бытии сначала возникает «Что-то» (То, что есть пра-бытие), присущее ему самому – и все же чуждое всему прочему, что может показываться в просвете.

132. Истина

В то время как мы «истину» привычно мыслим метафизически, она сама постоянно есть «истина о ...» – и оказывается второй и привнесенной извне.

Но если ее сущность познана как просвет, то истина уже перестает быть как истина «этого» пра-бытия – как «истина о ...», а проявляет себя как пра-бытие само – и в его сущности.

Задавать вопросы о «смысле бытия» – это не значит выстраивать предложения «о» бытия и осмыслять эти предложения как учения, извещая о них, а, скорее, как можно быстрее вы-раз-думывать ссылку на само пра-бытие. «Время» – это последнее слово, которое предшествует слову бытия. «Смысл бытия» впервые – в отличие от всякой метафизики – вы-спрашивает вопрос о самом пра-бытии – и он есть изначальнее, чем первое начало.

133. Есть ли пра-бытие всегда?

Пра-бытие не есть нечто, существующее ни «всегда» (*sempiternum*), ни «вечно», ни «временно», «временами». Когда оно существует и сколько «длится», спросить невозможно. Такой вопрос игнорируется «при» пра-бытии.

134. Бытие как со-бытие

соответствует и со-бытуется с «мышлением». Это схвачено, исходя от пра-бытия.

Каждое понятие, основанное на истории пра-бытия, обладает захваченностью. Захваченность и настроение.

**XII. ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ
(ВОТ-ТУТ-БЫТИЕ)**

135. Вот-Тут-бытие

Сущность и слово сберечь для существенного, только лишь противоречивого разделения между пра-бытием и человеком.

136. То, что историчный человек входит в суть (Вот-Тут-бытие),

само случается для «истории» как выбор-решение сущности истины пра-бытия. То, что человек становится «существенным», здесь не есть ни «морально», ни экзистенциально, ни «метафизически», ни по давню вовсе не мнится антропологически.

137. Вот-Тут-бытие

есть основанная на выборе-решении история из истории пра-бытия, на которую здесь публично не ссылаются и всякий раз которая не упоминается – например, при размышлениях. Оно вообще не позволяет чему-либо «указать на что-то в себе».

Вот-Тут-бытие есть слово для объективирования истины пра-бытия – исходя из пра-бытия как настоящего определения сущности «основы» – и это снова есть сущение пра-бытия.

138. Сбережение

Сбережение есть закрепление пра-бытия за сохранением отчуждения, за выражением ответственности к нему. Только такое над-соединение собственного в пра-бытии.

Сдерживание в неприкосновенности ныне «суще-бытующего» – без пра-бытия. (Пра-бытие) сдерживается в сохранении.

139. Заблуждение

не есть ошибка или пропуск в мышлении – в предвидении уже заранее предвидимых впереди, противоположных, препятствующих обстоятельств. Не «вина», не «незримая сила», но их основа – изначальное, первоизбывное сокрытие, в котором сферы знания не достигают полного всевластия – потому что они исключаются из прозрения-просвета из пра-бытия благодаря ему же.

В самом заблуждении светится-проглядывает сокрыто замыкание, благодаря чему, по сути, имеется налицо некий мир.

140. Вот-Тут-бытие

Называет места на Земле и связи в отношениях людей друг к другу главной чертой к пониманию пра-бытия.

Сущность Вот-Тут-бытия есть внутренне пронизывающая проникнутость (Забота).

Вникание в собственность-особость – то есть в суть (стражничества-охранительства истины пра-бытия) все здесь преодолевает. Вот-Тут-бытие есть получившаяся из пра-бытия промежуточная основа между пра-бытием и человеком.

Вот-Тут-бытие «несет» без-дно-основу. Суть человека мыслить, исходя из Вот-Тут-бытия (никогда больше ни как дух, ни как разум, а тем более – ни как «плоть-тело»).

Если мыслить так, то оно бывает «понято», исходя из более не понимаемой, хотя поначалу открытой, но более не доступной, уже сокрывшейся сущности пра-бытия и истины (излитых $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ и $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$).

141. Бытийная покинутость

Бытие повсюду покидает суще-бытующее и передает тиски и запоры предметности. Предметность встает на место бытия. «Суще-бытующее» распадается. И бытие скрывает себя.

И все же все страдает и стонет, и прямо направляется туда, отвергая доньше бывшее, распространяя при этом видимость нового.

Никогда еще не было пути к бытию, которое само использовало бы суще-бытующее в наиболее высоких делах. Это приводит враз все страсти к бурлению и все чувства – к обострению.

Всё становится всё новее и сменяет друг друга все быстрее.

Неопределенность планов обеспечивает предметному возможность к наиболее постоянному и спешному изменению, не имеющее определенного состояния есть наиболее продолжительное состояние – и являет свое присутствие в простых бессознательных иллюзиях и явлениях.

Безусловность простого, бесхитрое служение требует от всякого, кто не желает от него уклониться, «включаться» в этот процесс. Сама видимость, однако, не позволяет даже предполагать, как тут определиться на-

всегда, чтобы для вас все не кончилось плачевно. Видимость-кажимость нужно постоянно держать на плаву, а сосчитывание и усилия следует поддерживать применительно к предметному. Но если кто-то один попытается саму видимость постичь в своем определении сущности, и попытается основать открытое для публичного, то он раскроет кажимость – и саму видимость как пра-бытие, которое сводится к сокрытию.

142. Проекты бытия суще-бытующего, появившиеся из набрасывания самого бытия¹

То, что мы, следуя метафизике и исполняя ее как культуру и человеческое действие, воспринимаем как бытие суще-бытующего, всякий раз как идейные конструкции, как понятия, мнения и учения. Только исходя из преодоления метафизики, постигается бытие – как существенное истины суще-бытующего и скрывания самого себя.

143. Выискивать более существенное, чем иное начало

Не скажем, однако, нечто данное, передающееся по традиции, (искусство, боги, знания, история, человечность, истина) – надо иначе определить, выразить новое воззрение – нет, надо все это поставить под вопрос. Заслуживающими сомнения и вопроса делаются не «тематические» предметы, а нечто, более широкое – как неназванное, выраженное из иных, более существенных решений. Сравните: К преодолению: Исток художественного творения².

Нам не следует галопом промчаться по истории, что требовалось бы в самом крайнем случае индивидуально – нам надо сущностно утвердить само-не-понимание и услышать его в себе.

144. Слово и язык³

Язык стал средством сообщения – все равно как автомобиль служит только по назначению доставки людей и больше ничему. Язык стал средством под-стегивания тех, кто еще и не задумывается над решением и не

¹ Ср. Ueberwindung der Metaphysik. In: Metaphysik und Nihilismus. Gesamtausgabe Band 67.

² Der Ursprung des Kunstwerkes. In: Holzwege. Gesamtausgabe Band 5. Hrsg. v. F.-W. v. Herrmann. Frankfurt am Main 1977, S. 1–74.

³ Ms.: Оставленность пра-бытия.

принимает на веру уже принятые мнения текущего дня и его повседневности. Язык уже утратил не только суть слов – он даже скоро утратит бессмыслицу и хаос их. И этого нельзя вернуть назад и посредством «заботы» о языке. Ведь и это так – причем окончательно – вытряслось вон из слова, из его первоначала. Слово есть просвет тишина-покоя пра-бытия. Все изощрения тех, кто пишет тексты, и тех, кто занимается научным анализом их – это всего лишь последние судорожные движения слепых существ.

145. Выбор-решение

не христианство, не мораль, не фактические потребности и жизненные интересы, не оправдание «врага», ни даже обратные чувства против «собственных, своих» – все это не есть масштабы, которые выказывают сферу выбора-решения.

Ведь повсюду еще все ввергнуто во влияние силы и, значит, в приоритет суще-бытующего – через сущностность как махинативность-делаемость. Как мелочно и жалко все остается, сколь стягивающе в низжайшее противное – и все же настолько еще благородным кажется призыв к «разуму».

Но что тут – «разум»?

Где здесь есть хотя бы единственный шаг и хотя бы тишайшее поползновение бытия?

Где здесь самое существенное пересиливание врага?

Повсюду – хаотический наплыв-скопление самого худшего и вопящего как наихудшее. Расовое спасение и защита свободы выступают как противоположные стены, крепящие друг друга, а между ними топчется в бездействии чистая сила.

146. Пра-бытие

пра-бытует суще-бытующее в пра-бытовании (сущность истины).

147. История пра-бытия

Первое начало есть сущение φύσις и ἀλήθεια. Существенное вмешательство человечества в пра-бытие – и потому, опираясь на эту изначальную исходность – историческое вмешательство богов. Первый конец в своем начале уже определяется началом метафизики, в котором начало бытия излагается как *idéa*.

Конец осуществляет себя в разрушении сущности распадающейся тем временем, в значительной степени оставшейся необоснованной истиной. Это разрушение есть бытийное оставление суще-бытующего в образе силы махинативности. Принадлежность к бытию забыта и ничтожна.

148. История человека в бытии

Как через истину бытия человек допускается к нему самому – а именно в видимость субъективности. «Видимость» неоднозначна: появление суще-бытующего в свете пред-ставленности – так, что человек кажется предоставленным ему самому как производитель и как собственник – и всё это именно – в свете подлинной субъективности, близости к реальности – в «жизни».

В реальности, то есть в истине пра-бытия – как? Как тут суть пра-бытия обретает свой свет?

149. История

В какой мере и как это в нескольких сферах и «основах», на передних и задних планах, обязательно совершается подобным образом, а не иначе.

1. ключевые слова, общественные мнения, «пароли» («плутократия», «свобода»);
2. поставленные в данный момент, но не высказанные вслух цели и замыслы;
3. непосредственно постигаемые в публичной жизни «силы» и воздействия;
4. Сокрытая суть бытия, которая делает сталкивающееся и действующее свершившимся и надежными слоями, на которые можно положиться. Все сразу знать. И каждое – в своем неотъемлемом.

150. Демокрит, фрагмент 269

τόλμα πρήξιος ἀρχή
τύχη δε τέλεος κυρίη¹

¹ Vgl. Hermann Diels: Die Fragmente der Vorsokratiker. Hrsg. v. Walther Kranz. Zweiter Band. 5. Auflage. Berlin (WeidmannscheBuchhandlung) 1935, B 269.

Отвага есть начало действия,
 Но все венчает в конце судьба.
 τὴχη: требование, отчасти достижение, обретение – (событие).
 (В какой мере требует заранее достижения пра-бытия?)

151. Мыслитель

Мыслитель в суще-бытующем подвержен влиянию пра-бытия. Все иные «в-торгаются» для суще-бытующего в суще-бытующее.

152. Как тщательно они маскируются и открыты всем...

Как тщательно они маскируются и остаются открытыми перед философией из «слов» – и не подозревают, насколько исчерпывающе они оспаривают свою кажущуюся философию из прибежища к речевым оборотам «субъекта» и «объекта», «смысла» и «смыслоздания». Они полагают, что если не осмыслиют сомнительного происхождения их основных понятий, то их мышление – уже мышление, исходящее из «вещей». Жалкие капли и их тщетность!

153. История, начало, движение к закату

Всякое начало – насколько подлинно оно становится началом – определяется к закату в том, что предпочитает видеть, как свое полное завершение. Только начало влечет за собой закат. Но начало – это вовсе не определение заката. Что есть начало?

154. «Я» и «субъект»

Если «Я» (например, ἐγώ Протагора и греков вообще) не есть «субъект» в смысле Декарта, то надо сразу сказать: к сущности субъективности не принадлежит выделение на передний план «Я».

155. Бытие суще-бытующего и пра-бытийность пра-бытия

Бытие суще-бытующего и пра-бытийность пра-бытия.

Здесь между ними посредством их самих задумана без-дно-основа начал. Скачок через без-дно-основу произошел.

156. История пра-бытия

Важно показать процесс *протекания мышления, вникнувшего в историчность пра-бытия, в себе*. В чем в определенных границах поспособствует снятие Гегеля: диалектическое снятие в неустановленное-неопределенное. Против Ницше: нигилистическое выворачивание наизнанку. Но поскольку и то, и другое, по существу, бытуют в метафизике и следуют постигнутому историчность пра-бытия мышлению, исходя из иного начала, постольку возникает сразу же снятие – как каждое, но которое здесь воспринимается резко, ибо снова загоняет в метафизическое и тем самым работает против себя.

Раздирающий на части конфликт – противоречие – освобождение начала.

157. Познание и вникание

Но не возникает ли это познание «того» пра-бытия прямо к суще-бытующему и не требует ли оно хваткости и располагаемости познанным?

Постижение здесь мыслится со вниканием-проникновением и остается осознанным в познанном, согласно каждому месту суще-бытующего, не важно, прежнему или вновь установленному – как Ничто. А посему вся тщательность махинативности столь легко распадается на «ничтожное».

158. От-скок

К раз-обоснованию истины как сущения пра-бытия из пра-бытия.

Раз-обоснование как вникание в Вот-Тут-бытие.

Вникание как принадлежность к сохранению.

Раз-обоснование начинается как вы-рас-спрашивание, которое больше не может быть переворачиванием, но проистекает из от-скока. Но все же собрание бывшего было на сущностной основе от-скока.

Чистое просто прохождение мимо никогда не есть освобождение от свободы, оно – свобода искать основу, исходящая из необходимости бездно-основы.

159. Первое начало¹

Само бытие – *φύσις* – и есть первое начало. И оно снимает – есть снятие соответствующего подхода в его просвет, так что оно в то же время существенно сворачивает себя назад и отказывает основанию несокрытости и передает самому себе сущностность. Здесь есть самоостанавливание в сокрытом, сокрытие, существенное, но не отрицательное! Только сама основа бытия!

Так философия должна существенно перенять необоснование, сама не понимая того; существенный и необходимый пропуск основания *ἀλήθεια*.

Пропуск-упущение – не ошибка, но проявление медлительности и сдерживания себя на первых порах, что вообще свойственно бытию и повсеместно преследует явление.

Став способной нести семя, философия с правом пользуется своим первым произведением и становится из него в распоряжении связанной цепи истин суще-бытующего как таковой в целом метафизикой, да к тому же и спасением *φύσις* – восходящей к раскрытию проявления в публичной сети постоянного указания – *οὐσία*, в то же время беря в расчет притязание *ἰδεῖν*, когда *νοεῖν* как *ἰδεῖν* – стало быть, того, что уже стоит в приоритете перед «суще-бытующим».

Отношение к бытию основывается не на несокрытости *φύσις*, но на бытии как *ἰδέα* при забвении уже *ἀλήθεια*. *νοῦς* и *λόγος* становятся способностями человека воспринимать и рассматривать идеи.

Теперь соотношения человека к бытию, правда, с необходимостью определены, но не обоснованы, а потому отнесены к внешнему обрамлению человека и, в конечном счете, объяснимы из него – вероятно, еще так, что создаются именно подобным образом занятым человеком по поручению некоего бога, который поначалу «идеи» вытаскил из до-представляемого в себе, приведя тем самым их в свою сущность.

Первое метафизическое, но еще сокрытое начало свойственной мысли нового времени субъективности заложено уже в христиански августиновском толковании идей; даже ранее – в эллинистском римском «стоическом» преобразовании всей истины греческого «бытия».

¹ Cp. II триместр 1940. Über das Apriori. In: Nietzsche: Der europäische Nihilismus. Freiburger Vorlesung. Gesamtausgabe Band 48.

С тех пор человек, собственно, и находится в соотношении с бытием (сущностью, «идеями», ценностью), но именно по этой причине следует идти вперед. Он «животное» – и совершенное животное – как сверхчеловек. Итак, нужно устранение «человека» как *animal rationale*. Но все антропологии – при персонализированной безначальности в философии – занимаются прямо противоположным.

160. Сущение истины как просвета пра-бытия

происходит с этого момента и постоянно за пределами области истины суще-бытующего как такового в Целом, пусть она располагается у границы пред-ставления (мышления) или «тела» (силового решения как мышления). Куда сущит истина?

По существу, чтобы только из другого начала быть познанной, став познанной и из другого начала. Известное исторично пра-бытийное – Там без-дно-основы.

161. Человек и антропология

Когда человек знает свою сущность и бывает в курсе ее, и находит в занятиях антропологией удовольствие. В этом – не просто не способность мышления, но и само-забвение и из нее – бытийная оставленность.

162. Человек – animal rationale

Откуда возникает этот опыт знания о сущности человека? Метафизическим образом:

1. живое существо – греч. φύσει – суще-бытующее;
2. но λόγος – νοῦς.

Следовательно, связь с суще-бытующим как таковым в Целом – не (1) «биологическая», и не (2) «психологическая» – будучи определенной более высокими возможностями.

Сравните Аристотель, *Метафизика* А 1. Здесь есть метафизическая основа для того, чтобы всякая мыслящая антропология по существу оставалась исключенной из всякой метафизики и тем паче из всякой философии – из страха перед бытием.

163. Метафизика-антропология

То, о чем метафизика в основе своей никогда не мечтала понимать – сущность разума – сверх-человек тоже оставил невоплощенным в понятиях и заменил посредством понятия тела.

Неспособность к разумному размышлению проявляется еще раз и однозначно. Но теперь в окончательной видимости доступного для каждого. Из «жизни» позволительно объяснить все, что угодно, и все охватить как ее проявлением.

Точно так же география может стать основополагающей наукой, поскольку всё, что она дает, проистекает на Земле.

164. Первое начало и человек как Ζῶον, λόγον, ἔχον

В историю первого начала впадает исторический человек перед своим бытием и содержится там на содержании и сам становится самым существенным.

Но в то же время он с необходимостью переходит к опережению, в котором сам себя преподносит как «обладатель» νοῦς и λόγος, в соотносении с которыми обосновывает свою сущностную основу и определяет свою собственную человеческую основу, исходя из этих причин.

Начиная с этого момента, наступает забвение бытия.

Его история становится историей истины бытующего как метафизики. Но это становится не «упадком» и тому подобным, а, наоборот, первым началом, иными словами, историей подготовки другого начала и, значит, опять-таки только начала!

165. История существенного мышления

История существенного мышления есть сокрытое со-бытование ярко выраженного рас-согла-сования проектов бытия, созданных на основе их проектирования в бытии – и которые скрывают их истину. История существенного мышления есть история бытия.

Существенное мышление есть без-образное стихосложение в словах сказывания пра-бытия.

166. Истина и пра-бытие. Суть истории

Истина в своей сокрытой покровами и не обоснованной сущности есть отрешение и раскрытие «этого» самонастроения самосокрытости. Как раскрытие, это всякий раз зависимо от размеров просвета суще-бытующего. Вследствие этого, поскольку сущее открывается через него как таковое и в Целом, и это открытие происходит в зависимости от ясности просвета, а, стало быть, от определенного вхождения суще-бытующего в него, здесь в каждом отдельном случае принимается решение «о» суще-бытующем: здесь разделение есть разделение истины суще-бытующего на сохраняемое и допускаемое, но сейчас – в зависимости от еще не реализованных возможностей сущности. Разделение возникает и распространяется в зависимости от ограничений «этого» самоотграничения. Это разграничение есть происходящее по сущности, в сущности – первое и последнее, что происходит, основная черта происходящего – и вместе с тем происходит вскрытие сущности истории.

Исходя из этой сущности истории, и еще не ранее того, происходит постижение сущности истории, предполагающее несокрытость суще-бытующего, а значит, как таковое и в целом – «как есть». Эта несокрытость (истина) «имеет» не только «историю» в смысле протекающих перемен ее самой в порядке времени; она есть от сущности истории и поэтому познающая, прежде всего, досконально основу истории «становления» (возникновения и прохождения дел, достижений, данностей). То, что она могла быть еще «предметом» для объясняющей и толкующей осведомительной истории, (о чем говорит ее имеющаяся история) – то это основывается не единственно на том, что такая история должна быть, но и на том, что с этой историей как сущением истины утрачивается история (Historie) как сущение самой истины – еще как «проекта» и представления возможной сферы предоставления просветов. Раскрытие суще-бытующего как такового в Целом, истины как полагающей сущность, предполагает, поскольку она – приговор-суждение, даже некую область, находясь в которой в качестве «предмета», она может противостоять объясняющей и толкующей деятельности, (о чем говорит ее история) – и это основывается не только единственно на том, что история должна быть, но и на том, что она должна быть историей указания

сущности для самой истории как «приоткрытия» и пред-ставления возможной сферы проектов.

Она раскрывает суще-бытующее как таковое в целом только через впервые ставшее открытым публичное и его происхождение для того, на что оно может натолкнуться в грядущем.

Последнее само мыслится не как «грядущее», не как очередность во времени, а как сущностное указание со-бытия, находясь в котором, достигается Вот-Здесь-бытие в со-бытии. «Грядущее» не «приходит из будущего», а только и обосновывает себя.

«Между» – между началами.

XIII. ПРА-БЫТИЙНОЕ ИСТОРИЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ

167. Пра-бытийное историчное мышление и философия

Только исходя из отношения к первому началу – даже только исходя из отношения к тому, что – как метафизика – есть следствие первого начала, позволительно называть *философией* изначальное мышление.

Поистине, пра-бытийно историчное мышление есть не более как философия и не менее как «философия». С этой истиной нужно всерьез исследовать все последствия; тогда понадобится сразу же проследить корни всех ненамеренных оговорок и устремлений, вырвав их.

Почему это и в какой степени с концом философии одновременно следует и конец искусства?

Оба конца никогда не отличаются друг от друга, пожалуй, всякий конец, прежде всего, то, как он вобран в себя человеком и пережит там в со-бытии. Так, все остается многозначным, и мутная пена от метафизики еще долго будет стоять над запустевшим переходом, периодически создавая впечатление, что это – «живые потоки».

168. Свойственное пра-бытийной историчности мышление

находится вне той связи с науками, искусством, политикой – то есть вне всего того, что воздвигает себя как «культура», то есть техника субъективистски толкуемой человечности, которая заранее что-то предрешает о суще-бытующем. Все это уже пред-начертано в мышлении Платона, которое начинает метафизику.

Знакомое исторично с пра-бытием мышление вы-рас-спрашивает о выборе-решении сущности истины как истине пра-бытия. Это мышление мыслит заранее в пра-бытии, оно во всем определено пра-бытием как единственно соответствующее настрою. То, что когда-либо снова «науки», «искусство», «политика» станут существенными в исполнении череды тем Вот-Тут-бытия и в развитие их, не только достойно вопроса, но и решается в основе. Такой, что она не может быть большей.

169. «Философия» в другом начале

Изначальная философия, сущностное мышление мыслит не «людей» и не мыслит Бога, мыслит не мир и не мыслит Землю, не мыслит суще-бытующее в целом – оно мыслит: пра-бытие.

Пра-бытие осмысляется, исходя из всего названного, но никогда не схватывается непосредственно.

Первый скачок мышления мыслит: пра-бытие есть Ничто.

Ничто ничтожит.

Ничтожащее отвергает всякое объяснение суще-бытующего из суще-бытующего.

Отвержение, однако, обеспечивает просвет, который ис-ходит и в-ходит в суще-бытующее, который – как таковой – может открываться и сокрываться. Ничто ужасает. И это вы-саживание из сложившейся ситуации суще-бытующего (как ужас) и из той или иной профессии есть изначальные голоса, которые настраивают человека (и богов).

Но почему суще-бытующее (метафизика, вера, мировоззрение) еще должны против-стоять этому высаживанию-в-ужас?

Противостоит ли оно ему?

И может ли соответствовать этому выносу-в-ужас то, что мы все же, придерживаясь этого, после необходимого, но уже постоянно превратно истолковываемого указания на «настрой» по отношению к тому или иному предмету, прибегаем к «анализам» и антропологическим показаниям?

170. «Философия»

Существенная двоякость, в плену которой сейчас оказалась «философия».

Философию можно *отвергнуть*, поскольку ее считают излишней, и она ведь единственно еще подыскивает стимулы для суще-бытующего всех потребностей и всех «настроений». Бытие суще-бытующего обладает решающим значением – настолько сильно, что эта значительность-выбор уже больше не может мыслиться.

Из безусловной сомнительности в бытии в силу «близости» к действительному философия, следовательно, отвергается и к тому же еще и терпит оскорбления. Эта позиция на деле имеет в себе больше исторической силы и прозрения, чем ученые искания и раздумья, с помощью которых «люди духа» хотели бы «спасти» едва ли еще в полной степени понятое прошлое.

*

«Философия», однако, должна быть преодолена в истине, если ее сущность есть метафизика и вся философия понимается только метафизиче-

ски; стремление к подлинно знаемому (как «идее»); так мыслить, идя от суще-бытующего и возвращаясь к нему.

Преодоление философии предельно отлично от ее отвержения – ведь оно остается как раз связанным с нею и создает из противоречия некую задачу – так что философия делается «мировоззрением». Но это – безобразие метафизики, ее бесчинство. Преодоление есть существенное указание пра-бытия, отклонение только поздних последствий постоянно неопределимой силы-махиации и только потому содеянное.

171. Начало

как *скрывание себя*, враждебность и отчуждение к сторонникам расширения; и потому в колебаниях по поводу того, как обойтись также с видимостью – дать ему уйти в глубины как преодоленному, с которым никогда больше не будет встречи?

Но во время начала все же оно будет приходящим.

172. Существенное мышление

Круг и происхождение – так что полной сущности с самого начала была бы обеспечена свобода и было бы при этом обеспечено необходимое подчинение мышления.

Именно обеспечение этих двух вещей имеет решающее значение и самое тяжелое.

А именно – полагают, что установить эти ошибки и трюки было бы делом легчайшим – но вот *точно* исследовать!!! И пошагово проследить!

В существенном мышлении нет никаких троп, которые были бы с самого начала скрытными. Только там, где оно происходит, есть некий путь; и путь его ведения есть путь исследования пра-бытия. И этот путь едва ли оставляет за собой след.

173. Мышление, знающее толк в историчном пра-бытии

1. нет никакого описания и никаких ссылок;
2. никакого выведения из более высоких понятий;
3. никаких об-особленных сказов-сказаний об об-основании истории как Вот-Тут-бытия;

4. нет слова, которое обозначало бы «это» пра-бытие;
5. нет знающего толк в историчности пра-бытия генетива (не генетива «объективного» и «субъективного»).

174. Свобода

есть принадлежность к собственности-подлинности пра-бытия. Подлинность-собственность пра-бытия есть существенная истина как просвет сокрытия.

Не связанная с суще-бытующим привязка к пра-бытию. Существенное смысловое постижение истины и свободы.

175. Оценка по достоинству и оценивание¹

Оценивание есть измерение и может себя заявить, как оценивание – как прикидывание ценности, «оценивание» для расчетов.

Оценивание само постигает ценности, сохраняет их в неприкосновенности и не понижает ниже определенных низших достоинств и ценностей.

Оно постигает ценности суще-бытующего как развитие-рас-ценивание пра-бытия.

Но это распознавание есть в то же время минование мимоходом (отскок), ничего не дающее из того, на что надеялось достоинство, опираясь на него.

176. Вопрошание²

как вы-рас-спрашивание истины пра-бытия – единственный способ оценки пра-бытия.

Пра-бытие как со-бытие.

177. Чистое нахождение

Вы-рас-крытие не есть вы-думывание, не есть вы-рас-считывание, не есть проявление отчаяния, но должно находиться в собственности-подлинности – должно стать *со-бытием*.

¹ Преодоление метафизики. Нужно опустить! Не что-то подчиненное. Вопрошание!

² Ср. Основные слова.

Быть определенным через настраивающий голос. Без предварительного распевания, без пред-посылок. Искать, чтобы чисто натолкнуться. Наткнуться на него.

178. Последовательность публикаций (с краткими указаниями)

1. *»Was ist Metaphysik?«*¹ Четвертое и расширенное издание (иная «речь» к ней)
2. *»Vom Wesen der Wahrheit«*².
 1. «Wahrheitsvortrag» 1930 in der Überarbeitung von 1940.
 2. Несокрытость (ἀλήθεια – φύσις). Парменид³ – Гераклит⁴ – Анаксимандр⁵.
3. *»Die Vollendung der Metaphysik«*. Метафизика Ницше: Изложение (пять основных слов)⁶.
Сравни: *»Entwurf«*; Изложение (безусловная и окончательная субъективность)
Раздрай-конфликт (сила – как махинативность, «сила» и *ιδέα* – ἀγαθόν, махинативность и со-бытие).
3а. *Переход метафизики в не-сущность («мировоззрение»)*.
4. *»Die Überwindung der Metaphysik«*⁷.
 1. Преодоление как история «этого» пра-бытия, не как созданного мыслителями и людьми.
 2. Вот-Тут-бытие.
5. *«История пра-бытия»*.

¹ In: Wegmarken. Gesamtausgabe Band 9, S. 105–122.

² In: Wegmarken. Gesamtausgabe Band 9, S. 177–202.

³ Ср. Parmenides. Freiburger Vorlesung Wintersemester 1942/43. Gesamtausgabe Band 54. Hrsg. v. Manfred S. Frings. Frankfurt am Main 1982.

⁴ Ср. Heraklit. Gesamtausgabe Band 55.

⁵ Ср. Der Spruch des Anaximander. In: Holzwege. Gesamtausgabe Band 5, S. 321–376.

⁶ Ср. Nietzsches Metaphysik. Freiburger Vorlesung für Wintersemester 1941/42 angekündigt, aber nicht vorgetragen. Einleitung in die Philosophie – Denken und Dichten. Freiburger Vorlesung Wintersemester 1944/45. Gesamtausgabe Band 50. Hrsg. v. Petra Jaeger. Frankfurt am Main 1990.

⁷ Ueberwindung der Metaphysik. In: Metaphysik und Nihilismus. Gesamtausgabe Band 67.

К этому прилагается проект докладов как более внутренних структур (сравни «Die Geschichte des Seyns»¹). «Beiträge»² и «Besinnung»³ как предварительные работы. (Как «пояснения» приходят как бы со стороны – и для сравнения с еще имеющими хождение мнениями. Их высказывание никогда не сводится окончательно к пра-бытию, но постоянно указывает на него. Именно так остается в их окружении всякий раз и необходимо заперто всякий раз существенное – и все оттачивает свои отсылки и намеки).

6. Изложения из Гёльдерлина.

«Как будто в праздник»⁴.

«Зрелы как ...»⁵.

«В память»⁶.

«Мнемосина».

«Рейн».

«Германия».

¹ «Die Geschichte des Seyns» (в этом томе).

² Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Gesamtausgabe Band 65

³ Besinnung. Gesamtausgabe Band 66.

⁴ Ср. Hölderlins Hymne «Andenken». Freiburger Vorlesung Wintersemester 1941/42. Gesamtausgabe Band 52. Hrsg. v. Curd Ochwadt. Frankfurt am Main 1982.

⁵ Ср. гимн Гёльдерлина «Ister». Freiburger Vorlesung Sommersemester 1942. Gesamtausgabe Band 53. Hrsg. v. Walter Biemel. Frankfurt am Main 1984, S. 184 ff. Далее: Hölderlin, Andenken und Mnemosyne. In: Zu Hölderlin – Griechenlandreisen. Gesamtausgabe Band 75.

⁶ 20. Ср. Hölderlins Hymnen »Germanien« und »Der Rhein«. Freiburger Vorlesung Wintersemester 1934/35. Gesamtausgabe Band 39. Hrsg. v. Susanne Ziegler. Frankfurt am Main 1980.

ΚΟΙΝΟΝ – ΙΖ ΙΣΤΟΡΙΙ ΠΡΑ-ΒΥΤΙΑ (1939/40)

τὸ κοινόν. Из истории пра-бытия

Все уже познали повсюду и внимательно приметили «редкое» в этой Второй Мировой войне. Но многим уже всеразрушающая повседневность заслонила и это редкое в привычном. А другие полагают, что началу до сих пор столь зловещих боевых действий должен быть положен конец – как столь редкому состоянию.

Его очень трудно тогда встретить для человека. Но если это и удастся, то однозначность определенного сотрудничества устранил отягощающие лишения редкостного. А вот другие находят эту Мировую войну вовсе не «странной». Они воспринимают с подчеркнутым, но им самим еще не ясным превосходством это «редкое» – в сравнении с «нормальным» – в этой «современной» войне. Они говорят или только поддакивают, что Подобное, что ныне одобряется как «современное», также было нередким и поэтому заслуживает вопросов в прошлом. Тот, кто «воспринимает» нечто как странное, судит на деле, исходя из круга взглядов, которые привычны для него. Он отказывается – если остается при одних только голых «восприятиях» вопросов – размышлять и ломать голову, собственно, о «странном». Только тот, кто отделяет в сторону странное, выдавая его «именно за современное», продолжает стоять – независимо от хваленой «близости к действительности» – в состоянии того же самого безмыслия. Или, возможно, оно становится еще большим? Конечно, ведь пока редкое в своей редкости в сравнении с привычным остается не заметным, существует возможность признать в редком нечто, вызывающее сомнительные вопросы. А там, где, напротив. «современность» (сообразность времени) привлекается для объяснения и оправдания, там без-мысленность погружена в бессмысленность и повышает ее до принципа всех целеустановок.

А еще для других редкое становится все более редким. Они более не разделяют в суждениях, исходящих из прошлого, редкое и еще менее заменяют редкостность посредством кажущейся без-вопросной «современности». Они узнают в том, что прежде воспринималось только как «редкое» и ругалось как «современное», признаки того достоинства, которое простирается от сокрытости сущности всех вещей – и часто впустую распространяется долгое время в пустоту. Но если редкостное ставится под сомнение и заслуживает вопросов, то оно никогда больше не становится только «редким» и никогда более не рассматривается как только «современное». И тогда для

того, чтобы знать толк в сомнительности этого редкого, требуется не только общественный знак Мировой войны. Те, кто задавал вопросы о сомнительности, догадываются, что даже великие опустошительные битвы, окутанные дымкой сомнительного, не могли тут все разрешить и устранить.

Сомнительно-странное этой Мировой войны выказывает себя в разнообразных явлениях: боевые действия почти всегда и только моментами выглядят так, будто война есть только разворачивание какого-то «плана операции». Военные действия напоминают промежуточные игры подлинной войны, которые и не произошли бы, если бы для них не искались бы «полевые оправдания» прессой или радио, или не было бы оснований в «дипломатической активности», либо в некой «экономической войне».

И все же и прежде всего: всякий не втянулся бы в, казалось бы, уже развернутую войну, которой еще нет в действительности, если бы не знал, *как* именно воспринимать ее насквозь и даже остановить ее.

С последнего года Первой Мировой войны появился слишком большой решающий момент во влиянии ее на все в целом в человеческом поведении и манерах. С тех пор речь стала заходить о «тотальной войне». Но «тотальность» войны здесь постигнута только наполовину и, лучше сказать, вообще еще не постигнута. «Война» – это для большинства еще означает противоположность «миру», направленную, вероятно, на окончание войны. «Мировые войны» берут свое имя из процесса, в который втягивается мир в смысле населенных человечеством областей мира, не считаясь с рамками и барьерами. Вот только более существенное содержание этого имени-слова указывает на кое-что еще. «Мир» – в том смысле, в каком он втягивает в себя как действующая структура сферу проектов историчного человека, – есть нечто воинственное. Война не борется теперь уже за некое состояние мира, она продолжает суть мира на новый лад. Мир теперь есть более великое по силе овладение всеми возможностями войны и укрепление средств ее доведения до конца. Мир, однако, так не выглядит, временами он подобен разражающемуся войной миру. Поскольку в мире существует невидимая тайная возможность того, что может быть война, которая может грозить ему, мир стремится к устранению войны. «Тотальная» война включает в себя мир, а такой «мир» исключает из себя «войну». Различение войны и мира становится случайным, потому что и та, и другой основываются с возрастающей настойчивостью на одинаковых, по сути, явлениях «тотальности». «Тотальность» «тотальной» войны поэтому не может

и рассматриваться только как следующее взаимодополнение воинственного и мирного. Здесь, скорее, темно вырисовывается для постижения нечто иное. Еще не постижимое, но все же в своем бес-толковательном повсюду напиральное и продирающееся – это сужающиеся различия войны и мира. Нет ничего больше, кроме как применить меры для спасения донныне привычного мира человечности, которые могут быть применимы еще только как цель для обычно-привычного самоутверждения человека.

Колебания различий между войной и миром есть отказ от вынуждения их в суще-бытующем как таковом в сфере непривычного-необычного; и потрясение ими всего привычно-обыденного, чем исключительнее это привычно-особенное связано с ними и продолжается с ними. Редкостное, что нам противопоставляется в споре, имеет место в повседневности как знак того предпочтения суще-бытующего, которое предпочитается в необычном. Редкостное никоим образом не есть свойство во Внешнем, грозящем достичь полного окончания с разворачиванием Мировой войны, но сама эта война есть в своей глубоко завуалированной сущности уже последствие отчаяния применения того, что вытекает из представляемых в расчетах предложений. Словесное выражение «тотальность» уже больше ничего не выражает; оно всего лишь называет расширение донныне известного уже в «не имеющее ограничений» и предохраняет привычно-обычный способ суще-бытующего от перспективного впадения в необыкновенное. Но что оно означает?

Колебания в различии между войной и миром свидетельствуют о вторжении силы в определяющую роль мировой игры, а значит, в тот род, как суще-бытующее упорядочивает себя и определяет свой покой. Сила есть тем самым наименование для бытия суще-бытующего. Сила наделяет силой всякий раз то, что ей нужно иметь за собой, чтобы представлять образы и пути, в которых она воплощается и идет к сущностным высотам. Но это – перешагивание пределов самой себя в искании своей безусловности. То, чем сила наделяет мировые игры – это основа для всегда преодолевающей пределы, установленные для борьбы – ради «мировой» позиции власти. Этот процесс уже не позволяет достаточно описать себя в расхожих формулах. Если «мыслить» и называть все «политическим», то нужно «политическому» приписывать ту ничего больше не говорящую «тотальность», которая точно так же претендует на «экономическую», «культурную» и «техническую», чтобы в той же степени равным образом претендовать

на значимость власти в той же степени. Напротив, обострение борьбы за обладание властью над миром в этой силе становится сильнее. Сила открывается здесь – разумеется, только в достаточной степени осмысления – как то, что не только не имеет никаких целей, но и выступает против всякой постановки целей в чистом виде самой по себе. Этот напор сущности власти как бытия всего суще-бытующего легко будит видимость «абстрактного». Только в тот миг, когда предположительно «конкретное», в тот или иной момент используемое и приспособленное к делу суще-бытующее выказывает характер беглого и почти призрачного, эта видимость распадается. Этот миг приближается, если редкое временами предпочитается и как бы вневещно выбирается. Чем более твердолюбо, но тесно сталкиваются силы мира и войны в мировом противоборстве, тем больше они откровенно грызутся исподволь в разворачивании безусловной борьбы за власть, и тем более они настоятельно напедают в публичном поле на соблюдении повседневных действий при взывании к целям и намерениям основных пунктов позиций, которых придерживаются публичные мнения. Воля к защите «моральности» в мире противопоставляется мнимой аморальности в ее внутреннем зле, а в ней хотя и видят только сатанинские козни. Процесс только теряет всякий вид чисто сделанного сооружения, если становится ясно, что именно честнейшая борьба за спасение свободы и нравственности означает только сохранение и умножение неких позиций силы, мощь которых не терпит никакого опрашивания, потому что прорыв и напор силы, как бытия суще-бытующего, уже порождает моральность и защиту как существенное средство обеспечения силы. И тут еще появляется глупая малость того, как подбрасываются в игру эффективные стремления, как к спасению народных богатств и обеспечению их «постоянного» состава не преминут примкнуть их расистские цели. Только после этого воспринимается вступление в борьбу за обладание властью в мире с ее остротой и противоречивостью, поскольку именно они являются целями тех средств, которые обеспечивают напор силы на пути.¹ Эти виды целевых установок и образов их публикации с впечатыванием в сознание в борьбе за власть в мире неизбежны; ведь защита «духовных» благ человечества и спасение «телесных» «субстанций» людей должны повсюду поддерживаться как задачи и ставиться вновь – везде там, где суще-бытующее основополагаю-

¹ Ср. доклады «Macht und Rasse».

щих структур «метафизики» пробито насквозь, в соответствии с чем должны быть осуществлены духовные «идеалы», и их деятельное воплощение обеспечивалось несломленной жизненно-телесной и духовной жизненной силой – так, чтобы об изложении бытия как действительности и действия, наконец, свидетельствовала суть бытия как довлеющая сила. Эти целеустановления являются метафизически необходимыми, а вовсе не случайными пожеланиями, вытекающими из «интересов», произведенных и представленных мыслью. Но одни и те же целеустановления (обеспечение «моральности», спасение «народной субстанции») все же постоянно содержали нечто дополнительное, что – вопреки знанию и вопреки воле – поддерживало на службе силу и твердость решений, необходимых для борьбы за властные позиции в мире. Отсюда подобные целеустановки всякий раз меняются – в зависимости от положения на театре боевых действий – сверху донизу и даже с переворотом; ведь речь же идет не о достижении тех целей, а об усилении силы, к которому должны привести целенаправленные целеустановки и иницилируемые ими побуждения и связывания действующих сил и инициатив.

Неудержимость напора силы выказывает себя, наконец, в том, что оправдание приводимых в тех или иных битвах за власть в мире аргументов у защитников никак не достигает степени убедительности, которую она имеет у их противников. При этом неправдоподобность вовсе являет себя не только серьезно и настоятельно как нравственное средство, а – что стало значительно важнее – как неуклюжесть «пропаганды». Причина этой сквозной безэффективности всех попыток оправдания правильности лежит вовсе не в нарушении или безразличности «народной морали». Ее упадок – не тот, который вызван неэффективностью поиска оправданий, а следует из напора во все сущности силы, которая стремится рвущейся ко всем целям. Она скрывает в себе и является классическим примером внезапного хаотического разряжения и впадения в какие только угодно принижения и уничтожения себя, но которые вполне описываются цифровыми подсчетами и прогнозами. Сюда же относится сила неограниченного притворства и отказ от всякого рода притязаний на оправдание. Правда, это примыкает к ряду иллюзорных тем, востребованных правомерностью необходимости; ведь чем ближе сила приближается к своей собственной сущности, стало быть, чем больше она и является, собственно, силой, тем громче и чаще заботится о «покое и порядке». Они служат только тому, чтобы обеспечить

последнее равновесие в силе, которое устанавливается между этими противоположностями. С исчезновением всякого противоречия все это пространство оказывается устраненным, на него может быть поднята сила чуждой природы, противоречащая ей. Сила заменяет всякое оправдание безусловным преодолением силы себя самой.

Оправдание силы не нуждается больше в сведении всего к началу; сила берет из этого всякий «смысл». Ведь «право» теперь есть заголовок для обозначения избранного в распределении властей требований и нужных для этого «свобод». Тем самым выпадает и возможность выдать силу за голый «произвол». Напор власти имеет форму неудержимого отката назад той определенности силы как таковой, которая никогда не была ею же самой. Это означает, что сила есть все в исключительном наделении сущности, которая находит себя саму в безусловном пересиливании себя. Поэтому ей суждено то, что она не несет за собой ничего, что, пожалуй, напротив, дает возможность неограниченного подмятия под свой гнет Всего. Эта возможность обеспечивает себе силу непреодолимым образом. Она заранее допускает суще-бытующее так, как будто это суще-бытующее – делаемо. Делаемость-махинативность состоит в том, что суще-бытующее рассчитываемо при помощи плана и расчетов и остается всякий раз представлено именно так. Эта делаемость суще-бытующего дает предварительное условие всякий раз осуществимого во времени, произвольного и лишенного всяких договоренностей о заменимости человека из некоторой соответствующей человеческой группы, который займется этим – причем каждое постижение, к сожалению, будет считаться ошибочным делом, промахом с его стороны. За такой заменимостью стоит заменимость каждого любым другим; человеческая общность заменяется махинативной сделанностью суще-бытующего, то есть чрезмерным усилением силы, стремящейся к бытию суще-бытующегося, мерзким впечатком стандартного «человеческого материала», который может любым образом видоизменяться. Не замена одного человека на другого делает суще-бытующее делаемым, но делаемость-махинативность, проистекающая из сущности силы, вынуждает все поведение к суще-бытующему в «стадии готовности», которая будет готовить к наивысшим свершениям-достижениям. С помощью делаемости-махинативности суще-бытуемости сила обретает сверх-силу и выполняет тем самым свою суть. Это уже больше не лежит во власти способностей к силе, которые располагают всеми возможностями практиковать власть. Таким образом,

власть все еще не может вернуться к себе – скорее, она лишь подумывает о направлении своего «выражения». В себе самой власть есть безусловное создание сверх-власти из самой себя и из подручных к тому материалов дела. Существенным к этому деланию становится *махинативность-уверенность* в превзойдении ее силы и всех задействованных в ее переделке действенностей его суще-бытующего.

Махинативность включает суще-бытующее в неограниченное отношение с присущим: в махинативности обнаруживает себя метафизически свойственный новому времени *образ ἐνέργεια* и *ἰδέα*.

Сила настолько существенно воспринимает делаемость-махинативность, что она приписывает ей как совершенно единственному существовавшему проявлению бытия сущность и существенную основу: «делание» возвращается назад.

В махинативности-делаемости окончательное отпадение бытия постоянства отсутствия достигает самой наивысшей бесформенности.

В слове «махинативность-делаемость» обычно подразумеваются опирающиеся на преимущества человеческих потребностей – в видимости безмятежных занятий люди. «Махинативность» приходит как человеческая «позиция» беспрепятственно в игру только там, где человеческое общество уже стоит посреди суще-бытующего, бытие которого как суть повышает до крайней степени высоты махинативность. Махинативность как название сущности бытия есть, однако, не расширение и не перенос только человеческого происхождения на суще-бытующее в целом. Сущность власти требует, наоборот, определенного человеческого существа для ее полного простирания как череды тем суще-бытующего в целом, как только бытие переходит в неограниченное возрастание его сущности силы с превращением ее в махинативность-делаемость. Маленькая хитрость задними числом – как всего лишь только человеческой «махинативности» – остается только недоступной аналогией к бытию как махинативности существенной непостигаемости допущенной публичности суще-бытующего. Чем «чище» делаемость завладевает игрой, тем исключительнее выступает на передний план суще-бытующее в своей махинативности-делаемости. Чем настоятельнее суще-бытующее закрепляется в махинативности и предстает человеческому сообществу в виде иллюзии, как будто суще-бытующее есть «замена-вставка» сделанного, тем более надежно – в этой иллюзии прячется все пронизывающая, деятельная и всеулаживающая *махинативность*.

Что она, собственно, скрывает? Только ее сущность, в которой она повседневно и в высшей степени несуразно демонстрирует следы своего сущения. Махинативность – вот основа того необыкновенного, которое затем привязано ко всему суще-бытному, причем так, что оно выглядит все более и более само собой разумеющимся – и так, будто оно есть суще-бытное именно к части полезного, что пригодно для достижения успеха человеческого потребления. Безграничное использование, неограниченные планы применения всех противостояний и публичное урегулирование всех размышлений об удачах таких мероприятий повсюду достигаются и постоянно пользуются приоритетом суще-бытующего перед бытием – так что, в конечном итоге, исчезает-растворяется в Ничто – и вместе с ним не означает ничего. Что, однако, только подтверждает приоритет суще-бытующего – оно не может быть причиной этого приоритета. Но как же тогда – если причиной этого приоритета суще-бытующего было вот это – оно смогло провозгласить себя как основу необыкновенного? Как получилось, что в необычайном, где всячески перекладывается всякое суще-бытующее, и из каждого суще-бытующего незаметным образом все выворачивается и, однако, остается неизменным – как получилось, что в этом открылось пра-бытие?

На деле, необыкновенное и вызывающее отчаяние человеческого рода основывает себя на махинативности. Она раскрывает себя лишь кажущимся образом в пра-бытии, которое отталкивается от Ничто, и происхождение иллюзии становится более ясным, когда это необыкновенное становится ещё более существенным и убирает с дороги всякую навязчивость препятствий.

Необыкновенное обнаруживает себя прежде всего в освоении различия войны и мира. «Мировая война» – это вовсе не война за обладание наследием власти мира. «Мировые войны» могут быть лишь промежуточными играми существенного процесса, в котором находит свою основу необыкновенное, и из которого они как бы светятся-высвечивают в целом.

«Мировые войны» могли бы обозначаться как промежуточные игры более существенного процесса, в котором обосновывается необыкновенное и через который он себя реализует. В каком процессе прорезается промежуточный момент «мировой войны»? Этот процесс проходит насквозь через все, что определяется «интересом» к обладанию мировой властью. Эти «интересы» несут всякий раз различные «идеалы» перед собой, которые выражают свою заинтересованность в потребности власти. Эти интересы

ищут средства своего выполнения и находят его в распоряжении всяким насилием и всеми силами.

Растущее распоряжение этим насилием обретает своё торжество в поиске власти. Этот поиск служит утверждением силы власти как выраженного определяющего меру «интереса». И это само всякий раз есть завладение силой в неопределённой сущности. Даже обладание власти над миром не есть цель возвышения силы, поскольку она не ставит целеполагание осознанно. Обладание всемирной властью остаётся только поиском пригодной для силы цели, через посредство которой осуществляется овладение силой и властью – и именно так, что власть над миром как раз никогда и не становится обладанием власти, а вынуждает стать его рабом. Войны за мировую власть сразу выдают приоритет завладения силой и властью в безусловно махинативности, которая, однако, не есть завладение властью. Она есть всего лишь череда тем историчности всей воинственно-немирной описанной истории Нового времени. Завладение властью в её махинативности-деланности оповещает и запугивает себя, однако, во всякого рода развёртываниях власти и несении атрибутов власти, что обыкновенно получает известность под именем «политические события и состояния». В то же время в «пространстве» «политического» суть власти и тем самым завладение властью насильственно непосредственно и уверенно проявляется именно там, где «политика» не предстает больше отдельной областью человеческой деятельности, но представляет всеопределяющие направления и заботу человеческого сообщества внутри суще-бытующего. Политические планы и действия, правда, выказывают властные отношения и властные сражения в особенном свете. Единственно, что суть власти в смысле завладения властью в отдельных необусловленных местах здесь становится наглядным тогда, когда политическое само уже постигается из сущебытующего как такового и из прилегающего человеческого сообщества.

Прежде всего ищется средоточие политической власти, руководящее инстанцией власти в «исторически» известных формах управления в государственных умах. Даже находят, что здесь всеми ключами от замков обладают преимущественно «авторитарно» государство в чистом виде; «парламентарно» государство охраняет это разворачивание власти как слепую злость чистых носителей власти, в отличие от цивилизованного распределения власти. Это игра властей протекает в иллюзиях «свободного» «общения», и это общение производит другие иллюзии, как будто такое распределение

властей единственно «нравственно» в окружении «авторитарного» использования власти. Это взаимно обсуждение и осуждение психологических основных установок принадлежит к форме разворачивания власти. Но это препятствует и существенному разворачиванию в метафизическую – определённо, как сущебытующее и как таковое в целом – самость свойственных Новому времени политического разворачивания. Самость засвидетельствована двояко. Каждое из установлений основ утверждает собой в рассуждении один «идеал»; идея человеческого сообщества и её счастливое воплощение становится масштабом успокоения и упорядочения «действительного» и тем самым подлежит воплощению преобразований. С другой стороны, однако, эта идея определяется как демократия, которая соответствует задающей властную установку «народу». Каждое сомнение метафизической существенной равенности сих государственных форм полностью разрушается, поскольку каждая из них в свой срок воплощённая в публичности, реализует всякий раз публичное видение воочию – как бы зримо, хотя они и присущи власти «народа». Эта видимость принадлежит к полному осуществлению махинативности внутри политического разворачивания власти. Но способствование этой иллюзии может ввести политических властителей в заблуждение – именно так, как народное мнение, что власть может быть только у «народа» – и тогда она может считаться глупостью. «Демократическое» видение одинаково будится управляемыми и поддерживается «правлящими». Ведь эта видимость, что власть «принадлежала бы» всем и она разделена на всех, тогда как в действительности она не принадлежит кому-то конкретно – сущность власти при обретении этой власти силой у носителей власти только и остаётся как неопределённое овладение властью, и в таком зарождении власти власть захватывает собственно себя и далее скрывает себя. Поэтому подобное затуманивание подлинного обладания властью посредством властного обретения ею может быть понято истинно там, где получение власти имеет более неполитический, а непосредственно метафизический характер – в деспотизме и диктатуре. Здесь, как представляется, вся власть находится исключительно в «руках» отдельных единичных фигур, которые свою «субъективную» жажду власти создают посредством эксплуатации достаточных властных потребностей. Никто не задумывается над тем, что такие отдельные люди, как носители власти, не только находятся под влиянием противовласти угнетённых и подавляемых, анти-власть которых также не принадлежит им; «деспот» тоже стоит

под властью сей собственной машины осуществления власти. «Деспоты» и «диктаторы» менее всего способны «быть» носителями власти, – такими, какими они проявляются, став подлинными диктаторами и, значит, полновластными управителями захвата власти при запутанном перекрещивании неопределённого в своей сущности, ведь превосходство силы требует двоякой позиции. Во-первых, заранее ясно, что каждое исключение из обязывающей совокупности всех исполнений власти неизбежно влечёт использование всех возможностей удерживаемого властью единства. Это означает: располагание властью требует своего постоянного постижения через возможность силового преодоления власти, расширяя её. Это возможность, однако, скрывает под собой диктатуру, поскольку она приносит с собой застылость одной из ступеней лестницы и это само исключает общий доступ к решению неопределённых вопросов, ведь силовое преодоление властных пределов требует уравнивания всех форм власти – и потому предполагает «единообразие» того, что поставлено под властью. Это единообразие принимает так же ту форму владения властью, которая сообразна сущности безусловного завладения силой этой власти, требует такого же выделения и, следовательно, это по сути то же самое, что толкает носителей власти безудержно в зону неопределённости.

Единообразие, которое сузит в силовом завладении властью – это не пустое единообразие властных отношений, но развернутое из самой власти *тождество форм напора*, выносимого властью в условия неопределённости её сущности. Порой разворачивание власти выдаёт этот основополагающий принцип всякого завоевания власти силой у едва ли хорошо учтённой и ещё меньше продуманной формы проявления; чем больше власть находится в своей сущности, то есть, повышает себя, тем более напорист натиск, заставляющий её возвышаться при помощи силы. Чем более напорист этот натиск, который исходит при этом из себя самого, тем более решительно он утверждает себя как «естественный». Завладевание властью силой, таким образом, выдаёт свою «естественность», то есть основу условий своей возможности: безусловное превзойдение пределов власти с помощью силы, само обладает безграничной властью целенаправленности, довлеющей над ней. Продолжающийся рост власти не есть что-то такое, что опирается на используемую систему тормозов, а обладает особенностями своей собственной «природы», согласно которой уравнивание всех и вся в сообщество (коммуну) заранее регулируется безусловным

регулированием напора силового овладения властью: тем самым использование силового захвата власти в неопределённости махинативности и исходя из него является сутью «коммунизма». То, что так называется здесь, не мыслится ни «политически», ни «социологически», ни «мировоззренчески», ни «антропологически»; и даже он не мыслится только «метафизически», поскольку каждая связь звеньев цепи суще-бытующего как такового в целом определяет, что исторические века накладывают свой отпечаток на окончательное завершение и тем самым определяют конец всякой метафизике. Это понятие «коммунизма», извлеченное посредством мысли из истории пра-бытия, может прежде всего пониматься как чересчур произвольное, тем более именуемое не всякий раз непосредственно в соответствии с историческими «коммунистическими» явлениями. Ведь расхожий лозунг «коммунизма» подразумевает общность равных: то что каждый внутри этого «порядка» человеческого сообщества обязан столько же работать, столько же получать за этот труд и получать ровно столько же удовольствия от наслаждений, при этом достижения и потребности исключительно должны быть согласованы со всем «целым» человеческой жизни, в которой они имеют место быть и с которой вообще выступают в «действительности», но что считается «действительным» и что будет считаться «миром».

Власть – соответствует его видимости – так, будто он – пролетариат – якобы ведаёт всеобщим владением-знанием всех властей. Это проистекает у «пролетариата» на основе его происхождения из переворота, который постоянно должен состоять из противоречий – в образе буржуазных «форм влияния» и «форм» значимостей. В сфере распоряжения пролетариата, которая выступает единственной носительницей единого «мировоззрения», сейчас представлены все возможные желания устраненной от власти буржуазии: «классовое сознание», «партнерство», регулирование «жизненных стандартов», способствование «прогрессу» и создание «культуры». Всем этим на самом деле обладает пролетариат. Как, спрашивается, ему не полагать, что и эта власть ему под силу? Но наиболее пронизывающей силой при коммунизме является та, которая Всё обволакивает волшебством единообразия и одинаковых форм. В противовес этой власти, которая составляет существенную основу пролетариата, другая форма состоит в бессилии, настолько окончательном, что эта форма пользуется этим бессилием, чтобы закрепить утверждение своей сущности и возвысить ее.

Полное завершение этой силы, торжество которой означает торжество «коммунизма», не ограничивается ни разработкой государственного положения для правящих слоев и не исчерпывается силовой игрой партийных властей: она проникнута прежде всего в основном намерении суще-бытующим в целом и отношением втянутого в это человеческого общества. Обладание властью вообще свойственно человеку, и все же должны иметься носители власти, которые направляют игру власти в этих «рамках», где им заранее определено притязание на власть, а не, скажем, отрицание только фактического отражения единичных объектов или групп. Таких носителей власти может быть только малая часть группы; ведь лишь немногие сохраняют руководимый транслируемый из центра и собирающий из них назад равномерные группы для надлежащих действий власти. Только немногие также единственно могут заранее гарантировать подхватывание новых и непривычных форм власти и повиноваться поразительному воплощению их в действительность. Только такие немногие обеспечивают распоряжением власти уверенность, что возвращение процесса не пойдет назад и произойдет исполнение запланированных мер. Так устроенные распоряжения властью внутри себя имеют постоянное повышение власти.

«Лишь малая часть» вовсе не подразумевает малое количество причастных к насилию, в отличие от многочисленных «безвластных» в массе, но обозначает собственный вид практикования власти. Сообразные ей носители власти «не имеют» власть как свою власть, чтобы с ее помощью удовлетворить персональное стремление к произволу и тем самым проявить себя как выдающиеся индивиды. Любое публичное название и оценка их деятельности таят в себе опасность склонности к публичному сбиванию с толка указанных курсов и ослабления процессов исполнения власти. Именно потому власть требует от своих носителей, чтобы они оставались безымянными, а их методы – недоступными. Тем более часто требуются и используются во зло они – при публичном притязании на таковых, в действиях которых масса вновь опознает свою собственную «волю». Наиболее острое подтверждение ее полного воплощения создается насильственным возвышением власти (то есть коммунизма) в стиле полного согласия-единодушия, ради которого эти «лишь немногие» объединяются в своем носительстве власти. Их взаимоотношения состоят не в «сентиментальном» «товариществе верных друзей», не в слепой клятве некогда поклявшихся, но в холодном недоверии, заставляющем пристально наблюдать за каждым из других,

а потому привязывающим так к ним всех. Это недоверие никогда не питается из малого страха принижения личного обладания властью. Это питается из более глубокого страха перед всяким ненамеренным нарушением механизма осуществления власти, который будет обеспечивать застывание власти вот в именно сейчас достигнутой ступени власти. Такой существенный страх, который уже заранее должен сберечь, оставив позади, персональную участь носителей власти, чтобы суметь поистине быть неким страхом – это и есть основное настроение «одних представителей меньшей части». Подлинный страх, который во многих образах всякий раз представлен в суще-бытующем как таковом в Целом, может только там обрести позиции и образы действия, проникнуться насквозь поведением, которое пронизывает сплошь отважную храбрость, которая, опять-таки, вовсе не поднимается на поверхность посредством персональной силы воли, но берется из этой представленности в суще-бытующем в целом – из представленности этим привходящим составляющим яда. Так возникает и непубличная безымянность «тех, кого мало в массе» – в силу которой они существуют, как будто их нет вообще; тех, от которых не зависит каждый выбор, но зависит всецело указанность в полное исполнение силового превосходства власти. Безымянность, однако, простирается на все существенные процессы и состояния «коммунистического» общества. Она тем самым есть как бы отражение того приравнивания в равной формовке всех властных отношений. Единообразие само только и позволяет власти безусловного преодоления силы насильственно стать могучим началом. Сила не «принадлежит» ни «народу», ни отдельным людям, ни какому-то Только-Лишь-Узкому-Кругу. Власть не терпит обладающих ею. Эта основанная на безусловном преодолении силой власти нетерпимость как раз и характеризует коммунизм. Но власть господствует вовсе не ради самой власти – здесь хочется сказать: не просто ради чистого исполнения только что достигнутого насилия; это означает постоянно возврат к исходному застыванию власти, которая поистине остается бессильным против сущности власти. Власть господствует ради силового возвышения себя самой в сущности, то есть махинативности. «Коммунизм» есть проработка суще-бытующего как такового посредством проработки власти с превращением ее в махинативность как безусловную самоориентацию силы на целенаправленную махинативность всего суще-бытующего. «Коммунизм» был бы великолепно задуман, если бы он подавался или чувствовался как порождение человеческой жадности к «мести», «счастью» и простому насилию.

«Коммунизм» – в этом вообще нет ничего «человеческого». «Недочеловечество» пусть идет в рабы, «сверх-человек» пусть становится, как представляется, всевластным господином коммунизма, человек повсюду остается застывшим в качестве донныне существовавшей сущности (*animal rationale*), полным исполнителем проработок суще-бытующего через посредство махинативности. С тех пор, как махинативность – как суть бытия – начинает властно преодолевать суще-бытность, «коммунизм» может прежде всего предстать в по большей части неузнаваемых облачениях, но непременно неудержимо – поскольку ни через какое-то отдельное суще-бытующее, не являющиеся необходимыми – становится причастным к концепции бытия поднимающейся в своем полном завершении эпохи Нового времени.

В насильственном расширении власти к махинативности, как ее сущности, порыв власти, вырвавшийся из оков, накладываемых безусловным, перелестывает все сопротивления, ведь только подобное как «действительное» допускает то, что уже ранее поставлено в список махинативности. Поскольку, однако, пересиливание силой сущности власти в «коммунизме» становится историчным, оно требует распространения и закрепления властного порыва в каждом пункте данной необходимости. Совершенно отказывая всякой позиции власти в каждом человеческом устремлении и побуждении, «коммунизм» не возвращается к исторической участи тех народов, которые в период предшествующего хода истории боролись за свое утверждение, но и не учитывает стремлений, желаний и убеждений внутринародных групп людей, между которыми еще существовали отдельные кажущиеся разделения. Но даже этот разрыв человечества времен Нового времени на пути махинизации есть только внешнее выражение нетерпеливости коммунизма и еще не корень существенности в нем. Она достигает своего разворачивания в том, что все расхожие отношения с привычными суще-бытующими факторами нарушаются, а до сих пор обеспечиваемые суще-бытующим подпорки и прибежища больше нигде не предлагаются. Правда, повседневная рутина продолжает свой ход; и даже «редкое» с военными делами в ней случаются. Однако эта привычка подтверждается в видимости не всегда обращаемой во внимание нарушения суще-бытующего и всего, что связано с ним – через власть иллюзорно вытесненных необыкновенностей. В нетерпности «коммунизма» отпущенная на волю разрегулированность указывает на дисфункцию, нарушение которой насильственно принадлежит к сущности махинативности. С этой дисфункцией,

отсутствие которой в махинативности открывается только в моменты, необыкновенное начинает перестраиваться в суть истории, для чего растворение до сих пор бывших мировых эпох «новейшими эпохами» всегда может иметь только второстепенный знак. Первоначально игравшие роль только «второстепенных» по сегодняшним понятиям состояния и положения становятся все реже и реже – в том смысле, что и обозначение суще-бытующего и повседневной деятельности среди них в быту начинает внезапно выделяться как «странное» и «необыкновенное», требующее повышенного внимания. Предвестники, в сущности, иной истории требуют знания о махинативности, которая вовсе не даст им фору, поторопив какими-то ускорениями – и тем самым находясь в её неукоснительной власти и никаким образом не преодолеют ее. Все же это преодоление может не состоять в борьбе с делающей махинативностью и потому – в сквозном спасении и воспроизведении былого. Преодолеть не означает здесь сохранения, в сущности, уже в былом еще «современного», но в предстоящем возникновении и развитии мест грядущего. Преодоление махинативности есть внутреннее нахождение в переходной стадии, которая уже пришла в действие с безусловной махинативностью. Пронизывающее вникание в это внутреннее нахождение происходит в образе некоего знания, которое более деятельно, чем все дела на службе махинативности, поскольку его суть не требует никаких успехов, а есть только то, что оно есть, пока оно есть. Быть истиной посреди махинативно бытующего суще-бытующего означает переходно знать махинативность как со-бытие пра-бытия и ставить неясные вопросы об истине пра-бытия. Быть истиной посреди проработанной махинативностью суще-бытующего – может, посему не обозначать только принадлежность к сфере редкого и необыкновенного, чтобы затем воспринимать неотъемлемое в каком-то виде принадлежности «героизма»; весь героизм принадлежит к уже преходящему «миру» махинативности – и не достигает до внятного вникания в переход.

Стабильная установка на этой основе пронизывания-вникания есть знание. Суть ее остается замкнутой и раскрытие ее завершения сущности невозможно, пока «знание» практикуется в смысле махинативно определенного представления и понимания-знания. Точно так же сразу видно, употребляется ли при этом такое познание как средство, потребное для деятельности, или даже допускает «теоретические» размышления и придает ему даже признак «конструктивного мышления»; ведь это, конечно, было бы чистейшей формой «коммунистического» насильного преодоления махинативности, служащей исключительно служебному расчислению.

**КОНЕЦ НОВОГО ВРЕМЕНИ
В ИСТОРИИ ПРА-БЫТИЯ**

Конец Нового времени в истории пра-бытия

Метафизический признак, говорящий об окончательном завершении Нового времени – это историчное насильственное преодоление сущностной границы «коммунизма» – в направлении понимания конституции бытия эпохи завершенной бессмысленности. «Бессмысленность» понимается здесь в соответствии с понятием смысла, данным в «Бытии и времени». Согласно ему, смысл есть сфера проектов при проектировании бытия на его истину: и истина обсказывает раскрывающее свободно творение бытия в свете его сущения, в свете просвета самораскрытия себя. В нем сущит отвержение, просвечивает указание на пра-бытие. Он как бы собирает себя в этом раздаривании самого себя – как единственно – уникальное; никакое соответствие суще-бытующего не могло бы его выразить в языке, повернуть к выражению в языке.

«Без-смысленное» подразумевает «лишенное истины»: отсутствие просвета бытия в бессмысленности заканчивается тем, что это выпадение в неузнаваемость закосневает в неизменности – а вместе с ним бытие исчезает в забытом забвении. «Бытие» здесь ещё выступает как принимаемое без вопросов наиболее общее слово, говорящее о наиболее всеобщем и пустом – невысказанном приоритет здесь имеет суще-бытующее. Оно говорит о себе и утверждает себя в высказывании, согласно которому оно всячески делается без остатка и, вследствие этого, планируемо и высчитываемо до конца. Таким образом, суще-бытующее вынужденно провоцирует в человеке исключительный приоритет силы. Неудержимая из его безграничных устремлений залегает в превращении человечества в миф – в сказку, согласно которой для него всякий раз существует только делаемое суще-бытуемое для всего. «Бытие» – оставленность бытием – окончательное завершение бессмысленности.

Когда бессмысленность целиком завершает себя, «ценности» (жизненные и культурные) провозглашаются наивысшими целями и целевыми формами человека. «Ценности» есть всякий раз только скрытый перевод лишённого истины бытия в голый заголовок того, что выступает как нечто ценное – оцениваемое и высчитываемое в каждой отдельной области деловитости – это махинативность. И оценивание полного переворота всех ценностей – всё равно, в каком бы направлении оно не происходило – есть окончательное отталкивание-отчаливание в завершенную бессмысленность.

Возникновение разнообразных форм ценностного мышления подтверждает полный переход суще-бытующего в покинутость бытия. Бессильные ценности соответствуют бессилию ценностных представлений. Это способствует преподнесению силы как суще-бытующего, исходя из махинативности.

Сущностность разрешается в виде чистой махинативности – таким образом, что через её суще-бытующее достигает неограниченной силы, а оставленность бытием суще-бытующего обретает скрытую «власть». Она порождает не происходящую из всякой силы делаемость, но происходит из сокрытой истории пра-бытия. Махинативность одна может противопоставить себя самоё исключительно при пересиливании себя ею – и в этом находит свой конец. Там, где бессмысленность достигает власти, а именно – через человека как субъекта, который выступает как судья и арбитр всех своих и всех вообще вещей, устранение всех смыслов (то есть вопросов об истинности пра-бытия, или, иначе, их отзвуков сущностности и их отбрасывания) заменяется таким, что остаётся допустимой только как сообразная мере замена: посредством расчетов, в том числе расчетов с «ценностями». «Ценности» есть перевод истины существования в нечто множественное и огромное. Это – приоритет «ценностной идеи»; приоритет ценностного мышления подтверждается произошедшим окончательно выражением суще-бытующего в расчетах, цифрах.

«Коммунизм» состоит – если судить о нём мыслительно – не в том, что каждый должен работать наравне с другим, зарабатывать деньги трудом и получать наслаждение на эти средства; нет, все образы поведения и установки поведения всех должны стоять в одном и том же принуждении посредством безусловной силы неназванной «меньшей части» из общества. Отсутствие решения (отсутствие роста всякого возможного выбора-решения и всякое впадение в это состояние) становится усреднённой атмосферой, которой дышат все. Эта общность, в которой каждый равен всем, обобщённо существует, как бы не существуя; то, что индустрия становится огосударственной, равно как и национализируются банки; то, что упраздняются крупные землевладения, отменяются монастыри, что всякое знание «интеллигенции» искажается, превращаясь в «специализированное прочтение», во «взгляды спецов», но при этом находит воплощение в действительности¹; то, что про-

¹ As.: переосмысление, устранение

изводство «общественного мнения» так называемого «народа», сделанное прессой и радио, только поддерживает иллюзию общей картины, которую никто не воспринимает в основе серьезно, кроме властителей, которая становится средством их власти так же над другими – всё это, с точки зрения имущества и имени до сих пор существовавшей буржуазии, должно восприниматься как подлинная утрата и как разрушение. Единственное, что надо отметить – огосударствливание «общества» в государстве обозначает мало, поскольку государство становится только подчиненным средством единственной партии, а сама партия, однако, становится аппаратом совета и, как таковая, становится полем игры для «Немногих Единиц». Здесь не свойственно называть никаких имен или рассматривать многих из названных (Сталина, его признанное официально деятельное окружение); всякий раз нужно терпеть это как временный передовой отряд выдвинутых людей.

Эти «всего лишь представители малой части» никоим образом не подразумевают малую часть в их отличии от бесчисленных многих, которые исключаются из расчётов власти. «Эти всего лишь немногие» образуют особый слой в собрании тех, кто находит силы превышать механизмы установления власти в чистом течении без пределов безусловного происходящего. Только немногие из них заслуживают неограниченности или охранения от беспредельного разворачивания ими власти. Этот подход определён метафизически – как единственный из подобных ему неведомых вариантов оставленности бытием всего суще-бытующего – только посредством такого «объединения малой части»¹; так и достигается соглашение и урегулирование, которое подразумевает «процветание» и участие в прогрессах культуры, в устранении классов и профессиональных различий, уравнивании управляемых и «правителей» вопреки возражениям для «народа».

Как? Почему это происходит? Происходит непублично – как форма власти, невольно выдаваемая в форме привычного – в большом перечне заголовков – изобретение имен, в окружении которых она стоит, будто непоколебима и незыблема в мифе – в том, в чем она единственна – эта сила «представителей малой части». И еще одно: все не так, будто бы эти «немногие» только одни поддерживали повсюду своей «решимостью» полную

¹ Аs.: Немногочисленные и непубличные в наибольшей степени связаны с открытостью. Как! Почему это. Публичное как форма власти, ничем не примечательная по форме, вытесненная обычным [?] – великие титулы – изобретение имен.

власть конструкций, направленных против всяких попыток самостоятельных усмотрений и выражений воли отдельных людей и групп – в непоколебимом первенстве¹.

Деспотизм этих «немногих» имеет поэтому свою основу не в персональных, происходящих из персональной жажды власти отдельных «субъектах», но эти последние – с их стороны – уже давно используются как носители и «штаттгальтеры» для безусловного преодоления правил единой власти насильно – имея цель впустить власть в их конструкции и обеспечить как гарантированную видимость ее реальной действительности. Тот, кто говорит здесь о «материализме», свидетельствует только о том, насколько сильно представление цепляется за оставшиеся в пространстве обломки каких-то учебных мнений «для народа» среди сих прочих мнений. Этот «материализм» «духовен» в наивысшем смысле, если учитывать, что в нем принимается окончательное завершение западнической метафизической сущности². Ленин это вполне осознавал. И поэтому «опасность» коммунизма не существует в экономических и общественных последствиях. Скорее, она существует в том, что его духовная суть – его суть как духа – не познаётся, и конфликт противоречий переносится в какую-то другую плоскость, которая полностью обеспечивает его приоритет и его неопровержимость³. Историческая сила коммунизма и его подлинная сущность⁴ как олигархической советской власти – это самое простое и убедительное опровержение якобы ницшеанского учения об эксплуатации эксплуататоров, о «Бессилии» «духа». Вот почему «борьба»⁵ христианских церквей, например, против большевизма не будет иметь никакого значения, поскольку они не могут распознать его духовную сущность, поскольку сами находятся в подчинении «духовному», которое по сути и окончательно лишает христианство возможности когда-либо обрести почву для искоренения «всемирного врага большевизма», выдвигая совершенно отличные,

¹ As.: Знать о России – дело трудное, но чем более все становится известно, тем больше становится желание ничего больше не знать!

² As.: Существо.

³ As.: Это звучит так, как будто его еще можно остановить и повернуть вспять.

⁴ As.: его духовная сущность препятствует принятию решений.

⁵ «Борьба»: 1) На невыразимой плоскости 2) на невыразимой плоскости, вообще ничего не решающая. Что может решать борьба, как не «оправдание» власти, которая как таковая делается излишней?

по сути, места в соответствующих вопросах. Прежде всего, в иллюзорных сражениях, которые заканчиваются заключительным перемирием, «борьбу» за пересиливание четких установлений власти могут возбудить знания, что всякая чистая власть указывает на Другую Власть, которая выступает первопричиной и сущностной основой. Это – «махинативность»; такое слово указывает на существенные различия в западной истории пра-бытия. Это мышление до бесконечности приближается к «действительности» результатов эпохи (причем как раз не в бездеятельном праздном взирании на него) – и выступает как всякий мелкобуржуазный «вариант» вмешательства. Такое заблуждение было бы, конечно, возможно, если бы это мышление виделось вообще – во всяком привычном представлении и мнении, превращаясь в него. Но в пику этому нужно возразить Одно: есть знания о неотвратимом, сущностно различном многообразии, в котором должно произойти историчное преодоление коммунизма навсегда. Наиболее упорным тормозом для этого знания остаётся неназванное и плохо продуманное ожидание некогда существовавшего коммунистического, буржуазного состояния; такое оглупляющее ожидание постоянно питается из ошибочной точки зрения, заключающейся в том, что «публичное» выступает, как единственно действительное, тогда как оно всё же является необходимой, но никогда не просто перепрыгиваемой тенью пустой истории, которая единственно проявляет себя как история пра-бытия.

Не бегство от существенного содержания политической действительности в сферу «духовного», но продумывание политического в духе основы своей неограниченной сущности силы приводит вас в сферу, исходя из которой, «дух» преодолевается – как господствующая форма метафизики – ею самой. И только там, где прежде «дух» оказывается действительным – как противо-картины, наглядно описывающей очертания будущего – мнение об укоренённости духовного в «телесном» создаёт впечатление в истории мировоззренческих признаний веры своей понятностью и возможной значимостью. «Коммунизм», однако, есть отнюдь не чистая государственная форма, но он так же и не вид политического мирового воззрения; он есть метафизическая концепция, в которой обитает существующее в современной форме человечество – с тех пор, как начинает формироваться завершение Нового времени в последней своей стадии. Став привычным в окружении признанных практик (процветание – культурные требования) и будучи обеспечен – как прикрытием – защитной крышей из

спасительных представлений, в которые *надо верить* («вечное блаженство»), чтобы успешно провести эту «жизнь», человек оказывается сегодня всецело поставлен на службу этим устремлениям, которые уже довольно давно считаются допущениями, основанными на хрупких и ломких аргументах, – и человек оказывается во власти всю качающейся конструкции, которая ему только позволяет видеть эти «цели», которые якобы позволяют ему превзойти донныне существовавшее – и тем самым свергнуть его вниз к равнообразию прочего; ведь если теперь нет ничего, кроме тщательной заботы и наслаждения этими радостями телесной жизни, то остается только безусловное распространение этой «цели» на все в целом в жизни здоровой, индустриализированной и технологически культурно продвинутой человеческой массы, которая в будущем будет продолжать подтверждение этого жизненного интереса снова, на более высоком уровне – даже если европейские народы по воле утверждения этих уже давно имевшихся «интересов» или ныне достигаемого обретения оных не смогут уклониться от войны – тогда в интересах сущности необходимо наступит понуждение к справедливой, в безусловности укорененной массовой войне, в которой современное человечество оказывается благодаря сегодняшним условиям, а значит, метафизически определенным суще-бытующим.

Безмолвное вникание в суще-бытующее не позволяет постичь ближайшее будущее, что означает здесь бегство перед пра-бытием истории в ее сущности. Оно возводит все в такое состояние, которое – при полноте уверенности всей жизни и интересов ее – все же позволяет вырастать неуверенности ее разрешения в бесконечность, в ширину. Угроза человеческому бытию, которая как раз и приносится безусловным овладением надежного руководства всеми защитными способами от нее, неосознанно подразумевается и чувствуется, одновременно порождая, опять-таки сопротивление этой иллюзии – и это приобщает к провидению Такого, что присущая новейшему современному обществу метафизика даже не могла представить столь искусному в управлении и в числовом пред-рас-счете человеку. Ему остаётся непостижимым То, что лежит не слишком далеко за степенью простирания его обычного взгляда, но все же столь близко, что уверенно мыслящий человек уже постоянно перепрыгивал бы через такую незначительную близость, отделяющую его от его скрытой сущности, метафизически определённой суще-бытующим. Это ближайшее грядущее не лежит ни рядом с «телом», ни рядом с «душой», ни рядом с духом человека, но,

скорее, не связано со всем этим; пожалуй, это ближе всего к сокрытой основе сущности человека¹: к вникающей погруженности в истину пра-бытия, в силу которой человек неформален в сфере надёжно-определённых направлений и в изменениях и крахе целей, происходящих здесь и там – но при этом может понять суть никчемности вообще (манящий к себе кивок Ничто). Однако это Ничто не является чем-то², но предстает только простейшим и с наибольшим трудом устанавливаемой формой сущности пра-бытия. Пра-бытие обретает только в очень редкие времена свою сокрытую историю в средоточии сути человека и переходит через связь к пра-бытию, отношение к которому не имеет вообще никакого представления о «переживании», однако, есть время от времени еще не случившееся обоснование истины пра-бытия. Это центральное место человека не существует где-либо и никогда не существует само-по-себе («в-себе»), оно только «становится» только событие со-бытования человека в Вот-Тут-бытии – и трактуется исходя из этого. Человек не может «делать» эту историю и никогда не сможет вмешиваться в неё; он может только, будучи сам вмешан в эту историю, готовить время, в которое приходит наиболее грядущее из грядущего – из дали непосредственно близкого (он опосредует середину).

Пока человек находится вне этой подготовки, он заканчивает, болтаясь на длинном переулке между изображенными выходами – туда и сюда, он забывает, проложив путь, что можно, пожалуй, вернуться по нему в донные существующее, а то и в начало, господство которого уже готовит западное человечество вскоре. Восхождение обретает в этом движении сохранение наиболее дальнего грядущего, защита этой сущности придаёт мышлению преобладание его вопросов в рассмотрении отдалённо грядущего издали. Начало – есть тайная история; ведь начало приносит с собой в ярком свете яркость пра-бытия, направленного на Ничто, способом принесения которого является сущение самого пра-бытия.

Если «коммунизм» есть метафизическая концепция народов в последнем отрезке завершения Нового времени, тогда всё лежит в том, что он уже в начале Нового времени должен не наглядно продвигать в дело свою суть, а скрытно. Политически в истории Нового времени происходит становление английского государства, оно есть то же самое – если мыслить

¹ As.: близко, поскольку близко само по себе: Вот-Тут-бытие.

² As.: «нигилизм» все еще метафизика.

его с точки зрения сущности, отвлекаясь от регулярно повторяющихся со временем форм правления и форм общества и веры – то же самое, что и государство соединенных Советских республик – только с тем различием, что там делается огромное смещение в видимости моральности и воспитания народов, основанное на развёртывании насилия, и делается оно откровенно и само собой понятно, тогда как здесь ново-временное «сознание» действует, не оглядываясь назад, даже если не без призвания к осчастливлению народов – и оно само представляет себя в собственной сущности власти. Буржуазно-христианская форма «английского большевизма» есть опаснейшая форма: без уничтожения её Новое время продолжит существовать дальше¹.

Окончательное уничтожение может получить только образ существенного самоуничтожения, который сильнее всего воплощён в силовом преодолении собственной кажущейся сути – в роли спасителя моральности. В какой исторический временной пункт самоуничтожение «коммунизма» встраивается становящимся зримым окончанием прогресса, становится безразлично перед лицом бытийно-пра-исторического уже вынесенного приговора, который делает это неотвратимым. Самоуничтожение имеет свою первую форму в том, что «коммунизм» вытесняет использование воинственных хитросплетений в сферу полных проявлений бессилия. Война не есть – как думал ещё Клаузевиц – продолжение политики другими средствами; если «война» подразумевает «тотальную войну», то есть, войну, развязавшуюся из ставшего беспредельным развития суще-бытующего, то для изменения «политики» и всего, что с ней соседствует, важно то, что «политика» и её планомерное внедрение в саму жизнь больше не может быть сверхмощным рычагом необуздываемых метафизических решений. Такая война не простирается на уже наличное, но принуждает его к проведению существенных решений, над которыми она сама не властвует, поэтому такая война не допускает больше «победителей и побежденных»²; они все становятся рабами истории пра-бытия, для которой они с самого начала кажутся чересчур малыми, чтобы брать их в расчет и понимать, что они тем или иным способом получают страдания – но основываются на том, что оба противника и всякий раз внутри существенно различающегося долж-

¹ As.: то есть их завершение откладывается.

² As.: острее.

ны оставаться связанными друг с другом. Непреодолимый знак для этого состоит в том, чтобы ничего не знать другого и ничего не высчитывать в качестве их «интересов».

Сама война не допускает этого, она использует те или иные «интересы» вкуче – требование Мировых войн впервые было познано Лениным, выдвинуто и использовано им. Его торжество по поводу начала в 1914 году Мировой войны не знало никаких границ.

Чем более современными по времени становятся Мировые войны, тем более неотвратимо они требуют взаимосвязи всех воинственных состояний во власти Немногих. Это, однако, вовсе не означает больше, что нечто принадлежит к бытию народов, а потому может быть изъято отсюда – как элемент всеобщего военного насилия. И именно это было впервые познано Лениным как «тотальная мобилизация» или, если угодно, иначе названная конструкция суще-бытующего, основанная на безграничном нагромождении развертывания силы в безмерности невольно попадающего во взор и как бы само собой разумеющегося втягивания всех и вся – через мировые войны. Они возносят «коммунизм» на высокую ступень лестницы его махинативной сущности. Эта наивысшая «высота» есть единственно соответствующее место, откуда можно броситься, очертя голову, в подготовленное им самым Ничто – и перевести все в долгий конец своего завершения.

Все народы Запада – всякий на свой лад по его историческому сущностному определению – втянуты в этот процесс. Они могут только ускорить или притормозить этот процесс. Они могли бы работать только над его завершением или приостановлением. Они могут, как кажется, бороться за него или пытаться остаться за пределами этого безграничного поля действительности.

А между тем уже началась совсем другая история пра-бытия; ведь если суще-бытующее в целом (здесь и сейчас суще-бытующее махинативности) подгоняет конец, то должно быть иное начало пра-бытия. Сокрытый образ этого начала таков, что его мыслят и возводят в поэзию только редкие мыслители и грядущее – в незнакомом и неведомом знании. Такое начинание, однако, заслуживающее достоинства, и богатейшее наследие собственной сущности пребывают при истории основания своей истины в существующих суще-бытованиях. Что означает появление грандиозной волны махинативного опустошения и вызванные ею «поступки», направленные против прихода последнего Бога и призывающие к присущему спокойному,

полному достоинства ожиданию? Но вот Бог – как же Он? Спроси пра-бытие! И в этой тишине и покое, в изначальной сущности слова, Бог отвечает. Всякий суще-бытующий мог бы отвлечь от него. Нигде не показывает себя след Божий. Все суще-бытующее может преобразовать его, он нигде не находит свободного места для обретения себе уютного убежища Бога. Вам еще останется пройти сквозь свое суще-бытующее, и вы найдете только сущностность его – еще раз то, что у вас еще считалось суще-бытующим. Вы будете объяснять только этим то, что вам уже казалось ясным. Но спроси пра-бытие!

Как, спрашивается, ты станешь задающим вопросы о пра-бытии, но не исследующим суще-бытующее? Только благодаря голосу покоя, который соответствует твоему внимательному вниканию в Вот-Тут-бытие и поднимает настроенное на повиновение грядущему. Ведь только грядущее способно суть божества наполнить изначалью. Боги в их появлении навстречу из грядущего раз-об-основывают основу глубочайшей истории – и они предстают пред-вестиями последнего Бога, этого последнего в явлении из грядущего. Он не приносит ничего, ведь Он – Сам по Себе и Сам с Собой; но даже и Он есть наиболее ожидаемый из всех ожидаемых в пришествии из грядущего. Исходя из себя Самого, Он приносит Будущее (*die Zu-kunft*), его время-поле-пространство в бытии, которое само ждет, как Бог, грядя, воплощает его и воплощает в приходе из грядущего. Таков Бог, волящий вольно избрать пра-бытие для своей неизбежности – крайне великий Бог, которому неведомо деловое считываемое и пред-видение. Последний Бог не раздает утешений. Безутешность возрастает с ростом желания в одной и той же формуле найти исполнение и с-бытие «жизни», каковое желание питается из мнения, что «жизнь» – не важно, «посюсторонняя» или «потусторонняя» – есть единственная и наивысшая форма бытия, которая может быть уместна у человека. Расчеты на спасение души вынуждают вести такую далекую от Вот-Тут-бытия «переживательность», от которой последний Бог остается столь удаленным, что Он уже даже не в силах оторваться от областей и делаемого в такой «жизни».

Пра-бытие, из которого последний Бог в свое время ответит, настраивает на уверенность в грядущем на раздаривание в тишайшем отношении к Земле того мира, который, рас-спаривая свою сущность, в места этой истории помещает историю встречи человека и последнего Бога. Эта безутешность не прикована к наличному, существующему под руками и не привязана ни

к какому суще-бытующему. Она со-бытуется, идя от пра-бытия, как постоянно начинающийся и никогда не превращающийся, соскальзывая, в обычную привычку задор долгого мужества быть стражем, сберегая подготовку к со-бытованию. Эта безутешность еще достаточно сильна, чтобы сохранять страх от оставленности бытием суще-бытующего в сущности безутешности. Однако, возможно, человек все еще – на протяжении столь долгих времен – не готов к боли за это чересчур великодушное долготерпение от безутешности уверенности в пра-бытии. Эта безутешность, однако, сохраняется в себе – в сущности радости. Метафизика и все зависимые от нее формы церковной веры и мировоззрений достигли только того, что утратили в суще-бытующем, в «удовлетворенности» им и через него, пытаясь представить, что вместо этого придет наслаждение «души» и наслаждение «духа».

Радость – это не наслаждение. Радость имеет свою основу в начале истории пра-бытия. Она переносит конец метафизики и тем самым Новое время в то давно прошедшее, с которого начинается переход. Противоположное по направленности великодушие и долготерпение по отношению к надежности суще-бытия исходит только от тех, кто может быть упомянут в связи со словом «забота». Обычно-привычное «переживание» и мнение обретает при таком назывании его оттенки запустения и хлама; это свидетельствует, насколько исключительно оно мыслится, исходя из противоположности тому, что оно знает, как «наслаждение». Таким образом, упускается неспособность знать суть «заботы»; она проистекает из-за заикленности на метафизике, которая сама по себе уже стала общепринятой в своем окончательном триумфе: «коммунизм» как побуждаемый им самим взлет человеческих потребителей махинативности-сделанности. Его «господство» есть конец первого начала истории пра-бытия. Явственный отказ от этого конца есть другое начало этой истории. В первом начале пра-бытие определяет сущность как восходящее движение (φύσις); в ином начале пра-бытие определяет суть как со-бытие. Восходящее развитие, махинативность, со-бытие – это история пра-бытия, в ходе которой суть истории высвобождается из первоначальной сокрытости – через поворот к истории в том, что позволяет пред-мысленно относиться к грядущему как основанию для просветления поля для дискуссии-спора и мыслить его как составляющую истины пра-бытия.

История пра-бытия бросает кубики – и временами создает иллюзию, что человеческие силы определяют, хотя затем они выпадут. Но они вы-

падают в соответствии с той комбинацией, в которой пра-бытие со-бытует себя, воплощаясь в суще-бытующем. О выигрыше знают только те, кто идет в гору. Их подъем есть вход-вступление в готовность позаботиться о близости пра-бытия, из которого происходит без-дно-основность суще-бытующего, чтобы, наконец, вернуться назад как со-бытованная в бытии своя собственность. Пра-бытие как результат со-бытования не только определяет все о времени – в том виде, как оно про-свечивает в этом осуществлении сущения. Пра-бытие как со-бытие несет в себе – в своей без-дно-основе и преобразуемой ей переменчивой сущности изначально единого временного существенного пространства – то, что влияет на историю его грядущего.

Пока будущий человек Запада еще не выбрался из простой зависимости от простых суждений и решений, и еще только учится чтить и уважать без-дно-основную даль близкого, долгие размышления помогут ему распутать сложный клубок и пробудят смелость к постижению – как радости Вот-Тут-бытия. Доступная каждому [?], раскрывающаяся в течении ночи «истина» тогда пропускается мимо ушей – как пустой шум. Они и не требуют никакого опровержения. Это сделают сами шум и творимое под их знаменами. Истина, однако, существенно указывает на тишину и покой пра-бытия. Эта тишина и покой есть близость Последнего Бога.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ К «ИСТОРИИ ПРА-БЫТИЯ» (1938/40)

K. V. Κοινόν

Amor fati – стоять перед суще-бытующим – перенимая его – потому что оно (таково) и как оно есть.

αἰδώς – страх, отсутствие упоминания в со-бытийности пра-бытия.

Пра-бытие – не настроение – а настраивающее пра-бытие, преодолевающее Ничто.

*

Почему пра-бытие?

Собственность бытия – нищета – пра-бытие.

Ход времени истории пра-бытия повёрнут – это обращение в себя есть первое существенное превращение, направленное в сторону Вот-Тут-бытия.

Махинативность

Насильственная и суровая, хитро-потаённая и ненадёжная принадлежит к сущности зловещего, но «злое», даже если не воспринимать его «морально» и употреблять как средство для дискредитации ценностей, чтобы вызвать отвращение, выступает как метафизический признак только при создании впечатления сделанности – махинативности, на который может ещё наткнуться махинативное самосознание, не зная понятийно о существовании себя. Познать злостное в махинативности означает: всё ещё наткнуться на стены круга, существующего во мнении неопределённости, пытаясь уклониться от голого притязания её сущности на испуг.

*

1. Почему суще-бытующее, как таковое, есть суще-бытующее в Целом
2. Как это становится в Целом – при сущностности как махинативности «тотальности».
3. Является ли «тотализация» только добавкой, сделанной задним числом, которая больше уже не означает никакого решительного изложения сущностности?

К VI. Распря. Сущность, сила

Необходимая сущность власти

В какой мере к ней принадлежит постоянное развитие непременно нового (достижения, завоевания власти, успех, пере-живание).

Можно держать «Нет» – при каждом достигнутом, если это будет преодолением искусственного обретения власти.

«Новое» – воздействующее как чересчур сильное.

«Новое», однако, есть и то, что всякий раз маскирует сущность силы – а именно её бес-цельность.

Это лучше всего маскируется посредством прогрессов, которые всё снова и снова возбуждают любопытство, удерживают его и отвлекают от всего постороннего.

*

Делающая сила – это не что-то вообще, но сила, принадлежащая к истории бытия. Бытие как махинативность, абсолютно не знающая пределов субъективности – как объективность. Выделить значительно более резко.

*

Величие силы (её бесконечность) соответствует только изначальной ничтожности её сущности

К VII. Сущность истории. «Начало». «Пра-бытие»

История – что она, как не наиболее дискутируемая в раздразе обоснование и опускание вниз истины пра-бытия, включаемые в её сущность. –

Мыслить – сочинять поэзию – спрашивать – слышать ответы.

Сохранять – перекладывать на другое место,

всё это уже дискутируемое в распре перенесение в своё собственное. Но каким образом?

В обход пра-бытия – и это исторически – что принадлежит к сущности истории и что оно неизбежно приносит с собой?

Не говорит прежде всего, что имеет «историю».

История и история.

Не нужно увлекаться ни распрей, ни охотой с целью обеспечения «интересов» сомнительной «жизни», которая стремится к выживанию.

Это, скорее, война, чтобы, переживая ее, пройти мимо Бога – как разжигание всех простейших человеческих способностей.

Способность быть богом – как суть человека и как основа историчности. Вот-Тут-бытие «есть» история, «есть» «со-бытование»

*

Конец – (не простое прекращение) – а там, где уже все достигнуто, Принадлежность остаётся недоступной, и вместо этого вызывает столкновение с напрасной соразмерностью «нового», которое выказывает себя как огромное вычищение обыкновенного и заурядного.

Полный конец – где нет также другого начала – там, где предусмотрено нисхождение, закат со всеми решениями относительно истины бытия, которые признаются невозможными.

*

История – единственность сущности, в своём наивысшем положении, в нищете простого.

Не взаимодействие былого и его историческое сохранение. Богатство разнообразия всего.

Вот-Тут-бытие – отголосок голоса со-бытования как постоянство стиля.

Через преодоление метафизики устремляется и падает умело положенный исторический взгляд на историю философии – Historia.

*

Существенная твердолобость метафизики

Повседневное мнение Гегель называет абстрактным мышлением, ему он противопоставляет философию, но так показывает, что она противостоит знанию, которое, по его мнению, является метафизическим по происхождению, основанном на метафизике, то представляет её в её твердолобости – так, что это мнение, как бы само по себе, находится в уме у всех. Существенно – сущностным, что только могло быть мышлением пра-бытия, должным к присвоению.

Но почему именно это, почему не равно нарушенная безразличность по отношению к всему повседневно-публичному?

*

Сущность, взывающая к способности быть Богом – Вот-Тут-бытие как основа «историчности». Принятие на себя истории.

К X. Подлинная собственность

Со-бытование и подлинная собственность,

Как со-бытование без-дно-основно уходит внутрь себя и скрыто предоставляет подлинной собственности всю мягкость дарения и всякую твёрдость борьбы.

*

А как же Бог?

Он способствует пра-бытию, указывая назад, Он берет его на Себя и тем самым позволяет стать сущности, понимаемой как Между Тем.

Это сообщает молчанию его силу и покой.

*

Человек и издаваемые им звуки, они нужны для умолчания – исходя из изначальной молчаливости.

*

Подлинная собственность, определяемая из пра-бытия бытие суще-бытующего – правда, нечеловеческая.

Изъятие человека – как вникающего в Вот-Тут-бытие.

Бытие к суще-бытующему – это уже больше не сущность, а нечто существенное исторично, исходя из со-бытования.

Боги и пра-бытие?

*

Мировое одиночество уникально разделяется.

Земля, вбирающая всё назад, – и вновь опознающая и скрывающая в истинном укрытии.

К XI. Структуры сказывания

Истинность пра-бытия – есть просвет само-подачи в сокровенность.

В нём выказывает свою сущность отвержение, высвечивающееся отвержение – есть притягательный свет пра-бытия. Он, маня к себе, забирает это в дарение самого себя, как единственно-уникального.

Никакое тяготение к суще-бытию не может это привести к языку сказывания пра-бытия.

К XIII. Прабытийно-историческое мышление,

Далёкое, простирающееся от начала до начала,

как «умозрение» – «созерцание» – θεωρία – определяет себя как присутствие; так и сейчас пра-бытие – как со-бытование – требует слова и выслушивания. Но в то же время это не есть уже метафизика и не ιδεῖν как νοεῖν – и это – не как существующая истина пра-бытия – как Между Тем среди всех суще-бытующих.

«Слышание» – это не просто как «иной» смысл, но следствие раз-бытовывания, как ожидаемое нахождение грядущего – значит, история.

II. ПРИЛОЖЕНИЕ К KOINON (1939)

Сила и раса

«Раса» есть понятие сила – она предполагает субъективность – сравни Эрнста Юнгера¹. Это означает стремление сказать: только там, где бытие суще-бытующего как бы сокрыто и неосознанно выступает как сила, выявляет свою силу идея «расы». Она заостряется как выражение, которое кроется в составе самоутверждения сознания некоторого народа и утверждается во взаимозависимости с подчеркиванием «биологического» представления вообще – при том особенно тогда, когда «жизнь» определяется как «борьба за существование» (сравни высокую оценку Дарвина в сегодняшнем российском коммунизме).

Наоборот, то, что соответствует представлениям о расах и расчетам о силах рас, заставляет думать об этом знаке, что чистая сущностная сила пра-бытия через посредство самого этого отпускается в оставленность бытием суще-бытующего. Это, однако, характеризует эпоху завершения метафизики; забота о расах есть необходимое условие, выполнять которое требует конец Нового времени. Ей соответствует уже в сущности «культуры» пред-расписанное расслабление её в «культурной политике», которая сама остаётся только средством для преодоления установленных властями ограничений.

*

Осмысленная бессмысленность: оставленность всего бытием. Κοινόν как покинутая бытием устроенность суще-бытующего. Но здесь же есть бытие! Да – и ничуть не меньше, чем раньше? Ценности – безвластие – делаемость – всеобщее делание; везде непонятное и необоснованное, как бытие, только простираение её сущности безусловно.

Полное распространение начинается не только с «предвестия» – оно должно прийти к силам, которые завладеют всеми силами – к властям, которые завладеют всеми властями. Это – κοινόν. Как и исторически.

¹ Vgl. Zu Ernst Jünger »Der Arbeiter«. Gesamtausgabe Band 90.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Два доклада – «История пра-бытия» (1938–40) и «Κοινόν. Из истории пра-бытия» (1939–40) появляются здесь впервые в качестве 69 тома Собрания сочинений.

Рукопись доклада «История пра-бытия» состоит из двух больших частей. В начале первой большой части манускрипта стоит подзаголовок «История пра-бытия I», в начале второй большой части манускрипта – «История пра-бытия». I. Продолжение – II». Две этих части разделены на тринадцать приведенных по порядку частей и 178 отрывков, поскольку ни сам Хайдеггер, ни его брат Фриц не составляли обзора содержания. Тем самым перечень отрывков под римскими и арабскими числами с упорядочиванием их исходит от издателя. Подобное разделение текста не только формально соответствует, но одинаково имеет и содержательное родство с «Докладами философии (О событии)», распределенными приблизительно так же.

Заголовок первой части главы «История пра-бытия» состоит из 288 последовательно пронумерованных листов в формате DIN A5 – или напечатанных более мелким шрифтом. Листы от 224 до 288 суть заметки, которые Хайдеггер, вероятно, сделал сам при предварительной работе над самостоятельной подготовкой рукописи. Некоторые из них обозначили названия частей. Рукопись второй части этого сочинения состоит из 95 пронумерованных листов, приведенных в формате листов первой части. Подробный перечень их находится в обеих частях рукописи слева или справа под каждой страницей. Справа наверху Хайдеггер с помощью цифр и букв отмечал внутренний порядок отрывков.

Рукопись небольшой статьи «Κοινόν. Из истории пра-бытия», написанной в 1939–1940 гг., состоит из 226 фрагментов в виде 23 листов. Хайдеггер явно переделал начало этого доклада, начинающегося в оригинале как лист, пронумерованный слева вверху, и сделал он это на половине написанного листа, что явно проявляется на странице 9.

«Проект к Κοινόν. К истории пра-бытия», каковой никоим образом не может восприниматься в качестве слегка видоизмененной предварительной части первого текста, а должен рассматриваться как самостоятельная работа, состоящих из 10 напечатанных на машинке и 2 рукописных листов,

нумерация которых не даётся – на них продемонстрирован образец сложного мышления Хайдеггера. О машинописном тексте нет никаких упоминаний.

Упоминания второй части доклада «История пра-бытия», как это явствует из второй части, полученной от Фрица Хайдеггера, приводится на странице 87 сверху справа. Особый перечень цифр демонстрирует листы 52A и до 52W, на листе 48 вставлены шесть рукописных листов. Описание второй части состоит из 37 листов, нумерация которых проставлена справа.

Вторая из изданных работ «Κοινόν. Из истории пра-бытия» была переписана Фритцем Хайдеггером на восемнадцати страницах и начинается со второго листа с двумя порядковыми цифрами: они передают больше, нежели числа рукописных страниц, указывающих на лист рукописи, поскольку указывают на рукописные вставки Хайдеггера, где имеет место появляющаяся вначале и сделанная от руки надпись – «Доклады о Κοινόν».

Издатель представил транскрипцию ещё не перечисленных частей рукописи основного текста. Из записей, служивших Хайдеггеру как бы предварительной работой над написанием книги «История пра-бытия», в издании оказались избранные и перенесенные для приложения рукописные вставки и заметки. Не включенные в текст постраничные замечания появляются в виде примечаний.

При этом различается два рода кавычек, арабские цифры служат как ссылки на различия внутри и вне текста. Маленьким шрифтом даны вставленные от руки постраничные примечания: где речь идет о той или иной пометке на полях, используется сокращения Hs. и As. (как заметка в тексте).

Ссылки на тома из Собрания сочинений, приводившиеся до публикации его содержания в марте 1997 года, давались впервые «библиографически» и не говорилось о том, в каком году они увидят свет.

Машинописные вставки чередовались с рукописными; отдельные фрагменты, на которых Хайдеггер не поставил разрешения их публиковать, издатель указал с помощью пометок: речь идёт об о них под № 16, 51, 92, 138, 151, 152, 155 и 157. Были учтены и ошибки брата Хайдеггера, проводившего сравнение и правившего печатный текст в соответствии с рукописным. Описки столь же аккуратно устранялись. Сокращения были по возможности расшифрованы, знаки перепроверены и, по мере необходимости, исправлены.

Пересечения, когда в машиннописной копии, сделанной братом, передавались слова, при публикации выделялись, – что было правилом при издании отдельных томов.

*

Оба доклада «История пра-бытия» (1938–40) и «Κοινόν. Из истории пра-бытия» (1939–40) пребывают вместе с происходящим из того же периода докладом «Преодоление метафизики» (1938–39) в предметной связи с работой «Доклады к философии (О результате)», которая, в свою очередь, образует взаимосвязь с другими его работами по истории пра-бытия – из того ряда, к которому принадлежит «Постижение» (1938–39).

«История пра-бытия» постигает и мыслит – как и работа «История философии» – «историю пра-бытия» как «со-бытие». При взгляде, проникающем в историю пра-бытия, «со-бытие» даёт в то же время и ответ на вопрос о «преодолении метафизики». Это – преодоление, о котором должно вести сообразный разговор мышление, знакомое с историей пра-бытия, предполагает спор с историческими феноменами, в котором описывается Новое время – как «власть» «махинативности». В какой мере такая дискуссия остается связанной с «Вопросами к философии», либо же она, наоборот, продолжает оставаться только «предварительной работой» – все это демонстрирует тот лист, который был прикреплен Хайдеггером к плану «Последовательность публикаций (в кратких изложениях)». Для статьи «История пра-бытия», как и для самой вещи – следовало бы держаться заголовка «Проект докладов как следование друг за другом внутренних тем».

В статье «Κοινόν. Из истории пра-бытия» намечается намерение сделать историческую действительность метафизически понятого Нового времени составляющей частью истории пра-бытия. В сентябре 1939 года началась война, которая оставила свой след – Хайдеггер мыслил её как феномен истории пра-бытия. Середина статьи, однако, посвящена соотношению «махинативности» и «силы», достижению конечного результата в образе коммунизма. «Коммунизм» не может быть понят здесь никоим образом как название идеологии, но выступает как понятие для упорядочения тематики суще-бытийного в целом, которое в конце проявляется в истории метафизики. «Проект к Κοινόν. К истории пра-бытия» «обсуждает» в основе тот же вопрос в качестве первой статьи, но в частности обращает внимание на другие моменты сказанного, – несколько иначе, правда, и κοινόν заключает себя в этот «проект» словами о «пришествии последнего Бога».

*

Я благодарю общего управляющего изданием наследия М. Хайдеггера господина доктора Германа Хайдеггера за то доверие, с которым он передал мне работу с этим томом, равно как и за перепроверку расшифрованных мною рукописных частей текста.

Я благодарю господина профессора доктора Фридриха-Вильгельма фон Херманна, который помог мне поистине разрешить все вопросы с изданием.

Я благодарен господину профессору доктору Генриху Хюни, с которым обсуждал некоторые вопросы расшифровки, и который также два раза перечитал неясные в редакторской работе обороты лично.

Благодарности заслуживает и господин доктор Хартмут Титъен за заботливую помощь при расшифровке.

Наконец, я благодарю господина кандидата филологии Франка Шлегеля и госпожу Анне Унтерманн за работу по приведению материала в окончательный вид и внесение технических правок.

Вунперталь, осень 1997 года

Петер Травны

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ФИЛОСОФСКИЙ КНИЖНЫЙ «ДАЛЬ»
Санкт-Петербург, Дмитровский пер., 4 (с 11:00 до 21:00)
8 (921) 914 45 44 umozrenie.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПРОФИ»
Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 105 (с 10:00 до 19:00)
8 (812) 365 41 38 vk.com/profknigaspb

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, ул. Тверская, д. 17 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПРИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250 65 46 www.rsu.ru/kentavr

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
ЯНДЕКС МАРКЕТ market.yandex.ru
OZON www.ozon.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru

Хайдеггер Мартин
ИСТОРИЯ ПРА-БЫТИЯ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести

в Москве:

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Минске:

«Эпосервис», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kņ. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x90 ¼. Усл. печ. л. 12,8.